

ВВЕДЕНИЕ

Всякая значительная эпоха стремится заявить о себе. Но не всякая эпоха в своем развитии способна претерпевать периоды борьбы за осуществление намеченных идеалов, чтобы остаться у потомков в исторической памяти. Поэтому, чем выразительнее эпохальные картины борьбы, тем более значимым остается их яркое содержание в памяти, притягивая или отталкивая внимание от той высоты, на которую способны были подняться жизненные идеалы. Эпоха Строгановых начинается в далекой Русской старине и заканчивается в начале XX века, характеризуя собой страницы становления сначала купеческих отношений в Древней Руси, а на заключительном этапе - крах построения капитализма в России. Стоит заметить, что в истории создания буржуазных отношений в русском государстве нет другого семейства, принесшего столь значительный вклад в построение капитализма, как и в России нет летописи истории капитализма, которая бы помнила своих отцов-основателей. Обращаться к роли Строгановых в исторической российской действительности приходится для того, чтобы понять и наглядно продемонстрировать те аналогии, которые проявились на этапе поисков путей развития торгово-промышленных отношений на разных этапах экономического развития страны. Ибо эти пути развития оказались не переосмысленными и потому не востребованными на этапе реанимации капитализма рубежа XX – XXI века, поскольку новые веяния проявили себя крайне нежизнеспособным явлением.

Обращаясь к истории, следует заметить, что купеческий капитал, как известно, на европейском континенте зарождался и рос в районе Средиземноморья, откуда наиболее положительно распространялся на Север. Но, не имея возможности развиваться в полноценные капиталистические отношения, (чему способствовал низкий способ производства, т.е. неразвитые производительные силы), купеческий капитал был вынужден приспособливаться и выживать на отдельных территориях, возникающих, как связующие звенья, в цепи разрозненных феодальных уделов. Ну, а поскольку лидеры феодальных уделов из-за собственной ограниченности не могли сами решать проблемы ввоза новых товаров и их обмена, то эту торговую стезю быстро заполняли

купцы-гости, получавшие от местных феодалов какую-либо экономическую уступку.

И тут поучительно то обстоятельство, что европейская цивилизация набирала силу и росла за счет своего простираения к Северу. Соответственно терялось влияние власти и экономического оборота земель, как только попытки усиления могущества осуществлялись за счет расширения на Восток или Запад. В итоге получалось так, что за военным могуществом победивших армий по пятам должно следовать могущество экономическое, но политика захвата территорий не сопровождалась этапами освоения захваченных территорий. Не усвоившая это правило цивилизация Древнего Рима вынуждена была получить встречный урок от варваров и отдать бразды правления на Средиземноморье более успешной в экономическом отношении Византии. Значительно позднее, когда выяснение отношений между государствами будет решаться уже не мечом, а штыком, политики скажут: «на штыках победить можно, но на штыках нельзя усидеть». Поэтому нельзя было усидеть на мечах и Древнему Риму. И на место мечей Рима пришли налоги Константинополя.

В этом смысле политика Византии, ориентированная на налоговые поступления от торговых кораблей, курсирующих с Черного моря в Средиземноморье и наоборот, оказалась более дальновидной и позволила Византии не только экономически окрепнуть, но и пустить ростки далеко на Север. А поскольку Киевская Русь и Великий Новгород продолжили дело Византии, то и наращивание территорий и расширение границ исторически наиболее положительно осуществлялось в северном направлении.

История становления Древней Руси и последующего укрепления России поучительна именно своим характером движения на Север. Обозначившись первоначально в Киевской Руси, как придатке Средиземноморской Византии, это новое государственное образование было вынуждено конкурировать с другими княжествами Руси, не стеснявшимися выставлять себя в качестве ведущих княжеств и претендовать на государственное лидерство. В то же время, оформлялась экономическая ось интересов «на пути из варяг в греки», которая и предопределила будущее направление политического развития и

становления России. Первоначально, выразившись экономической враждой Киева и Великого Новгорода, Древняя Русь, «в бореньях силы набирая», формировалась в движении на Север. С упадком Киева государственное строительство складывалось через Новгородские и Ростовско-Суздальские земли, пока не закрепилось единой волей к победе на Куликовом поле и не приобрело в приемлемом варианте форму Московской Руси. Куликово поле и оказалось тем местом брани, победа на котором определила силы, способные на восточноевропейском направлении осуществлять более передовой способ производства, делая упор при движении на Север, поддержанный другими удельными княжествами.

Воцарение на престоле Древней Руси скандинавских Рюриковичей, так или иначе, тянуло все княжества в сторону экономического уклада прибалтийского региона, откуда по пути из варяг (т.е. викингов) в греки (т.е. византийцы, у которых доминировал греческий язык) на русском престоле смог закрепиться скандинавский князь Рюрик.

На практике же всё оказалось гораздо сложнее, ибо ни Киев в регионе Причерноморья, ни Новгород в Прибалтийском регионе, не смогли лидировать среди удельных княжеств Древней Руси, потому и не могли повести за собой другие княжества. Роль лидирующего княжества, не отягощенного удельными заботами исключительно о своих землях, оформлялась в российской истории поисками «третьего пути», которым в исторической реальности предстало становление Московской Руси. Экономически это выразилось неспособностью Древнего Киева объединить возле себя другие княжества и, тем самым, противостоять нашествию с Востока Золотой Орды. А, сформировавшийся на вечевых (республиканских) устоях Великий Новгород, не мог самостоятельно обеспечить себя в нужном количестве хлебом, поэтому экономически не мог существовать без торгового оборота и, как следствие, республиканских порядков. Поэтому, в целях закупок хлеба и необходимости увеличения торгового оборота, Великий Новгород мало интересовался проблемами других княжеств Руси, предпочитая торговлю с западными соседями и выдвигая себя в качестве посредника между Ганзой на Западе и слабыми княжествами Руси на Востоке.

В ту пору образовавшийся на Балтике торговый Ганзейский союз развил бурную деятельность во взаимоотношениях с купцами-гостями «господина» Великого Новгорода, пытаясь оторвать это княжество от Древней Руси. Начало второго тысячелетия в Западной Европе ознаменовалось крестовыми походами, захватническими войнами, всем тем, что получило название «воинствующего католицизма». Для католицизма, ставшего религией Ганзейского союза, попытки присоединить к себе Великий Новгород и сделать его посредником в деле поставки столь необходимых товаров из восточных славянских княжеств, выглядело крайне привлекательно. Но поскольку Древняя Русь сочла невозможным для себя совершать такие дары на берегах Балтики, ибо востребованные товары были жизненно необходимы самим славянам, то стал разваливаться Ганзейский союз. И тогда на месте этого союза появился ещё более воинственный Ливонский орден, вызванный к жизни тевтонскими настроениями. В результате уже на теле Московской Руси появляется почти отторгаемая часть западных княжеств, идущая на союз с Ливонским орденом.

В XV веке товарооборот новгородских купцов в западном направлении достигал 60% от всей ганзейской торговли, поскольку представлял собой основные сырьевые поставки для ремесленников на берегах Балтики. И великие князья Московской Руси «огнем и мечем» противодействовали переходу Новгорода на сторону Литвы, ставшей к тому времени форпостом Ливонского ордена. Сначала это происходит при Иване III. А потом повторяется при Иоанне IV.

Гибнущий в древнерусской междоусобной борьбе господин Великий Новгород, оказавшийся между непримиримыми противоречиями Московской Руси и Литвы, успевает между тем создать дочерние владения в Поморье (на побережье Белого моря), куда внедрит и свои вечевые порядки. Возникло множество промыслов на Севере, осваиваемых новгородцами, и поэтому в государственном строительстве становившимися русскими поселениями.

В Поморье новгородцы расширили пашенное земледелие: в Обонежье, на Северную Двину, до побережья Белого моря. Исторически сложилось так, что земли эти получили первоначальное название Заволочья, по понятию «волока», как части суши, по которой

приходилось тащить речные суда. Необходимость такого перетаскивания по волоку диктовалась потребностью расширения транспортных путей, которые в ту пору составляли реки и моря. Поэтому, чтобы попасть в Заволочье (иногда ещё называли «Двинские земли»), нужно было перетаскивать по волоку речные суда из бассейна рек Балтийского и южных морей в бассейн рек Белого моря. Вместе с поисками путей продвижения на Север по освоенным волокам туда приходят и новгородские ремёсла. В то же время к жизнеустройству этого края добавлялись промыслы: рыбный, пушной и т.п. В результате Заволочье приобретало характер самостоятельных земель, хозяйственная деятельность на которых требовала столь необходимого железодельного производства.

История путей проникновения новгородцев на Север складывалась трагично. Начиналась она в местах, занимаемых славянами, по которым пролегали два важных речных пути сообщения: один шел из Византии через Черное море, другой – от Каспия и Дальнего Востока. Оба эти пути соединялись на Волхове и, далее рекой Невой, устремлялись к Балтийскому морю. По первой дороге - с Юга на Север поступали товары из Черного и Средиземного морей, а с Севера на Юг проезжали на службу в богатую Византию скандинавы. Летопись Нестора первой назвала эту дорогу «путем из варяг в греки». По другому пути, проходящему по Волге от Каспия, направлялись товары со всего Каспийского побережья, а также из Средней Азии и Индии. Булгары, жившие по берегам Волги ниже нынешней Казани, получали товары от мусульманских купцов и отвозили их вверх по Волге и Шексне до Белого озера, где перепродавали новгородцам (жившим у Ильменя). Новгородцы по Волхову и Неве (либо Оковским волоком – через землю Кривичей и Западную Двину) доставляли товары к Балтийскому («Варяжскому» в ту пору) морю. Обстоятельства вынуждали купца-гостя быть по необходимости воином. Нередко такому купцу-гостю приходилось вооруженной рукой защищать свой товар от грабителей, а при удобном случае и самому превращаться из мирного торговца в разбойника. Что тоже отмечал летописец Нестор.

Морской путь к устью Северной Двины ещё в IX веке открыл норвежский мореход Оттер. В XI веке тут был большой торговый город, в который летом съезжались скандинавские купцы. Территория,

прилегающая к Белому морю, была заселена новгородцами. А вот земли к востоку от Северной Двины, в сторону Печеры, именовались Биармией и Великой Пермией, были больше известны пушниной и привлекали всевозможных купцов. Норвежцы до XIII века ходили в Биармию на своих судах. Отголоском этих сношений осталось название Мурманского (Норманнского) берега и самого Белого моря, называемого в ту пору «Мурманским». Кроме морского торгового пути к берегам Белого моря и к Печерскому краю шли от Волги два речных пути: первый по Каме и её притокам до Чусового озера, затем по речке Березовке и Бухонину волоку (семь верст) в бассейн Двины; а другой путь проходил по более мелким речкам в саму Печору.

Новгородцы, занявшие Северное Поморье не уступили норманнам в смелости на море. Они быстро проникли в Печору, на Новую Землю и даже на берега Карского моря.

В XII веке новгородская торговля получила на европейских рынках особо важное значение, имея за спиной сильную опору в виде «купеческих братств». В основу её легло создание Новгородской торговой конторы, которая была широко признана на берегах Балтики в качестве всех возникающих дочерних контор. Торговля велась на всех кораблях, в том числе и на новгородских, со всевозможными аналогичными партнерами в Европе. Поэтому в XIII веке эта торговля получила всемирную известность. Из всех обитателей Руси на долю одних новгородцев выпал славный жребий – в течение века охранять свободу морского сообщения, вести морскую заграничную торговлю и иметь свой торговый, а временами и военный флот. Но частые поединки со шведами во второй половине XIII века вынудят новгородцев уступить земли на Мурманском побережье (входящие ныне в Финляндию). И хотя князь Александр Ярославович одержал победу за Неву в 1240 году, получив название Невского, но шведы всё же утвердились на Неве и отделили Новгород от Балтики. Ослабленная внутренними противоречиями и татарским владычеством, Московская Русь была так же оттеснена от Каспийского моря царствами Казанским и Астраханским. При всём том, от Азовского и Черного морей её отделили владения крымских татар и крепости Турции.

Единственным военным форпостом новгородцев на Севере, ещё до прихода Ивана III на Московский трон, становились северные монастыри, монахи которых держали оборону от шведов на водных путях Кольского полуострова (Печенгский монастырь), не позволяя их судам проникнуть в Белое море. Другим форпостом, уже на Белом море, станет Соловецкий монастырь. Его основатель, монах Зосима, в 1470 году посещал новгородских единомышленников, которых возглавляла Марфа Борецкая, вдова новгородского посадника и мать действующего в тот период молодого посадника, отчего её иногда ещё называли Марфой Посадницей. После этой встречи и напутствия Марфы монах Зосима стал строить монастырь и утвердаться на Соловецких островах. В результате он сумел не только основать ведущий монастырь-крепость на Белом море, но, по канонам церкви, традиционно оказался в числе святых на Русском Севере. Однако, главное, что обеспечил политический соратник Марфы Борецкой на Соловецких островах, так это защиту всем судам, входящим и выходящим из Северной Двины в Белое море.

Одновременно с Зосимой от литовских настроений партии Марфы Борецкой в Великом Новгороде отходил и Лука Строганов, направляя свой путь к истокам Северной Двины. И именно там, вблизи слияния рек Сухоны и Вычегды, станут три города – Тотьма, Великий Устюг и Сольвычегодск, - которым было суждено определить политику развития Русского Севера, взять на себя восточную политику Московской Руси и привести московского царя к созданию Российской империи.

Само появление Строгановых на Русском Севере, в период становления Московской Руси, было вызвано распадом экономических устоев Великого Новгорода и диктовалось перспективой для этих купцов средней руки оценить ситуацию и связать своё будущее с возможностями экономически реализоваться на этом участке. Такая перспектива оказалась пророческой, спрогнозированной на точном экономическом расчете, открывающем простор для торговли из Заволочья и распространяющем его на остальную часть феодальной Руси. В тот период торговля становилась связующим звеном между враждующими феодальными княжествами, потому как удельные князья были больше способны действовать по примеру Киевской Руси, чем способствовать усилению Московской Руси. Связующим звеном в этом феодальном

противостоянии могло стать только усиление товарооборота между разрозненными землями. И на такую экономическую роль могло претендовать только купечество. В этом смысле движение Луки Кузьмина сына Строганова к истокам Северной Двины означало только то, что в нужное время он оказался в нужном месте.

Белое море для Московской Руси остается единственным морским выходом, откуда в Европу устремляются первые посланники из Москвы. В 1496 году на четырех больших ладьях поморы доставили посланника московской Руси Григория Истома с берега Северной Двины в Дрантгейм, откуда сухим путем он добрался до Копенгагена. После чего подобное путешествие совершил Василий Власий. А в 1501 году тем же путем возвращается из Дании на Русь Юрий Траханиот. Морской выход в Европу начал действовать, и для его поддержки требовался накат второй волны новгородского купечества.

На географической карте России три города у истоков Северной Двины – Тотьма, Великий Устюг и Сольвычегодск - расположились подобно образу бумеранга. На деле эти города и окажутся как раз тем бумерангом, который вбросили из Великого Новгорода на Русский Север, чтобы потом он смог пройти через всю Сибирь, присоединить её, вернуться, и уже российским Причерноморьем замкнуть экономические интересы России в новой столице на Балтике. За всем этим и стояло семейство Строгановых, исторически состоявшихся в качестве отцов-основателей российского капитализма.

Глава 1. ОБУСТРОЙСТВО СТРОГАНОВЫХ НА СЕВЕРЕ

По документам ЛОИИ, профессор Введенский А.А. присутствие Строгановых в Вычегодском крае Двинских земель относит к 1472 году. Основной целью их появления на берегах Вычегды он считает «возможность организовать торговое и промысловое предприятие без сильных конкурентов и без большой затраты капитала». В XV веке начало этой династии положили четыре представителя: Спиридон – Кузьма – Лука – Федор. Хорошо знавший архивы Строгановых, их управляющий на пермских землях Волегов Ф.А., указывал на запись, сохранившуюся в одном из сборников Кирилло-Белозерского монастыря «о происхождении их из дома Добрыниных» в Великом Новгороде. Учитывая, что продвижение новгородцев на Двинские земли осуществлялось именно через Кирилло-Белозерский монастырь, который выполнял функции регистратора перевалочного пункта для промысловых людей, то это упоминание Волегова говорит о многом. На этом сходятся большинство исследователей, включая и академика Г.Миллера, автора «Истории Сибири» времен Екатерины II. В числе переселившихся из Новгорода в Соль Вычегодскую (Сольвычегодск) были кроме Строгановых: Дубровины, Свиньины, Водолеевы, Бояркины, Галкины, Чевыкановы, Беляевы, Прескодоевы, Губины и другие. Согласно Карамзину, «старо-русское солеварение, принадлежащее Великому Новгороду, есть древнейшее заведение».

Постепенное наращивание своего хозяйства в период от Спиридона до Федора, при переходе к пятому представителю династии Строгановых, к Анике, доводит его до «баснословных величин». На деле это оборачивается тем, что Аникей Федоров сын Строганов получает от Иоанна IV поручение – охранять восточные границы государства.

В семье Федора Строганова Аника родился в 1497 году и был младшим сыном, составившим сольвычегодскую ветвь семейства. Его старший брат, Афанасий, является родоначальником ветви Строгановых на реке Сухона, в городе Тотьма, где заводит солеваренный промысел. А сын Афанасия, Григорий, прославится в середине XVI века тем, что будет известен в качестве тотемского

крупного солепромышленника. Да и его сын, Данило Григорьевич, пойдет по стопам отца. Однако, четвертое поколение тотемских Строгановых, представителем которого будет Козьма Данилович, в качестве тотемского воеводы, станет последним, ибо ветвь «угаснет» в 1618 году, не оставив наследников по мужской линии.

Надо сказать, что основные торговые дома того времени редко переживали четыре поколения. Это удалось всего лишь нескольким фамилиям на Руси, как то Шорины, Воронины, Гурьевы, Юдины. Строгановы оказались единственной фамилией, сумевшей продержаться в качестве торгово-промышленного дома почти пять столетий. В этом отношении история династии Строгановых есть не что иное, как история развития капитализма в России.

В 1517 году три других брата Аники получают земли в Устюжском уезде, где в Вондокурском стане, у Соли Качаловской, начинают соляной промысел. Этот промысел устюжских Строгановых остался неизвестным, хотя на него Федор Строганов направил большие силы своего потомства.

По утверждению устюжского летописца, в 1515 году восемнадцатилетний Аника Строганов строит на Соли Вычегодской первую соляную варницу. Тогда же начинается приобретательская политика молодого предпринимателя, которая выражается в объединении значительного числа варничных угодий и дворов с хозяйственными постройками, где разместится большая семья Аники и его дворовые люди, занятые по промыслу, транспорту товаров и торговле.

Тесно связаны с солеварением окажутся железодутный и железоделательный промыслы, о развитии которых должен будет активно заботиться Аника. Железо было дорого, редко доступно, но совершенно необходимо в варничном деле соли. Достать его в ту пору было очень трудно. Аника находит выгодным для себя иметь своих рудознатцев и самому организовывать добычу железа из болотистых, богатых железной рудой мест. Что он и предпринимает, выплавляя руды сыродутным способом в своих домницах в железные крицы. В тот период, а именно в 1578 году, Введенский находит документы о том, что «англичане добывали на Вычегде руду и плавиле железо в

Лондоне». А в Цывозере, это уже в начале Северной Двины, вблизи от места слияния Сухоны с Вычегдой, и по сей день встречаются остатки тех шлаков, образовавшихся от древних строгановских домниц.

Если XV век можно считать первым периодом становления дома Строгановых, то второй период в истории одновременно феодальной вотчины и торгового дома падает на XVI век, на годы жизни и деятельности основателя огромной фирмы – Аники Строганова и небольшой промежуток времени - до Строгановского завоевания Сибири (до 1581 года). Центром гигантского хозяйства стало Сольвычегодское родовое гнездо, где крепким хозяином осел Аника, эксплуатировавший многие народы Севера: вогуличей (манси), осяков (ханты), зырян (коми), пермяков и др. В Сольвычегодске создавались огромные капиталы от торговли, тут же вынашивались планы завоевания Сибири, как единственной рациональной возможности защитить русские границы от набегов с Востока. Владельцы дома оказывали услуги Иоанну Грозному в виде поставок вооруженных сил и расхожих товаров – соболей, пуха, персидского шелка, иногда шитого золотом (чем любили заниматься женщины дома Строгановых). В истории русской этот и последующий периоды торгового дома Строгановых «являли собой более не повторяющийся тип русских Фуггеров и русских Пизарро, и Кортеса одновременно» (Введенский А.А.). Такой период формирования дома Строгановых, в качестве лидеров торгового капитала в Московской Руси, продолжался два столетия.

Технический уровень производства железа при Анике Строганове был самый примитивный. Но спустя полвека, в начале XVII века, сыродутная сплавка из болотистых руд в строгановских мастерских меняется прогрессивным кричным (немецким) способом обработки тех же болотистых руд. Вполне вероятно, что Строгановы эту улучшенную технологию получения железа заимствовали у англичан, которые по привилегии, полученной послом Рандольфом в 1569 году, приобрели право искать руду и строить на берегах Вычегды для её обработки соответствующие мастерские. Соответственно грамотой от 8 августа 1570 года Строгановым было поручено следить за правильностью выполнения англичанами своих обязательств. «Англинским немцам»

было дозволено «ставить у железных руд, где железо делают, домницы, и ныне то невольство отставить, делати им не ослобожати». По той же грамоте Строгановым поручался многообразный контроль за англичанами, включая запрет на торговлю в розницу, взимание с них пошлин, выполнение «заповеди» за нарушение запрещения скупки льна и поскони. Выполнение контроля вынуждало сольвычегодское семейство конфликтовать с английскими купцами. Впрочем, строгановский управляющий П.С.Икосов оставил сведения о том, что Аника Строганов имел постоянные контакты с англичанами, потому, как царскими грамотами 1552, 1555 и 1560 годов ему поручалось закупать на царский обиход ряд английских и неанглийских товаров, и выражалась благодарность за успешное выполнение всякого рода коммерческих поручений для царского двора в Холмогорах и других городах.

Грамота от 1552 года дает основание надеяться, что ещё задолго до путешествия Ченслера и установления торговых отношений с Англией, Аника уже вёл такую торговлю, и не с одной Англией. А торговля эта велась из «Колы на Мурманском», куда из Сольвычегодска прокладывалась зимняя дорога, поездки по которой для Строгановых осуществляли самоеды (ненцы).

Закладывая собственный талант крупного предпринимателя, Аника Строганов передавал эти способности всему последующему роду семейства Строгановых. Неприхотливый в своих потребностях, носящий кафтаны и шубы своих предков, он обнаруживает выдающийся интерес к рукописной и печатной книге и оставляет после себя большую библиотеку. Расчетливый делец, прикрывающийся благочестием, он строит соляные варницы, а рядом с ними - церкви на далекой Коле, на Вычегде, на Каме. Эту стезю позднее подхватят потомки, распространяя уже в Сибири строительство острогов (укрепленных поселений), в которых доминирующее положение отводилось церкви. Как крупный предприниматель Аника умело использовал промахи конкурентов и слабость зависящих от него людей. Его влияние на ближайшее окружение сочетается с умом и дальновидным расчетом политика, получавшего содействие церкви и

центральной власти, ради чего он умел оказывать услуги двору и московскому митрополиту.

Ещё в Новгороде возникающие монастыри «почувствовали возможность» не иметь боярской и княжеской опеки, а строиться на средства и на земле братчины (веча), объединявшей посадских людей. Поэтому в Поморье церковники наступали безо всяких церемоний. Когда одинокий монах, будущий святой-чудотворец, рубил себе в лесу, но обязательно у слияния двух рек, одинокую келью, зародыш будущего монастыря, то окрестные крестьяне уже знали, что создаваемый монастырь вскоре приберет к рукам, как их земли, так и их силы. Аника Строганов в точности копировал эту политику монахов.

Между тем, русское государство, которое со времен Ивана Калиты начинает «собираться к Москве», в период Иоанна Грозного уже имело силы к освобождению своих земель. Завоевание Казани и Астрахани открывает путь в Каспийское море. Торговля Строгановых не замедлила в этом проявиться. Вскоре по тому же пути устремятся англичане.

Однако в период блокирования мусульманами торговых путей по Волге в Бухару и Персию в наивысшей степени проявляется интерес англичан к Русскому Северу. Этот интерес выражался в попытках освоения северо-восточного морского пути, как ближайшей возможности торговать с Индией и Китаем. С такой целью в начале 1553 года английские купцы-искатели снарядили арктическую экспедицию в составе трех кораблей, одним из которых командовал Ричард Ченслер, чтобы пройти северо-восточным морским путем. Но, при движении по маршруту, английские корабли были изрядно потрепаны льдами Карского моря, из-за чего пристать к ближайшему причалу у Белого моря, каковым оказались Холмогоры смог только корабль под руководством Ричарда Ченслера. По другим сведениям, на корабле Ченслера везли табак (как бы из Англии в Индию) и, «потрепанные льдами Карского моря, были вынуждены пристать в Холмогорах». Так или иначе, но с этим английским кораблём в Московской Руси принято считать начало курения. До этого на Руси не курили. Что касается капитана Ченслера, то его срочно повезли в Москву, показывать Иоанну Грозному. Англичане, «принятые

милостливо царем» и получившие значительные торговые привилегии, со свойственной им предприимчивостью решили сделать попытку доставлять в Европу, через Волгу и Каспийское море, товары из Персии и Бухары. Известно, что англичанин Дженкинсон в 1558 году на судне, купленном в Астрахани, «перевозил товары в Мангишлак», на восточном берегу Каспия. Оттуда перебрался он в Бухару и через Каспийское море открыл торговлю с Персией. По примеру Дженкинсона, англичане несколько лет вели торговлю через Каспийское море. Но разбой на Волге заставили их отказаться от этого пути.

Что касалось русского царя, то беседа с английским капитаном Ченслером воодушевила его, и он дал распоряжение строить в устье Северной Двины морской порт Архангельск, и направил, тогда ещё через Холмогоры, своего посла в Англию. Практическое воплощение в жизнь строительства города Архангельска дает основание для понимания русским царём необходимости освоения Северного морского пути. От понимания на Русском Севере необходимости «ходить по морю» на кочах и ладьях, как способа осуществления своей жизнедеятельности, и сложится само понятие «Поморья», которое постепенно вытеснит названия «Заволочья» и «Двинских земель». Потому как строительство Архангельска возведет сам город в качестве столицы Поморья. А положение столицы Поморья вынуждает, в свою очередь, распространять промысловые и торговые пути по морям на весь северо-восточный морской путь. В чём этот город своё предназначение и оправдает.

А тем временем образцовый церковник и хитрый эксплуататор местного населения, изворотливый торговец и смелый предприниматель, умевший идти на риск, Аника Строганов привлекает своих трех сыновей – Якова, Григория и Семена – к управлению хозяйством. Он заставлял их работать самостоятельно, вынуждая тем самым постигать сущность и методы ведения торговых и промышленных дел под своим непосредственным руководством. В результате отцовская выучка пошла впрок. Сыновья Аники наладят торговлю с Бухарой, а затем, через Бухару, со всей Средней Азией.

Голландский исследователь Николай Витзен сумел заметить в торгово-промышленной деятельности рода Строгановых наличие ряда таких характеристик, которые были присущи древне-русскому монастырю в качестве крупного хозяина и организатора народного труда. Так же он отметит способность Строгановых использовать в качестве транспортных путей речные артерии притоков Северной Двины для перевозки товаров, подобно тому, как в родном для Витзена Амстердаме голландцы рыли каналы для водной транспортировки товаров и строительства флота.

Вблизи Сольвычегодска у Строгановых возникали поселения на речках Виляди, Лахоме, Ватсе, Питсе, Паче-озере, переходя на притоки в верховьях Северной Двины в Комарице и Цивозере. Строгановы приобретали эти земли не столько покупкой, сколько ссудно-денежными операциями под залог имущества, ибо нужда в кредите гнала поморского крестьянина к обладателям денежных средств, которые через ссуду и заклад сильно расширяли свои землевладения. Юридически они действовали на условиях хозяйствования поморских монастырей. На речке Иксе, протекающей через Сольвычегодск, Аника налазил ещё разведение раковин и добычу жемчуга.

Путешествующий по Русскому Северу во времена Аники Строганова голландец Исаак Масса, оставил богатые воспоминания, позднее используемые его соотечественником Николаем Витзенем, который в следующем столетии не мог не заметить возросших размеров торговли. Ибо торговля эта осуществлялась в Сольвычегодске, в Устюге, в посадах на Двине, которые в то время стали своеобразными местами концентрации товаров, в значительной части включавших в себя меха. Всё это доставлялось «самоедами и другими народами» водным путем вниз по Вычегде. Аника довольно активно сотрудничал с этими народами Севера, посылая к ним своих представителей с «немецкими товарами». В результате землепроходцы Аники Строганова сумели вверх по рекам пройти до сибирской реки Оби и составить отчёты для хозяина.

При этом не оставались без дел сыновья Аники. Через Калугу их усилиями была организована торговля Строгановых с Литвой и Украиной. А в 1558 году молодой Григорий Аникеевич получает

дозволение и изготавливает селитру (порох). В то же время братья вместе с голландцем Оливером Брюнелем, накануне похода Ермака в Сибирь, на двух кочах организуют поход через Северный Ледовитый океан в Обскую губу. Географическое положение Сольвычегодска складывается так, что в XVI – XVII веках этот город переживает необычайный расцвет. Он оказывается в центре экономической жизни Московской Руси, ибо предприимчивые Строгановы перехватывают инициативу в хозяйственной деятельности у северных монастырей и на собственной финансовой деятельности удерживают и развивают дальше экономическую жизнь в городах: Сольвычегодске, Устюге, Тотьме и собственных вотчинах по всему Северу. При этом во время набега крымских татар на Москву, они пошлют к Серпухову, в помощь Иоанну Грозному, свой отряд в тысячу казаков «с пищалями и всем необходимым припасом за свой счет». Иоанн Грозный не останется в долгу и за заслуги по освоению Севера присвоит городу Устюгу дополнение к названию – Великий!

История образования и постоянного роста торгово-промышленной деятельности дома Строгановых тесно связана с созданием собственного архива и библиотеки. С этим фактом А.А.Введенский напрямую связывает способность этого рода к выживанию. Организация и работа сословия гостей-купчества в Московском государстве всё ещё остаётся неизученной во многих деталях и подробностях. Нет цифрового материала таможенных книг, отсутствуют объемы товарных поступлений, которые давали бы определенное представление о размерах экономического оборота в стране. В отличие от этих обстоятельств, Аника Строганов заводит свои архивы, хранение которых организует по определенной системе, ибо результаты его энергичной жизни приводят к созданию в ряде городов верхнего Поволжья и Оки целой сети торгово-промышленных контор. В этих конторах создаются свои архивы на всякого рода купчие и крепостные документы на людей, которые переводятся в Москву, куда доставляются также документы на недвижимое имущество и угодья из их конторы в Сольвычегодске. Всё это формируется как единая система для ведения судно-приказных дел. Ведет Аника и частную судебную

тяжбу, выступая таким образом не только в роли крупного хозяйственника, но и в качестве стяжателя.

Но основной архив формируется в Сольвычегодском родовом гнезде. Это диктуется нуждами децентрализовать управление в огромном хозяйстве через доверенных лиц, через приказчиков и управителей, наделенных значительной полнотой власти. В судебных схватках с богатыми монастырями и боярами, на основе системы хранения архивов, Аника мог быстро оценивать силы и определять свои возможности, прежде чем затевать тяжбу. Приведенная в порядок система хранения документов позволяла хозяину из Сольвычегодска давать нужные справки в Москву своим приказчикам, ведущим судебные дела.

В то время судебные дела имели место только в спорах на землю и за вотчинные поместья. Стоили судебные разбирательства дорого, велись длительное время, так как ясности в таких документах было очень мало. Простых людей судили их хозяева, а хозяев судил царь. Этим система судопроизводства на Московской Руси и ограничивалась. А вот понятие управления в ту пору сводилось к понятию «собирать дань».

В то же время документы Аники большей частью представляли собой векселя на розданные под кабалу людей деньги, проценты и погашение которых возмещалось трудом кабальных людей. «Дьячки у письменных дел» в строгановских конторах Калуги, Переяславля-Рязанского, Великого Устюга, Вологды, Казани, Нижнего Новгорода вели текущее делопроизводство. Они вели дела торгово-промышленного дома своих хозяев в Сольвычегодске, составляли письменные документы и крепостные акты, сопровождали торговые караваны и даже экспедиции, которые связывали между собою все торгово-провинциальные конторы и направлялись в дальние края: в Северную Сибирь через свой форпост в Усть-Выме; через пермские вотчины в Западную и Среднюю Сибирь; через Астрахань в Бухару и на Восток. В Калугу поступали «товары и рухлядь» с далёкого «немецкого торгового Коле на Мурманском». Этих дьячков, которые «за дела ходят», позднее называли стряпчими, т.е. юрисконсультами. Складывающаяся

система учета и контроля в то время как раз и приобрела те черты управления, которые требовались в столь крупном деле.

Были найдены документы, представляющие связи Строгановых с Бухарой, «о пропуске Яковлева и Григория Оникеевичев Строгановых людей четырех человек с посланником Захарием Богдановых в Бухарию за товарами 1574 (7082) года августа 12». В имуществе Аники появляется много серебряных блюд, кубков восточной работы. Строгановские серебряники творчески подражали восточному рисунку, восточной технике чернения, закрепив её у себя и передав на века эту технику сканного дела в виде перегородчатой эмали и чернения, которые живы на Русском Севере и воспроизводятся до сих пор. Известно и приобщение женской половины дома Строгановых к золотому шитью, также завезенному с Востока.

Кроме обширной хозяйственной деятельности у Строгановых проявляется заметный интерес к духовным ценностям и культурной жизни. Они активно строят храмы и делают вклады в монастыри для замаливания своих грехов. В середине XVI века обитатели родового гнезда в Сольвычегодске проявляют интерес к книгам и заводят обширную библиотеку, вкладывают большие средства в собрание икон. Большой частью закупают книги из Большого дворца, куда они поступают из Спасского кресца, и из Моста (центров тогдашней книжной торговли). Закупают книги и у приезжих иностранцев, и в Литве, и делают заказы через московских дьячков-дипломатов, отъезжающих с посольством за границу. Автор исследования библиотеки Строгановых полагает, что их домашний набор книг уже при жизни Аники соответствовал по объемам значению такого книжного распространителя, каким являлся Большой дворец для Москвы. Но главное назначение домашней библиотеки заключалось в том, что она обслуживала духовные запросы самих владельцев. Наряду с большим количеством книг церковного характера у Строгановых были книги нравственного и назидательного чтения, в церквях не употреблявшихся. Значительную часть таких книг они получали через свою торговую контору в Калуге, откуда вели торговлю с Литвой. Московские власти относились с подозрением к литовской книге, конфисковывали и сжигали их. Но усиливающаяся нужда в книге

заставляла «просачиваться» и такие книги, которые оседали на полках таких крупных владельцев, как Строгановы. Достаточно сравнить библиотеку Аники в 205 экземпляров, с набором книг всех церквей в границах Сольвычегодского посада, в 130 экземпляров, через пятьдесят лет после его смерти, чтобы заметить отставание ведущего торгового центра тогдашней Руси от возможностей его хозяев.

Исторические архивы той поры оставили сведения и о том, что Аника Строганов имел пристрастие выдавать себя за «служивого татарина» у московской власти. Впоследствии эти данные отрицали сами представители семейного клана. К тому же, довольно странным выглядело то обстоятельство, что «служивый татарин» смог бы вытеснить из солеваренного промысла на Севере новгородских промысловиков, смог бы утвердиться в канонах Русской церкви и всецело поддерживать направление старообрядчества, которое столетие спустя будет определять судьбу государства. И, что совсем утопично выглядит, так это реализованная Аникоей деятельность по налаживанию торговых отношений с западноевропейскими купцами по примеру общения новгородской общины гостей-купцов с Ганзейским союзом. Единственное, что в деле «служивого татарина» могло иметь место, и было вполне оправдано, так это – стремление Аники в торговых отношениях с татарами выглядеть своим и на этой базе заключать наиболее выгодные сделки. Поэтому и документы той поры могли отразить это свойство ведущего сольвычегодского дельца – примерять татарский кафтан время от времени, с выгодой для себя.

Сыновья Аники, а затем и внуки, вместе с отцовской и дедовской деловой выучкой по торговому делу, унаследовали культурные запросы, ставшие своеобразной традицией жизни всех последующих поколений дома Строгановых. Эти традиции, запомнившиеся в Европе XVI – XVII веков трогательной заботой нарождающегося торгового слоя людей обо всем прекрасном, находили и у Строгановых выражение в создании атрибутов передовой архитектуры церковных храмов с их художественно-церковным антуражем. В то же время, внешний облик архитектуры начинает у Строгановых подкрепляться пропагандированием «фряжского» многоголосого пения, как средства для гармоничного поддержания внутреннего богослужения.

«Фряжское» многоголосое пенье просачивалось из Польши и стало вытеснять наше старинное унисонное пение.

В конечном счете церковное строительство Аники оборачивалось у детей и внуков тем, что они заводили целые хоры голосистых «спеваков», за которыми посылали в их вотчины из Московского Кремля, чтобы приобщить новые голоса к дворцовому обиходу. Более того, растущие культурные запросы Аники вели к созданию ювелирной мастерской, ставшей мостиком к последующему оформлению мастерской иконной. Иконопись вынуждала хозяев родового гнезда в Сольвычегодске заниматься подбором художников, для выражения на иконах собственного стиля под названием «Строгановского письма».

Для XVI века предметы «богатой» роскоши занимали в домах торговых сословий Европы видное место. В Московской Руси не было исключением и поведение семейства Строгановых, хорошо ориентирующегося, как на целесообразности денежных отношений, так и на ценности приобретаемых товаров. Эти отношения давали новые формы коммерческого оборота и позволяли обогащаться в неслыханных до того времени размерах. На этой волне и происходила концентрация в одних руках значительных предметов искусства. Сольвычегодский Благовещенский собор по внешнему виду представляет церковный храм, а по внутреннему убранству – домашнее хозяйство самой богатой семьи на Руси, принявшего форму двухэтажной пристройки жилого выступа, примкнувшей к собору со стороны реки Вычегды. В этом смысле направление развития умственной культуры даже в таком доме натывается на архаичные черты. Исключение составляет древне-русский монастырь, считавший необходимым ограничивать себя в выражении. Дом Строгановых, внешне напоминая монастырь, а внутренним убранством своих ценностей выражавший значительную широту взглядов хозяев, тем не менее, в своем стремлении не составляли единой целевой установки. Это свойство родоначальников нашей культуры выразилось патриархально, делая упор на частные проявления, а не направление культуры в целом. В итоге, такое выражение их культурного наследия не оставило нам следов единых памятников, отражающих результаты

глубокого размышления, поэтому при знакомстве с ними требуется специальное изучение отдельных его составляющих.

Понять культуру эпохи Аники Строганова можно только утомительно долго приглядываясь ко всему житейскому быту, и, выбирая и группируя те или иные нужные для вдумчивого понимания черты времени, складывая из их разбитых осколков нужные изображения культурной жизни практиков-дельцов, не всегда и не часто позволявших себе отдыхать от будничных забот своей эпохи.

Принято считать, что солевары той поры строили свою экономическую политику на основе получения в льготу мест под варницы на базе грамот от великого князя. Однако, А.А.Введенский установил факт того, что местные правители имели поручение от царской власти на выдачу льготных грамот для поощрения развития промыслов. Так, грамота, выданная Анике ясельничным В.Г.Дровниным за своей волостительскою печатью, на участок под варницу на «Васильевской Оскентьева» под льготу на шесть лет, отражает возникающее уже в тот период времени поощрение промышленности. В течение этих шести лет Аника мог не платить «пошлины варочные и оброку до тех урошных лет». Причем, истечение этих льготных лет начиналось, согласно условиям, с момента, когда Аника «дойдет росолу и заварит варницею». И старания московской власти не остались бесплодными. На льготу потянулись на Север, как церковники, так и светские феодалы. Соловецкие монахи вполне успешно конкурировали с князем Юрием Токмаковым, занимавшим видное положение при дворе Иоанна Грозного. Но прочных корней на вотчинах Строгановых не удавалось пустить ни тем, ни другим. Солеваренные предприятия этих предпринимателей переходили в руки Аники Строганова, который постепенно, путем скупки, сосредотачивал в своих руках большую часть промыслов бывших конкурентов.

Скупал он варницы вместе с дворами, имевшими полный комплект необходимых хозяйственных строений. И действовал Аника постепенно, разрушая скупкой, закладом, а где и просто насильно вытесняя мелкие крестьянские товарищества солеваров, становясь полноправным монополистом Севера. В тех случаях, когда в пределах соляного озера промысловые участки уходили помимо него в другие

руки, Аника Строганов делал всё, чтобы перехватить из этих рук нужные ему владения. Исследователи сумели сделать такой вывод на основе купчих 1562 года. Так, вытесняя князя Ю.Токмакова, он вынуждает его приказчиков от имени своего господина продать по отдельности цирен (железные жаровни для выпаривания соляного рассола) и варницу за семь рублей своему посреднику Дудорову. И уже через шесть дней на этих купчих появляется подпись: «по сей купчей цирен и варницу Агапитко Дудоров продал Якову Анিকেеву - сыну Строганова. А взял есми у Якова те же деньги семь рублей, а подпись Агапитко своею рукою лета 1562 (7070), марта в 8 день».

Обширное хозяйство Аники быстро росло и требовало усиления учета и контроля за положением дел во владениях. Сам хозяин возглавляет земские власти Сольвычегодска и руководит всем происходящим из родового гнезда. Его сыновья – Яков, Григорий и Семен – с 20 лет становятся деятельными помощниками, возглавляя руководство и управление торгово-промышленными делами в удаленных вотчинах, пожалованных отцу по грамоте центральной власти.

С начала действия земского самоуправления в Сольвычегодске Аника занимает в нем первенствующее положение. Жалованных грамот на ведение земского самоуправления ещё не было, а «самоуправление опиралось только на старину» и на то, что «у них издавна так повелось». Высокое экономическое положение Аники Строганова, помноженное на положение земского правителя, делает его известным всему опричному двору Московского государя. В результате чего он пожалован взятием в «государеву опришнину», «со всеми своими и сольвычегодскими и пермскими вотчинами». Грамота приема в опришнину датируется 16 августа 1566 года по челобитию Аники Федоровича и его сыновей. Как опричники они должны были являться к царю по его вызову.

Соответственно московские власти поручают Анике, как главе местных выборных властей, стать во главе операций, дающих возможность реализовывать государев оброчный хлеб в деньги, в которых у Москвы была острая нужда. Однако, хлебные операции проводились Строгановыми и по личной инициативе. Так племянник

Семена, Никита Строганов, со своим двоюродным братом Максимом, взяли на себя поставку овса, круп, толокна в Астрахань на общую сумму в две тысячи рублей, очень крупную для XVI века. Причем закупку продуктов они производили через «закащиков» - мелких подрядчиков, являвшихся на деле агентами-комиссионерами дома Строгановых. А поскольку в это время отсутствовала какая-либо государственная хлебная монополия, то само государство в нужных случаях обращалось к частным поставщикам хлеба, в числе которых имя дома Строгановых занимало видное положение.

Аника, познакомившись с дорогой в Сибирь через нанятых агентов, в 1558 году начинает заселение своих приуральских пермских вотчин. Ему на месте приходится по сути начинать с чистого листа, приобщать к трудному делу своих сыновей Якова и Григория. Втроём они с широким размахом налаживают там ведение хозяйства по правилам феодальной вотчины. Заводят ряд соляных и железоделательных промыслов, устраивают пашню и размещают вновь прибывающее население. В пермских вотчинах расширяется скупка пушнины. На первое место в торговле становится шкурка соболя. И в тех случаях, когда у Иоанна Грозного возникала потребность в получении особо ценных шкурок соболей, то он обращался сразу к Строгановым. А торгово-промышленный дом Аники, официально задействованный на соледобычу, в качестве торговой марки своей фирмы выбирает соболя.

Строгановы становятся для Московского двора не только поставщиками товаров, но и банкирами. Иоанна Грозного, который довольно бесцеремонно требует себе кредита. Вот тут-то и вступает в дело пушнина. Особо привлекательными Строгановы делают Сольвычегодские ярмарки для народностей Печеры, Приуралья и Оби. На ярмарки стекалось большое количество пушнины, которая скупалась самыми богатыми купцами Руси. На этих ярмарках нанимались «казачихи-работницы» для уборочных работ на сельскохозяйственных угодьях феодалов-Строгановых, а также подыскивались невесты для дворовых из «девок-приплавух», которые приплывали на речных судах с товарами для ярмарки. Это был стиль торговли, существовавший в Поморье со времен Новгородской власти и перекочевавший вверх по

Северной Двине, чтобы снова поставить на место вооруженного насилия метод «добровольных» оговоров, создававших видимую выгоду для притесняемого прежде контрагента к сделке. Аника стремился представить себя в сделке приятелем и доброжелателем. Он стал первым купцом, широко распространившим эти новгородские методы торговли на Севере. До него по этим функциям банкиров и ростовщиков действовали только поморские монастыри.

Весьма интересен процесс собирания рабочей силы, выполняемый Аникой, как хозяйственником. Попадали к Строгановым «люди русаки по крепостям и Полонские люди немцы и литвяки по купчим». За закупкой полонных людей и тюремных сидельцев Аника откомандировывал в Москву своих сыновей, а в Москве «литвяков Яков из тюрем покупал». В первый период Ливонской войны, когда «счастьем государевым» победы и удачи сопутствовали войскам Грозного, из Ливонии во множестве были доставлены в Москву и другие города пленные, которых из тюрем лично раздавали феодалам и купцам. На этом поле Строгановы подбирали пленных с большим разбором и расчетливостью, заполучая прежде всего ремесленников высокой квалификации, моряков, переводчиков, строителей. Особенно Аника увеличил свою «рабочую силу» после 1558 года, когда стали расширяться пермские вотчины. Население Приуралья – татары, ханты, манси, пермяки – легко попадали в жернова Строгановской эксплуатации, оказываясь в экономической кабале. Хозяева же держали свои вотчины в крепких руках, строя остроги, в центре которых обязательно возводилась церковь. Принято считать, что в хозяйствах Аники было занято от пяти до шести тысяч человек.

В составе Строгановской дворни был и врач Кайбышев, обслуживающий работных людей на солеварнях. О нем сохранились сведения, что им был переведен с иноземных языков лечебник, в котором рекомендован состав ртутного лечения «шелудивой и чепучинной болезни» (сифилиса).

Как характерную черту крупных владений Аники, следует отметить его тесную связь с вотчинным земледельческим хозяйством. В условиях преобладающего натурального быта объединение торгового хозяйства с землевладением было явлением обычным и объяснимым.

Рост денежного капитала был медленным, страна жила по преимуществу самообслуживающимися мелкими крестьянскими хозяйствами, которые на тот период представляли собой единственно прочный фундамент всей экономики. Несмотря на относительную мощь торгово-промышленного хозяйства, выразившегося, впрочем, не столько в деньгах, сколько в товарах, экономическая сила Аники, прежде всего, базировалась на земледельческой основе. Этот земельный фонд формировался, как вокруг Сольвычегодска, с заходом в Устюжский уезд, так и распространялся на деревни по Вычегде и её притокам: по берегам Виляди, Лахоме, Ватце. Затем землевладения распространялись на деревни верховья Северной Двины, куда примыкали угодья по притокам Комарицы, Цывозера (туда впадало несколько рек, оказавшихся особенно ценными для железодельного производства). По обеим сторонам Двины «в станах Ярокурском, Вандокурском, в волости Вотложемской они имели деревни на Нимяди, Яре, Питсе», располагали рядом «пожен», «полянок» и «рыбных ловель», «деревни же все с лесами и с угодья по купчим и по порядным и по крепостям». Из сохранившихся земельных актов установлено, что Аника Строганов и его сыновья приобретали земли не столько покупкой, сколько ссудно-денежными операциями под залог имущества.

Не остались Строгановы и в стороне от решения вопроса русского освоения Арктики. Были найдены данные, свидетельствующие о посещении Новой Земли голландцем Оливером Брюнелем, служившим в ту пору у сольвычегодских братьев Аникеевичей. Более того, О. Брюнель – один из интереснейших иноземцев на службе у Строгановых. Родившись в 40-х годах XVI века в Брюсселе, он ещё молодым человеком был послан голландскими купцами на одном из первых голландских кораблей на Мурманское побережье для обучения русскому языку. Из Колы, на русской ладье, он прибыл в Холмогоры, где англичане, которым ничем хорошим не грозило прибытие конкурентов – торгующих голландцев, сделали на него донос, обвинив в шпионаже. О. Брюнель очутился в ярославской тюрьме и после нескольких лет заточения был взят на поруки и на вотчинную службу Яковом Аникеевичем Строгановым. После чего для него открылся

морской путь на Новую Землю, где Яков, Григорий и Семен Аникеевичи организовали промысловую колонию из своих дворовых или специально нанятых людей для добычи моржей, нерпы, китов-касаток, рыбы и пушнины, о чем говорил в середине XVIII века архангелогородский историк В.Крестинин. На это же указывал и архангельский губернатор Клингстедт в своей книге на французском языке в 1762 году. Авторы упоминали о сохранившихся в то время на Новой Земле вещественных доказательствах, в виде строгановского некрополя и остатков промысловых строгановских построек. Кроме того, даже в XX веке на Новой Земле сохранялись географические названия, отразившие пребывание там людей в Строгановой губе.

На службе у Аникеевичей О.Брюнель – ловкий организатор-купец и искусный практик - штурман-мореплаватель, был использован ими в качестве торгового агента для сношений с Западной Европой. Строгановы отправляли О.Брюнеля из Колы с драгоценной пушшиной и другими отечественными товарами на рынки Дордрехта, Антверпена и Парижа. Эти поездки использовались с 1570 года по 1577 год.

Величественные храмы Сольвычегодска до сих пор в себе хранят вещественные доказательства попечения Строгановых о церкви, как главном средстве освящения эксплуатации. Аника был вынужден увеличить церковное строительство в связи с обустройством жизни на Пермских вотчинах и их последующим расширением. А расширение такого строительства в его период заканчивалось «в Коле на Мурманском», вынашивая планы распространиться и на Сибирь. Его сын, Григорий, заправлявший на Пермских землях, был вынужден в строящихся укрепленных поселениях (острогах) позаботиться о духовных центрах. Поэтому, запрашивая у местного митрополита Макария разрешения на постройку церквей, он вскоре получал их вместе с освобождением от всяких поборов и пошлин. Строительство церквей тянуло за собой создание ювелирных и иконных мастерских, которые в приемлемом виде оформились уже при детях и внуках Аники. В приобретение икон Аника вкладывал огромные средства, ибо все они изготавливались в золотых и серебряных окладах, украшались венчиками из драгоценных камней и жемчуга. Соответственно художественное выражение формировалось собственными

художниками - иконниками, заложившими основы школы «Строгановского письма», и сосредотачивалось в то время у родового сольвычегодского гнезда. Принято считать, что там же, на речке Иксе и озере, возле хором Строгановых, осуществлялось искусственное разведение жемчужных раковин. На свои средства в Сольвычегодске Строгановы осуществляли строительство Введенского монастыря, становящегося оплотом выражения их архитектуры и церковного искусства.

Практическая мощь Строгановых активно распространялась в их вотчинах на приобщение язычников к православию. В своем родовом гнезде на Вычегде это выражалось широким распространением интереса к искусству: храмовое коллекционирование русского типа, подкрепляясь женскими руками - созданием златотканых пелен и шитья. Всё это формировало для того времени высокую культурную

Икона ГРМ из Каталога выставки 1987 г.
«Искусство Строгановских мастеров»

атмосферу, которой жили члены семьи, впитывая в сознание содержимое богатой библиотеки, и, передавая смысловое содержание на изделия художественных мастерских. В этом смысле художественное воплощение «Строгановского письма» на иконах того времени больше «отдает» содержанием мотивов общественного движения, чем угрюмым переживанием одиноких святых. Их святые-угодники на иконах активны и деятельны, под стать настроениям владельцев мастерской, как бы пытаются решать острые религиозные дилеммы, подобно спорам на житейские проблемы.

В художественном построении образов такие угодники больше напоминают ситуацию на Новгородском вече, где в личном обращении к небесам или в общении с молящимся на икону, - они всегда выражают какую-либо живую мысль к действию, в отличие от традиционной линии христианства, направленной на личное искупление грехов и спасение души в потустороннем мире.

Складывающийся характер семейства, направленный на культивирование деловых качеств, переходит соответствующим образом на строгановские иконы, чему способствует богатое оформление внешних атрибутов, нацеленных на подкрепление мнения об их значительной стоимости. Это обстоятельство в период феодального кризиса не найдет широкой поддержки у московских церковников, идеологически созревающих в сторону реформы патриарха Никона. Зато в последующем, когда купечество будет получать привилегии для развития, значительная часть этого купечества будет представлять старообрядцев, идейно сформировавшихся ещё в XVI веке, в том числе на мотивах «Строгановского письма». Потому последовавший через столетие после активной деятельности Аники церковный раскол, будет находить у старообрядцев выражение в спасении души через активные каноны, включая и строгановское художественное устремление. В период раскола эти высокие мотивы спасения души у старообрядцев дойдут до такого крайнего выражения, как самосожжение верующих вместе с церковным храмом в ответ на насилие официального никонианства, несшего оковы крепостничества.

Сами Строгановы предпочитали называть себя солепромышленниками. Однако их предприимчивость в торговле с северными народностями выражала собой значительно большую статью дохода, чем продажа соли. Им предоставлялись большие права, которыми они не могли не воспользоваться. Так Соль Качаловскую Строгановы получили с лесом, с правом призывать крестьян, ставить дворы и заводить пашню, с освобождением крестьян от дани и пошлины на пятнадцать лет, а от суда и дани наместников и волостителей – бессрочно. В Сольвычегодске создавались огромные капиталы от торговли, владельцы дома Строгановых оказывали всевозможные услуги Иоанну Грозному: от расхожих товаров – соболей, пуха, персидского шелка, иногда шитого

золотом, до поставки вооруженных сил. Постепенно родовое гнездо Аники становится своеобразным центром, в котором вынашиваются планы взятия Сибири, активно поддерживаемые московским царем. Сыновья Аники, уже женившись, не отделяются от отца, а составляют одну большую семью-фирму, действующую на основании авторитета отца-старика. Всякие семейные неурядицы властно подавляются авторитетом отца, про которого народная память сохранила предание, согласно которому гневный Аника за непослушание бросает свою непокорную дочь в Вычегду и водворяет крутой расправой мир в семье. Но объединяло всех Строгановых, конечно же, не расправы отца, а общее дело. Потребности в железе вынуждают семейство начать его производство и в пермских вотчинах – на Яйве и Чусовой. При этом потребности в меди начинают восполняться на Григоровой горе у Пыскорского монастыря.

Московский царь кредиты Строгановых компенсировал раздачей им в вотчину новых владений, с льготой на много лет. Грамотой Иоанна Грозного от 30 мая 1574 года новые вотчины отводились «Якову и Григорию Строгановым на месте за Югорским камнем на Тахчах, на Тоболе и Иртыше и на Оби». Особенность этой грамоты, получившей название «вотчин на Тахчах», состояла в том, что земли эти в большинстве своем не принадлежали царю Московский Руси, а принадлежали хану Кучуму, последнему отпрыску некогда сильного рода татаро-монгольской расы. В то же время активная торгово-промышленная политика дома Строгановых на Русском Севере делала для них тесным европейский континент, в результате чего Иоанн Грозный давал им карт-бланш на распространение такой политики на Азию, то есть подталкивал их к взятию Сибири. И от такого предложения царя они уже никак не могли отказаться.

Из письма Оливера Брюнеля к Балаку и сообщения И.Массы известно, что с 1575 года по 1580 год по поручению Строгановых, в это время озабоченных путями проникновения в Сибирь, он два раза едет: первый раз из Мезени морем в устье Оби; второй раз – вниз по Печере и морем снова до устья Оби. В этих поездках Брюнель пользуется консультацией и руководством в плавании знающих Арктику мезенских носников-лоцманов. В XVI веке холмогорские, мезенские и печерские

русские лоцманы были постоянными навигаторами всех иностранных мореплавателей в Арктике, открывая для них пути в этих широтах.

Аника Строганов прожил долгую жизнь. В разное время он был дважды женат: первая жена Мавра скончалась в 1544 году, вторая – София умерла в 1567 году. От этих браков с супругами он стал отцом тринадцати детей, из которых большинство умерло в младенчестве, а не вышедшие замуж дочери были устроены монахинями. В конце своей жизни он тоже принял монашество под именем Иосифа и ушел в монастырь. В монастыре он, скорее всего, видел возможность реализовать себя через организационную структуру монахов при воздействии на детей, чем ослабшим стариком пытаться это делать из родового гнезда через своих домочадцев. И три его сына, давшие потомство, сохранили сольвычегодскую ветвь Строгановых, преумножили накопленный капитал и продолжили торгово-предпринимательское дело отца.

Постриг Аники в монахи и уход в Предтечинский монастырь под именем Иосифа тоже говорит о многом. Тут явно напрашивается параллель с лидером сильного религиозно-рационализаторского течения Иосифом Волоцким, приверженцем монастырского землевладения и дальновидным политиком. Это течение возникло в последней четверти XV века на волне создания таких мощных монастырей, как Соловецкий, игравших большую роль в освоении и экономическом развитии северного края. В феодальную эпоху на Русском Севере не могла возникнуть ни одна другая сила, занимавшаяся расчисткой северных лесных дебрей, распашкой земли, организованной ловлей рыбы, разведения скота, промыслами: смолекурения, солеварения, зверобойным, железоделательным, слюдяным и другими делами, включая несение военной службы по охране северо-западных рубежей Московской Руси, - без направляющей роли Великого Новгорода. Именно Иосиф Волоцкий оценил эту мощь монастырей и понял, что переход политической власти к Москве приведет к ослаблению новгородско-вечевых устоев предпринимательства и неизбежному наступлению дворянства на церковные земли. А когда Иосиф Волоцкий видел неудачи в легальной борьбе созданного им религиозного движения – осифлян (иосифлян), то переходил к интригам и заговорам. Ещё при его жизни начали создаваться заволжские скиты, основывающиеся на рационализме монастырского

землевладения, ставшие впоследствии отголоском старообрядческого бунта в центральной Руси. Оплотом же борьбы с назревающим дворянством и его системой крепостничества выступит Русский Север.

После погребения монаха Иосифа, в миру Аники Строганова, у его детей произошел раздел сольвычегодских и пермских вотчин. По результатам раздела стало известно, что Семен Аникеевич «своровал», из-за чего братья написали в Москву и пожаловались центральной власти. Реакция была быстрой и в ответ пришла царская грамота от 27 июня 1573 года, в которой Семен Строганов резко ущемлялся в правах. Этот факт указывает на то, какое огромное значение это семейство имело для царя Московской Руси, ведь они были ставленниками Москвы на восточных рубежах государства и всё, что происходило в вотчинах Строгановых, было не безразлично царю. А поскольку скандал задевал государственные интересы по охране границ в Приуралье, вполне оправдано такое быстрое вмешательство Москвы в дело «Семкина воровства». Семен Аникеевич будет на некоторое время отстранен от управления вотчинами, но с 1577 года вернет доверие царя и возвратится к делам своего хозяйства.

На восточном направлении Московской Руси буйствовал хан Кучум, совершая набеги на едва встающие на ноги поселения строгановских служилых людей, ещё в значительной части не имеющих укрепленных поселений – острогов. Поселенцам приходилось наравне с хозяйственной деятельностью по освоению нетронутых ещё земель отражать атаки татаро-монгольских кочевников, всегда готовых поживиться результатами их труда. Тем самым, проблемы развития Русского Севера стали значительно зависеть от того, как сложится будущее ближайшего соседа, Сибири.

Часть 2 ВЗЯТИЕ СИБИРИ

Обстоятельства взятия Сибири на историографической карте России ещё во многом остаются черной дырой. В предыдущие столетия эти события находили всего лишь эпизодические выражения, поскольку аристократичный взгляд российских академиков смущало то обстоятельство, что главный герой, нанесший поражение Сибирскому ханству, был разбойник. А зарубежные исследователи придерживались взглядов голландца Исаака Массы, который в своем сочинении в 1609 году «Описание стран Сибири, Самоедии и Тунгузии», выпущенной в Амстердаме, вовсе не упоминает имени разбойника Ермака, приписывая только Строгановым дело взятия Сибири.

Первые сведения о покорении Сибири записаны архиепископом Киприаном в 1624 году по рассказам участников похода. В 1636 году составлена летопись Саввы Есипова, который помимо записей Киприана, пользовался ещё и татарскими летописями и рассказами казаков. Следующим изданием стала Строгановская летопись, автор составления которой имел в руках первоисточники Есипова, царские грамоты Строгановым, и восполнил труд дополнительными фактами, располагаемыми на тот период. И, наконец, уже в Петровскую эпоху возникает Ремезовская летопись, созданная на основании Есиповской, и двух других источников, до того времени неизвестных. При этом следует заметить, что ещё в 1893 году Строгановская летопись тщательно хранилась в их архивах и была недоступна постороннему взгляду исследователя. Экономические интересы враждующих сторон в Сибири XVI века никто не стремился понять и объяснить, а сами основатели и спонсоры военного похода на Сибирское царство не считали для себя нужным что-то ещё обсуждать и доказывать. История земли Сибирской по времени сама работала на победителей, и Строгановы не видели необходимости кому-то ещё доплачивать за её афиширование.

К историческому повествованию взятия земли Сибирской в XIX веке присоединились художники и писатели, представляя широкому зрителю свои картины и повествования. Затем к делу подключились управляющие делами Строгановых, знающие их архивы и вносящие коррективы в события, происходящие в далеком XVI веке. Но наибольший вклад в

расстановку событий, происходивших в то время в Пермских вотчинах Строгановых, вынуждавших их двигаться за Урал и идти на прямое столкновение с ханом Кучумом, внес уже в середине XX века профессор А.А.Введенский. Будучи знатоком не только русской истории, но и всех сторон её экономической жизни, А.А.Введенский сумел оценить провалы в исследованиях Истории земли Сибирской, но самое главное – смог восполнить многие страницы той поры.

Поэтому, бросая взгляд на экономическое положение Сибирского царства татар за Уральским хребтом в середине XVI века, надо отметить, прежде всего, шаткое положение самого царства, которое по причине собственной слабости не раз заявляло Московскому царю о своем вассальном положении и начинало платить дань. Но, потом обнаруживали себя силы давно развалившейся Золотой Орды, которые брали верх в Сибирском царстве и отказывались сотрудничать с Москвой. Это сопровождалось набегами на восточные поселения Московской Руси и разграблением их. В качестве военной силы для набегов на русские поселения наследники Золотой Орды подталкивали местные кочевые и полукочевые племена, которые не могли противостоять хорошо организованной военной силе сибирского хана, из-за чего полностью подпадали под его власть. В свою очередь, попытки сибирских ханов провести мусульманизацию местного населения и обратить его в свою веру, тоже заканчивались ничем. Ибо экономически Сибирское ханство было не состоятельно вести сколь-нибудь целенаправленную оседлую политику на широкие массы.

На царском престоле Московской Руси тоже видели шаткое положение правителей Сибирского царства. В Москве по размаху грабительской политики своих восточных рубежей оценивали возможности разбойных набегов и предпринимали попытки укротить агрессию ханов, для чего совершали военные походы на Сибирь. Но, как только русские полки устремлялись за Уральский хребет, их ждала неудача. В Сибири той поры не было дорог, и любая военная экспедиция вязла в непроходимых лесах и болотах, из-за чего в большинстве своем гибла даже не увидев вражеского войска. Единственным транспортным путем, по которому можно было добраться до столицы Сибирского царства, оставались реки. Надо сказать, что и процесс вхождения татаро-

монгол в Сибирь осуществлялся в своё время тоже по рекам, только в зимнее время и по льду, с использованием выносливых монгольских лошадей, и до тех пор, пока передвижению сопутствовал незначительный снежный покров. Вести военные действия с акваторий рек московские власти в XVI веке тоже не могли, поскольку не располагали подобными флотскими формированиями. Вот и получалось, что во второй половине XVI века вся инициатива по взятию Сибири перекладывалась на предпринимательский талант семейства Строгановых.

По своему интересу Московское государство издавна поддерживает проникновение русских торговых людей в Сибирь. За это движение в конце XV века выступает церковный миссионер Стефан Пермский и епископ Велико-Пермский Питирим, которые формируют первые планы по освоению просторов Приуралья и Сибири. Что касалось самих народов, населяющих Западную Сибирь, то они, испытывая гнет ханской власти, поднимались на борьбу, часто свергали эксплуататоров и этим серьёзно колебали устои владычества сибирских татар, имевших хотя и примитивно-феодальный, но налаженный и постоянно действовавший аппарат угнетения и подавления. В то же время местное население выступало и против представителей русского феодального государства.

Московская Русь только в 1505 году получила далеко выдвинутый на Восток свой оплот экспансии, установив на землях Великой Перми Чердынское наместничество. До ликвидации Казанского и Астраханского царств и, особенно, до организации пермских вотчин Строгановых, Чердынь не могла стать надёжным оборонным укреплением от агрессии Сибирского царства татар.

Во время освоения Строгановыми Пермских вотчин Сибирское ханство переживало очередной упадок своей государственности, своеобразно повторяя кризисы Золотой Орды. Его устои постоянно сотрясали волны внутренней борьбы за власть. Дворцовые перевороты выражались борьбой между династией нагайских князей Тайбугина рода и династией Шейбанидов-Чингисидов, сопровождаясь оттеснением от трона группировок мурз и беков.

В 1555 году сибирский князь Едигер из Тайбугина рода, чувствуя непрочность положения из-за усиления власти Шейбанида хана Кучума ищет поддержки у далекой и могучей Москвы, шлет послов, объявляет

себя на вассальном положении и обязывается платить дань, по соболу с каждого человека. Но расчет князя Едигера не оправдывается по причине недоверия Москвы, которая вместо военной помощи присылает к сибирскому правителю сборщиков податей и послов для принятия присяги. Отсутствие реальной помощи со стороны Иоанна Грозного усугубляет положение Едигера, который через год присылает всего семьсот соболей, вместо тридцати тысяч по учету московской власти. В результате сами отношения Сибирского царства и Москвы ставятся на очень зыбкую почву. Едигер пытается сослаться на непомерные расходы начавшейся войны с Шайбанидом Кучумом. И тогда царь Московской Руси на сибирского посла «опалу положил... и в Сибирь послал служивого татарина с грамотою, чтоб се во всем перед ним, государем, исправили». В сентябре 1557 года дань Сибирской земли превысила тысячу соболей, сопровождаясь новыми заверениями, выражаемыми грамотой с печатью, «что ся учинил князь в холуйстве, а дань на всю свою землю положил вперед ежегод беспереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать».

Именно в это время, 4 апреля 1558 года, Иоанн Грозный санкционирует своей грамотой организацию Пермских вотчин Строгановых с целью освоения территорий, лежащих между «Чердынью и Соликамском и Казанью и соприкасавшихся в верховьях Яйвы, Чусовой и Сылвы с землями, подвластными и Сибирскому царству». Таким образом, поддержка царем создания Пермских вотчин Строгановых стала необходимым звеном в осуществлении восточной политики Московской Руси, а по существу стала созданием потенциальной базы будущего наступления на Сибирь. Слиянием личных предпринимательских интересов Строгановых с государственной охраной восточных рубежей в данный исторический момент и объясняется будущая сила и мощь этого семейства, которому открываются возможности стать не только земледельцами-феодалами, но и дорасти до уровня государственных деятелей в проведении восточной политики. Отсюда и понятные милости двора для Строгановых, открывающие им льготы и огромные территории в вотчину.

Покорность Сибирского царства в ту пору не могла быть прочной. И действительно, очередной дворцовый переворот 1563 года на высоком

берегу Иртыша, в столице Искере, привел к трагической гибели Едигера, заколотого Кучумом и его братом Бекбулатом Шейбанидом. Кучум пришел к власти. Но и новая власть Кучума не могла себя чувствовать прочно: сын Едигера, Сейдяк, бежал и скрылся где-то в Ишимских степях; не все мурзы приняли власть нового хана Чингисида-Кучума; один из сильных мурз-феодалов засел в Чинги-Туре (Тюмени), другой в Епанче (Туринске). Целый ряд мелких феодалов тоже не принял нового хана. Против Кучума восстали вогульские и осяцкие князьки. Целых семь лет, с 1563 по 1570 год, Кучум борется за сохранение государственных устоев этого последнего осколка Золотой Орды. За время правления он показал себя деспотичным тираном по отношению к местным сибирским народам, не вышедшим ещё из родового быта. Пользуясь родственными связями с нагайцами, хан Кучум создает у себя армию из нагайцев, привлекает к этому и киргизов-кайсаков. Наличие собственной армии делает его независимым в военном отношении от дружин подвластных ему феодалов-мурз. С этой армией Кучум жестоко подавляет восстания вогулов и осяков, усмиряет непокорных феодалов-мурз, делает попытки энергичного проведения мусульманизации местного населения. И пока Кучум занят своей внутренней политикой и военной борьбой с непокорными, он согласен на платеж дани царю в Москве. Но и в Москве понимали, что покорность Кучума непрочна и обманчива, хотя и считали Сибирскую землю своей территорией, что находит подтверждение в сношениях с польским королем Сигизмундом, когда в грамоте к нему от 20 июня 1563 года Иоанн IV называет себя ещё и правителем «...всея Сибири». Но с 1570 года в дипломатических грамотах Кучума в Москву начинал звучать тревожный для царя тон. В 1571 году Кучум присылает в Москву последнюю дань в тысячу соболей. Как только он расправился со всеми своими врагами, так и прекращает дипломатическую игру в повинность Иоанну IV. А своими агрессивными действиями против Пермских вотчин в 1572 году он рвет свои обязательства перед Москвой.

«Черемисский бунт» 1572 года, обрушившийся на Пермские вотчины Строгановых, был организован при участии хана Кучума, что подтверждается словами грамоты Иоанна Грозного к Строгановым от 30 мая 1574 года «... а к нашим де изменникам, к черемисе, как нам была черемиса изменила, посылал Сибирский через Тахчей». Подробности

войны в 1572-1573 годах остались в изложении главного управляющего строгановскими владениями в XVIII веке П.С.Икосова, знакомого с Кунгурской летописью, до нас полностью не дошедшей, и архивами своих хозяев. По его сведениям погромы Пермских земель учинил вогульский князек Бегбелей Ахтаков, напав на Чусовской городок и на Сылвенский острожек и «прочие села и деревни многие, выжег и разорил и убийство учинил». В поселениях на Чусовой в это время находились Яков и Григорий Аникеевичи Строгановы, которые и получили сведения о нападении, провели мобилизацию своих ратных людей в гарнизонах крепостей и пашенных крестьян, снабдили их оружием и организовали погоню, «настигли Бегбелея Ахтакова и в бою его разбили». Им удалось освободить пленных и вернуть украденные ценности, но сам Бигбелей избежал плена и сумел увести остатки своего отряда в Пелым.

В следующем, 1573 году, началось уже непосредственно организованное Кучумом наступление на Пермские вотчины Строгановых, организацией похода своего родственника Малиткула «... с своими мурзами и ратью на Чусовую реку». Малиткул перебил лояльных Москве осяков, которые платили дань, перехватил и убил посла Иоанна IV Третьяка Чебукова. Строгановы, зная о приближении ордынцев, засели в Нижне-Чесовском городке, где собрали своих вооруженных людей и поджидали родственника хана Кучума. Но Малиткул, выяснив силы Строгановых, не доходя пяти верст до Нижнее-Чесовского повернул обратно.

Военные события 1572-1573 годов нарушили мирную жизнь Пермских вотчин Строгановых. Уже во время «черемисского бунта» в 1572 году они просили помощи у чердынского воеводы И.Ю.Булгакова, который доложил о ситуации в Москву и туда же переадресовал запрос. Поэтому царской грамотой от 6 августа 1572 года на имя Якова и Григория Строгановых Иоанн IV идет на широкую поддержку хозяев Пермских вотчин, предоставив им право иметь свою вотчинную армию из «охочих казаков, сколько приберется», «с своими» строгановскими головами и атаманами. Кроме того, царская грамота придавала Строгановым военный план, которого им следовало придерживаться. Надо полагать, что полученное из Москвы разрешение о праве иметь свою вотчинную армию со своими атаманами и легло в основу формирования Строгановыми

дружины Ермака. Однако, они реализовали это право не сразу, а только в 1579 году, когда пригласят Ермака с дружиной к себе на службу.

В целях реализации своего замысла Иоанн IV стремился отодвинуть от восточных границ Московской Руси возможный театр военных действий за счет расширения границы владений Строгановых. Об этом свидетельствует царская грамота от 30 мая 1574 года о пожаловании им территорий за Уралом, на «Тахчах». Ибо территории эти представляли значительный кусок Западной Сибири, включающее в себя и Сибирское ханство Кучума.

На этом фоне широких жестов царя Московской Руси в сторону Строгановых, с получением ими очередных вотчин и разрешением заниматься выплавкой железа и меди «на Устюге, в Перми» и ряде других мест, подкрепляемых дозволением производить селитру (порох), - становится понятным желание Иоанна IV иметь на Севере не столько вотчинников, на которых можно опереться при подготовке и ведении военных действий, сколько государственных деятелей по военной политике. Ведь широкие жесты Строгановых в сторону царя, в виде посылки за свой счет к Серпухову тысячного отряда для отражения нападения крымских татар или выдача царю кредитов для финансирования других отрядов, говорят о взаимном понимании как внутренней, так и внешней политике государства и пути дальнейшего развития Московской Руси. За время царствования Иоанна Грозного строгановские владения протянулись от Мурманского побережья до восточных притоков Оби, а владения Руси простирались на восточноевропейских землях славян.

Но оставался последний осколок татаро-монгольского нашествия, который обосновался в городе Искере, на берегу Иртыша, и держал под контролем сибирские кочевые и полукочевые племена, вынуждая их совершать с целью грабежа набеги на восточные земли Московской Руси. В итоге проблемы Москвы в восточном направлении сводились не к тому, чтобы завоевать народности Сибири, для которых военные действия с соседями были не нужны, а к тому, чтобы устранить в Сибири последний осколок Золотой Орды, в виде царства хана Кучума, которое без военных действий и грабежа существовать не могло. Поэтому, в начальный период выполнения военного плана Иоанна IV по взятию Сибирского царства, напряжение у инициаторов и будущих победителей достигнет такого

уровня, что топор царя уже будет занесен над головами Строгановых. Дикие просторы Сибири с большим трудом сдавали европейскому человеку свои уголья под разумную деятельность.

Но сначала у Строгановых начались проблемы в собственных рядах. Через пару лет после смерти отца, с разницей в один год скончались Яков и Григорий Аникеевичи, оставив у дел своих сыновей Максима и Никиту. В апреле 1579 года Семен Аникеевич с племянниками, Максимом Яковлевичем и Никитой Григорьевичем, направляют на Волгу к Ермаку грамоту с приглашением его дружины на строгановскую службу. Ермак вместе с дружиной приглашались в Пермские вотчины, откуда по рекам можно было добраться до враждебного Сибирского царства.

Текст «Сказания Сибирской земли» Черепанова И.Л. дает следующие данные о личности Ермака: «... о себе Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был суздалец, посадский человек, жил в лишении, от хлебной скупости сошел в Владимир, именем его звали Афанасий Григорьев сын Аленин, и тут вспомнил двух сыновей Родиона и Тимофея, и кормился извозом и был в найму в подвозах у разбойников, на Мурманском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда беже с женой и с детьми в Юрьевец Повольский, умре, а дети его Родион и Тимофей от скудности сошли на реку Чусовую и вотчины Строгановы, ему породил детей. У Родиона два сына – Дмитрий да Лука, у Тимофея дети Гаврило, да Фрол, да Василий. И оный Василий был силен велеречив и остер, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой и от них звался атаманом, призван Ермаком».

Из этого текста складывается вполне закономерная картина того, как Василий Тимофеев, сын Аленина, побывав в работных людях на службе у Строгановых, получил атаманскую кличку Ермак. Такие замены имен прозвищами известны по многим бумагам на строгановских людей. Так по деловой 1583 года от 22 сентября, в числе дворовых, доставшихся по разделу Семену Аникеевичу, имеется Ермак Морок, а по деловой 25 сентября 1583 года, тому же Семену Аникеевичу достался Ермак – езовщик. То есть в силу каких-то способностей Строгановы присваивали своим подопечным имена, которые ни в русском, ни в славянском произношении не употреблялись, но в строгановском обиходе нашли

отражение и даже, в некотором смысле, получили почетное выражение. Так или иначе, но Василий Тимофеевич Аленин предпочел остаться в памяти под именем атамана Ермака или Ермака Тимофеевича.

Но что же делал в 1579 году Ермак Тимофеевич на Волге со своей дружиной? В исторических анализах остались сообщения, что Ермак на Волге казаковал, то есть промышлял грабежом. Согласие казаков прекратить грабеж, стать на службу Строгановых и отправиться для подготовки будущего похода в Чусовской городок Максима Яковлевича, было вызвано рядом обстоятельств. В то время для казаков стали создаваться невозможные условия их пребывания на Волге, ввиду решительного наступления войск Иоанна Грозного, пытавшегося оградить торговые корабли от грабежа на этом, столь жизненно важном для Москвы, транспортном пути в Каспийское море.

История Самарской Луки на Волге, где находятся Жигули, памятна воспоминаниями о пребывании в тех местах Ермака Тимофеевича. Есть даже ссылка на то, что названия ближайших поселений каким-то образом носят имена бывших соратников атамана. Во всяком случае, есть сведения и о том, что своих начальных владельцев Самарская Лука имела под именем Строгановых. И в этом смысле можно утверждать, что Строгановские торговые суда на Волге вряд ли кто-то осмеливался грабить, а вот англичанам пришлось уйти с Каспия. Расположение Ермака на самом почетном месте волжской излучины, в Жигулях, дает основание полагать, что по авторитету среди грабящей братии он занимал не последнее место. Так или иначе, но дела волжских казаков той поры оставили в памяти населения Самарской Луки благодарные воспоминания.

На берегах Чусовой дружина Ермака будет два года готовиться к предстоящему походу. В это время рубились речные струги, на которых дружине предстояло речными путями добраться до хана Кучума. В кузницах отливались пушки и пищали. Шились одежда и знамена, заготавливались продукты питания, изготовлялся порох. Тем временем сама дружина Ермака не сидела сложа руки, а выходила на прямые столкновения с враждебными кочевниками и отражала атаки сибирских племен. Численность дружины пополнялась служилыми людьми Строгановых, готовыми к такому походу.

Ратники Ермака впервые применяют семизарядную пищаль «сороку», которая позднее станет достоянием фондов Государственного Артиллерийского музея. Известно, что тогда в Чусовском городке было заготовлено девять таких «сорок», представлявших собой остроумную комбинацию из семи стволов, врезанных в общую дубовую доску. Стволы имели общий металлический желоб для пороха, поджигание которого обеспечивало эффективный одновременный выстрел из «семи ручных пищалей». Изобретатель новшества остался неизвестным.

В этот же период довольно активно проявляет себя и Оливер Брюнель, который делает какие-то шаги по поддержке похода Ермака, но смысл их так и остается невыясненным. В 1581 году Брюнель едет в Антверпен по поручению Строгановых приглашать на строгановскую службу бывалых и опытных моряков-голландцев. Сами Строгановы к этому времени на своих верфях, под руководством шведских моряков, состоящих у них на службе, отстроили два корабля для экспедиции в Сибирь, через устье Оби. И эта экспедиция по каким-то причинам не состоялась. Именно в то же время Брюнель появляется на службе голландского купца Балтазара де Мушерона и совершает путешествие из Энкгейзена с товарами в Китай северо-восточным морским путем. Именно в эту поездку Брюнель «достиг Новой Земли и первый из западноевропейских плавателей посетил Костин шар». Очевидно, это диктовалось необходимостью высадки на Новой Земле строгановских промысловых людей. Далее, из-за льдов Карского моря, он не прошел, потерпел крушение. Но уцелел и вернулся на родину в Голландию.

История 1581 года с Оливером Брюнелем интересна в том смысле, что им велась вербовка иностранных моряков на те два отстроенных корабля у Строгановых, которые должны были пройти через устье Оби и, как представляется, произвести какие-то военные действия против хана Кучума. Но, как показывают события, в западных гаванях не нашлось желающих испытывать себя в противостоянии со льдами Карского моря, поэтому Брюнель пытался уже самостоятельно пройти этим путем в Китай и что-то этим доказать. Так или иначе, но в Западной Европе той поры, учитывая и хлопоты англичанина Ричарда Ченслера, знали о северо-восточном морском пути и время от времени пытались по нему пройти. Однако, как покажут повествования Исаака Массы, а они вышли на

голландском и латинском языках в 1609 и 1612 годах, он скорее всего считал состоявшимся поход на хана Кучума со стороны Обской губы, возглавляемого теми двумя отстроеными у Строгановых кораблями, поскольку ничего не знал о другом направлении, с которого заходила по уральским рекам дружина Ермака.

Напряжение от предстоящего похода Ермака в Сибирь в строгановских вотчинах на Чусовой к лету 1581 года достигло предела. Первым не выдержал Никита Григорьевич и отошел от дел. Находящийся летом того же года в Москве его дядя, Семен Аникеевич жалуется царю на племянника, который не помог на Чусовой ему и Максиму. Царь реагирует весьма активно и посылает в ноябре 1581 года грамоту девятнадцатилетнему Никите Григорьевичу с осуждением его нейтралитета в войне и повелевает ему посылать своих людей, сколько «пригоже и стояли бы они с Семеновыми и Максимовыми людьми задин и себя оберегли сообща». Однако и эта грамота не вывела Никиту Григорьевича из состояния нейтралитета и он не принял никакого активного участия в предстоящих событиях.

Утром 1 сентября 1581 года, погрузившись в строгановские струги, соратники Ермака отчалили от берега Чусовой и первые взмахи весел определили движение вверх по реке, направляя общий курс этой флотилии к Сибирскому царству. Им предстоял долгий и трудный путь. И вряд ли на этом утомительном пути кто-то из них мог себе представить, что в большинстве своем они плывут одновременно и к своей неминуемой гибели, и к своему бессмертию. И, конечно же, они не могли себе представить, что по итогам их похода российская молва сложит былины, а писательский ум поднимет их имена на уровень сказочных героев. На тот момент они могли иметь только четкое представление о том, что значение самого похода выходило далеко за рамки личных интересов вотченников Строгановых. Они могли представлять трудности, которые их ждут там, «на Тахчах», но не могли догадываться о том, что те люди, которые остались на берегу и готовили их поход, уже в ближайшее время вынуждены будут приступить к боевым действиям с посланниками Кучума.

С уходом основных сил к Сибирскому царству очистилось поле для мелких набегов враждебных Московской Руси кочевников. В тот же день,

1 сентября 1581 года, после ухода основных сил Ермака, перед чусовским городком двадцатичетырехлетнего Максима Яковлевича Строганова – Чердынью уже стояли войска пелымского князя Кихека.

Первый удар полчища Кихека обрушили на столицу края, на Чердынь. Чердынский воевода князь И.М.Елецкий, занимавший эту должность до декабря 1581 года, и вновь назначенный воевода В.Перепелицын, несмотря на неожиданность появления вражеских отрядов, сумели хорошо организовать оборону. Кихеку не удалось взять Чердынь. Тогда, страшно опустошив окрестности Чердыни, Кихек пошел к Кай-городку, где «велию пакость учинща». Чувствуя возможность свободно грабить и оставаться безнаказанным, пелымский князек пополнял свои ряды за счет покоренных осяков, вогуличей, татар и прочих народностей прикамского края. Разгромив район Кай-городка, Кихек вышел на Каму и обрушился на Соликамск, к тому времени ещё только складывающийся солеваренный центр и посад. Церковные архивы Соликамска сохранили сведения о страшных погромах и разорении посада, учиненным этим нашествием. Соликамск Кихек взял и сжег. Множество посадских людей погибло. Убитые были похоронены после ухода воинствующих кочевников в братской могиле на песочном холме, с южной стороны посада.

После разгрома Соликамска Кихек направился в прикамские вотчины «придерживающегося нейтралитета» Никиты Григорьевича Строганова. Но ему не удалось взять основных укрепленных поселений этих владений. И Камгорот-Пыскорский монастырь, и Кердеган-Орел-городок отбили все атаки неприятеля, который успел разорить и сжечь окрестные деревни и поселения.

Следующим этапом на пути Кихека был Нижне-Чусовской городок Максима Яковлевича Строганова. Отлично укрепленный Чусовской городок, так Яйвинский и Сылвинский острожки, не только устояли против штурмов пришельцев, но и нанесли ему основательный урон вылазками своих гарнизонов. Решающее сражение Максимом Яковлевичем было дано Кихеку в районе Нижне-Чусовского городка. Оно продолжалось целый день. Строганов, собрав вооруженную силу своего вотчинного гарнизона, вооружив сбежавших в Чусовской городок крестьян, промысловых работных людей и «около живущих мирных

осяков и вогуличей, на того князца, в некотором месте тесном, сильное нападение учинили». Кихек был вынужден бежать с остатками своей рати.

Как покажут события, Семен Аникеевич и Максим Яковлевич не поставили в известность, о начавшемся походе Ермака, ни отбывающего из чердынского наместничества воеводу князя И.М.Елецкого, ни вновь назначенного воеводу В.Перепелицына. И пока буйствовали на строгановских Пермских вотчинах полчища Кихека, казаки и ратные люди под командой Ермака заканчивали утомительное плавание по рекам, врывались в царство Кучума и начинали громить его устои. Картины того, как это могло происходить, лучше всего выразил известный художник Василий Суриков.

В.Суриков. Взятие Сибири дружиной Ермака. Время создания картины - 1895г.

В исторической памяти осталась не установленной точная цифра численности дружины Ермака, участвующая в походе. В публикациях остались только цифры анализа различных исследователей, которые разнятся в показаниях от пяти тысяч (у академика Г.Миллера) до пятидесяти человек у одного из местных историков. Большинство же аналитиков сходятся на цифре в двести человек, что вполне соответствует размерам происшедшего. Успех соратников Ермака достигался не количеством, а качеством. И в этой битве лучники Кучума не могли противопоставить огневой мощи дружины Ермака ни аналогичного отпора, ни обеспечить надежной защиты для себя. Потому как уровень вооружения армии Кучума оставался на уровне оснащения войск

Чингисхана. И это обстоятельство, учитывая предыдущий опыт защиты малыми гарнизонами строгановских острожков от нашествий вооруженных формирований хана Кучума, был определяющим в выборе способа разгрома Сибирского ханства. Воины с луком и стрелой оказались бессильны перед маневренными стругами на реках, ощетинившихся стволами пушек, пищалей и семизарядных «сорок». Даже в случае неуспеха дружина Ермака могла отплыть в безопасное место и произвести перегруппировку сил, чтобы нанести более мощный удар. В таком положении двести соратников Ермака могли противостоять тысячам воинов Кучума, организовав для собственной защиты от стрел, в качестве щита, незначительное наращивание бортов на стругах.

Только через год после начала похода на Сибирское царство чердынский воевода в своем отчете царю объяснит в качестве основной причины страшных погромов Пермской земли – отсутствие главных сил вотчиной армии Строгановых, под командой Ермака. Вот тут-то и разразится скандал. Ответом на этот отчет Василия Перепелицына является хорошо известная историкам царская грамота 1582 года от 16 ноября, названная «опальной» для Строгановых. Иоанн Грозный негодовал, говоря в ней о «призвании» Строгановыми Ермака, и откровенно заносил топор над их головами: «... а волжских атаманов к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указу...». Эта грамота стала ещё и единственным официальным документом, подтверждающим принадлежность Ермака к волжскому казачеству, а не к донскому.

Царь послал нового наместника в Чердынь – Воина Оничкова с начальником ратных людей Иваном Глуховым и приказал Строгановым вернуть отряд Ермака. Но в то время казаки и строгановские люди уже наводили свои порядки в Кучумовом царстве, военная машина Строгановых набрала полные обороты, подавив сопротивление основных сил противника. Остановить такую военную машину никто бы не смог и вернуть Ермака в изменившейся расстановке сил в Сибири было уже невозможно. Но известно, что под воздействием каких-то обстоятельств, Ермак отправляет в Москву с докладом царю, своего ближайшего соратника Ивана Кольцо, приговоренного несколько раз Иоанном Грозным к смертной казни. Из чего следует полагать, что царь знал этого

разбойника лично. Поэтому, когда Иван Кольцо предстал перед царем и доложил о взятии Сибири и принадлежности теперь Сибирского царства Московской Руси, гнев Иоанна Грозного меняется на милость. Результатом изменившегося мнения царя стала шуба «с царского плеча», которая переходит на плечи помилованного им разбойника, вслед за которой следует «отпущение грехов» Ермаку и всей его дружине.

Назначенный царем первый воевода Сибири князь С.Д.Болховский с головами Иваном Киреевым и Иваном Глуховым будут посланы на помощь Ермаку и придут в Искер в ноябре 1584 года. Но царские посланники большой помощи казакам оказать не смогут. В Искере не было продовольствия и воевода Болховский вскоре сам умрёт от голода. На этом же поле борьбы за пропитание погибнет и атаман Ермак 6 августа 1584 года. На берегу, не зная местности, дружина Ермака окажется более уязвимой для кучумовых ратников, чем на воде. Поэтому в поисках пропитания победители были вынуждены сталкиваться на пересеченной местности с недобитыми остатками приспешников Кучума, чтобы как-то раздобыть питание. И в таких столкновениях перевес сил вполне мог чаще оказываться на стороне ханской рати, более приспособленной и хорошо знавшей местные пути-дороги. К тому же следует учесть, если ханская рать и стремилась к чему-то, так это запереть русское войско в их новом укреплении и уморить голодом. Ибо хорошо известно, что укрепленные поселения на суше не имели значительных запасов продовольствия и их осада часто приводит обороняющихся к трагической гибели. Поэтому, как показывают события, военный план Ермака содержал все аспекты разгрома ненавистой армии Кучума, но не имел рекомендаций к дальнейшему обустройству и налаживанию мирной жизни дружины в самой Сибири.

После гибели Ермака и князя Болховского остатки казаков и отряда первого воеводы покинут завоеванные укрепления в Сибири. Сибирь на некоторое время останется вообще без управления.

Второе «завоевание» Сибири будет уже экономическим. Теперь этому ничего не препятствовало. Налаживание мирной жизни требовало организации промыслов, потому как основная причина военных раздоров на больших просторах была ликвидирована. Само время требовало налаживания экономического связей. Однако, на необжитых просторах

Сибири новые переселенцы должны были быть готовы к развитию любых военных событий. По сохранившейся грамоте 1592 года от 2 июля Максиму и Никите Строгановым предписывалось дать для таких целей из своих Пермских вотчин «100 человек ратных людей с ружьями, и с луки, и с рогатинами, и со всем ратным боем».

Первая дорога из Москвы в Сибирь проляжет по тому же маршруту, по которому туда заходили Строгановы. Она пройдет по транспортным артериям рек Сухоны и Вычегды, и далее вольётся в Печору. Откуда путешественники должны были перейти на речки Урала, после преодоления которых открывался простор бассейна сибирских рек. Основным центром формирования землепроходцев Сибири станет Великий Устюг. Отправляясь из Устюга, землепроходцы вскоре достигали Сольвычегодска, проплывая мимо которого могли засвидетельствовать своё почтение отцам-основателям переселения народов в Сибирь.

Освоение Сибири сначала населением Московской Руси, а затем и России, имело прогрессивное значение, поскольку народности, населяющие эти необъятные просторы, приобщались к более высокой культуре, к более развитой сельскохозяйственной технике и ремесленному производству. Это способствовало и более быстрому разложению патриархального первобытного строя, в котором пребывало ещё значительная часть населения Сибири. Разложение первобытнообщинного строя и переход к феодальному способу производства Московской Руси становилось прогрессивным явлением в жизнедеятельности местного населения.

Разгром хана Кучума и открытие первого водного пути в Сибирь послужило мощным толчком к тому великому движению русского народа от Уральского хребта на Восток, которое привело к освоению необъятных просторов русскими крестьянами до самого Тихого океана. Но и Тихий океан не остановил это движение русского народа дальше на Восток. Отважные землепроходцы, казаки и крестьяне прошли через Алеутские острова и вышли к Аляске, после чего стали заселять эти земли вплоть до Калифорнийского побережья, основав «Русскую Америку». За народной колонизацией сибирских пространств шли царские воеводы, возглавлявшие гарнизоны сибирских острожков, откуда уже начинало

строиться феодальное российское государство, включающее в свой состав и народы Сибири.

Между тем дела на Московской Руси, после успешного похода Ермака в Сибирь, шли плохо. Русь входила в экономический кризис феодального государства. Кризис обострял все внутренние противоречия, несмотря на то, что на внешнем направлении достигались внушительные победы. В ночь на 22 октября 1586 года произошло посадское восстание в Сольвычегодске, направленное против Строгановых. В результате восстания был убит Семен Аникеевич Строганов. Главным вожаком в этих событиях был «Никитин сын с товарищы». У Семена Аникеевича остались двое сыновей, Петр и Андрей, которым было всего лишь пять и шесть лет. И в этот напряженный период всё стало зависеть от их матери Евдокии Нестеровны, урожденной Лагиновой, являвшейся сестрой соликамского воеводы. В это время именно она поведет молодую поросль Строгановых по трудным ухабам кризиса и сохранит династию. Её сыну, Андрею Семеновичу Строганову, предстояло пройти и устоять на этой трудной дороге, чтобы продолжить свой род.

Феодальная Московская Русь входила в полосу смуты, сопровождаемой народными раздорами, крестьянскими войнами и церковным расколом. И выход из всего этого кризиса могли обеспечить только представители более передового способа производства, способные на капиталистических отношениях обеспечить улучшение жизненного состояния общества.

Часть 3 КУПЕЧЕСТВО И КРИЗИС ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, СМУТА И ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

На рубеже XVI – XVII веков, в условиях социально-экономического кризиса и крестьянской войны, управление строгановскими вотчинами на первом этапе выпадет на долю тридцатилетнего Максима Яковлевича. Будучи старшим из Строгановых, он сможет провести экономику хозяйства через тяжелые времена. Расширит и укрепит вотчины, несмотря на крестьянскую войну, сохранит вотчинную торговлю и производство даже в тяжелые годы польско-шведской агрессии.

Попадет в «опалу» к царю Федору Иоанновичу и лишится своей орловской вотчины Никита Григорьевич. По мнению управляющего вотчинами П.Икосова, это была месть царя за неучастие Никиты Григорьевича в организации похода Ермака. Ибо новая волна переселенцев в Сибирь не спешила увеличить своё присутствие на новых землях, отчего молодой царь спешил выразить своё недовольствие старому приверженцу «нейтралитета». «Опала» длилась три года. В 1597 году Никита Григорьевич получит из Москвы новое «государское жалование» в вотчину – земли по Каме. Вновь пожалованные земли имели своим административным центром Очерский острожек, в семи верстах от Камы, расположенный на речке Очер. В личной жизни новому владельцу Очера повезет значительно меньше: он не оставит наследников мужского рода и вотчины перейдут к братьям и племянникам.

В 1606 году Новое Усолье становится центром соледобычи. Тут Строгановы будут формировать рабочую силу из местного населения. Основным способом формирования становится подкуп родоплеменных старейшин чусовских осяков, за счет чего снимались запреты для пополнения численности работающих. В это время в пермских вотчинах неуклонно росла численность населения, поскольку увеличивалась волна вновь прибывающих новоселов из охваченных кризисом центров государства. По состоянию на 1624 год число проживающих у Строгановых в пермских вотчинах увеличится в три раза, число населенных пунктов возрастет в два с половиной раза. Наряду с ростом числа населенных пунктов в строгановских вотчинах происходил в то же время неуклонный рост производственного оборудования и доходных объектов.

В годы царствования Бориса Годунова, делающего энергичные усилия по поддержке помещичьих хозяйств нарождающегося слоя дворян, как средних, так и мелких землевладельцев, Строгановы замкнутся в сфере своих узковотчинных интересов. В Сольвычегодске в это время они резко поднимут цены на хлеб. Вместе с ними этой спекуляцией займутся и северные монастыри. Совместными действиями они скупят весь хлеб по Вычегодскому краю и у приезжих купцов. Всем своим поведением и Строгановы, и северные монастыри демонстрировали неприязнь к появлению нового слоя собственников на Руси, к дворянам. И у них были все основания опасаться дворянства.

Крестьянская война под предводительством Болотникова И.И. нисколько не отразится в Сольвычегодске, хотя у части семейства и будут предприняты меры с выездом из далеко не безопасных в создавшихся условиях пермских вотчин. Они не окажут никакой помощи Василию Шуйскому в подавлении народного восстания. Однако, поспешат к нему подтвердить свои «несудимые грамоты». За годы восстания из Сольвычегодска Строгановы будут направлять своих приказчиков для руководства промыслами в пермские вотчины, в города Поволжья и Прикамья, для принятия нужных мер по торговле, прерванной военными событиями в Коломне, Калуге и других пунктах.

Появление второго самозванца на русском престоле в 1607 году, как и воцарение Лжедмитрия I, сменившего Бориса Годунова на троне, не нарушит спокойствия Строгановых. Они в это время получали достоверную информацию из надежных источников при дворе в Москве, от Ростовского, Ярославского и Устюжского митрополитов, от местного воеводы и от своих приказных людей, возвращающихся с отчетами из разных городов. В начале лета 1607 года протопоп строгановского фамильного Благовещенского собора Лука получает от митрополита грамоту о победе войск Шуйского над вторым самозванцем 21 мая и 5 июня, с указанием «вести благоцерковные службы и петь молебны». Их общественная деятельность в этот период не распространяется дальше церковных служб.

В тот момент 1608 года, когда начинается польская, а потом и шведская интервенция, Строгановы переходят к активному участию в политической жизни государства. В это время нарушается нормальная

Строгановская торговля, на русскую землю приходят завоеватели, которые нарушают экономический режим на многих рынках сбыта. С этого времени и до избрания на русский престол новой династии – Романовых сольвычегодские Строгановы в союзе со старостами самоуправляющихся миров Поморья, местными воеводами, под руководством Шуйского ведут борьбу с «тушинцами» - ставленниками польских феодалов. Они становятся организаторами «мужицких отрядов», формируемых самоуправляющимися мирами Поморья, и начинают оказывать мощную финансовую поддержку Шуйскому. Вологда и Великий Устюг становятся центрами борьбы в Поморье с «тушинским воров». В 1608 – 1609 годах Строгановы вовлекают в финансовую помощь монастыри и зажиточных северян. Деньги, получаемые Шуйским, сразу же идут на уплату жалования пришедшим на службу в Москву «дворянам и детям боярска». По имеющимся документам удалось установить, что только с марта по июль 1608 года Строгановы финансируют Шуйского суммой от пяти до шести тысяч рублей, и это картина далеко не полная. Другой стороной их деятельности в Сольвычегодске является также организация ратных людей для отражения набегов «тушинцев» в пределах Поморья. Основная же масса формируемых ими подразделений, направляется к Москве в конце 1608 года через Сольвычегодск, имеет следующие данные: отряд в сто пять человек проходит по городку 30 октября, второй отряд с пушками – 16 декабря, отряды «ратных мужиков» с Выми, Вычегды и Сысолы проследуют через Сольвычегодск 18 декабря.

Помимо организации ратных ополчений, совместно с земскими людьми и местными воеводами в Сольвычегодске и Перми Великой, Строгановы формируют из населения собственных вотчин свои ратные отряды для поддержки Шуйского. Так молодой Андрей Семенович Строганов послал отряд из «своих людей и наемщиков» в Казань из Чусовской вотчины.

Особого внимания заслуживает помощь Строгановых и в том смысле, что оказывалась она в столь трудное для страны время, даже в условиях, когда возникала необходимость и требовалось изымание денег из текущего оборота. В эти трудные годы Строгановых нельзя сравнить с торговым мужиком Андроновым, расхитившим царскую казну в Кремле.

Они не имеют ничего общего с гостем Третьяком Судовщиковым-Смирновым, который «до разорения» имел капитал ничтожный, отягощенный долгом в тысячу рублей, а после «московского разорения» стал обладателем капитала в сорок тысяч рублей.

Строгановы же напомнили Василию Шуйскому об обещанных наградах. Ответом на это явилась грамота 1610 года Максиму, Никите, Андрею и Петру Строгановым, в которой каждому из них были пожалованы обычные льготы для купцов-гостей, но с правом именоваться впредь с «вичем». То есть, если до этого Андрей Семенов сын Строганов должен был так именоваться, то по грамоте 1610 года он уже становился Андреем Семеновичем Строгановым. Это выделяло Строгановых из корпорации гостей в особое положение «именитых людей». И в XVII веке они были единственными в Русском государстве фамилией именитых людей.

При вступлении на престол Михаила Романова, Строгановы внесли три тысячи рублей. По расчету Веселовского С.Б., из пятинного налога в 1614 году, собранного со всего Русского государства в сумме сто девяносто тысяч рублей, сольвычегодские Строгановы уплатили почти семнадцать тысяч. А в пятинный оклад 1616 года, когда ожидался сбор в двести тысяч рублей, на сольвычегодских Строгановых была назначена уплата в сорок тысяч.

Касаясь финансовых возможностей этого могущественного в XVII веке семейства, следует сразу заметить, каких объемов достигали эти возможности. По вычислению жалованной грамотой от 25 июля 1692 года, только в периоды между царствования и при Михаиле Романове, получено московским двором от Строгановых деньгами, жемчугом, сосудами серебряными, хлебом и солью, то в виде добровольного дара, то в виде займа, то в качестве чрезвычайных налогов пятинных и запросных денег, солдатских и немецких кормов на общую сумму 428 706 рублей. Строгановы и позже щедро помогали царскому двору в Москве своими деньгами. В Смоленскую войну 1632 – 1634 годов и в войну с Польшей за воссоединение Украины 1654 – 1657 годов, они дали государству в безвозвратную ссуду 412 056 рублей, по расчетам всё той же грамоты от 25 июля 1692 года.

Но в период смуты и вражеской интервенции им пришлось пережить в Сольвычегодске тревожные дни борьбы с прорвавшимися глубоко в Поморье польскими отрядами. Три тысячи поляков, под командой пана Яцкого, подошли 22 января 1613 года с южной стороны к богатому и ещё никогда не грабленому Сольвычегодску. Посадские люди, зная о приближении поляков, продолбили лед на Вычегде на несколько верст, чтобы избежать быстрого нападения и успеть подготовиться. Под командой местного воеводы и молодого Андрея Семеновича Строганова подвезли пушки и пищали. Поэтому, когда неприятельские отряды приблизились к городу, по ним была открыта артиллерийская стрельба. Но организованная сила профессиональных военных пана Яцкого взяла верх. Посадские, имея убитых и раненых отступили с передового рубежа обороны к каменным стенам строгановского Благовещенского собора. Однако, большая часть обороняющихся разбежалась в это время по домам, спасать своё добро от панского грабежа. Гарнизонные стрельцы по приказу воеводы князя Григория Ивановича Гагарина собрались в обширный двор хором Строгановых, отлично укрепленных надежными стенами. Общее руководство над собравшимися принял сам хозяин Андрей Семенович Строганов. Поляки быстро оценили надежность стен и не стали штурмовать это укрепление, а перекинулись на более доступные места. На другой день город был разграблен, а на третий – грабители зажгли множество домов и с награбленным имуществом ушли из Сольвычегодска по Устюжской дороге.

Поскольку финансовая помощь и военное строительство в 1608 – 1613 годах со стороны Строгановых во всем совпадало с развитием народно-патриотического движения под руководством Минина и Пожарского, то их государственное чутьё в это тяжелое время во всём сочеталось с делом отстаивания независимости Русского государства.

Чувство хорошо укрепленных стен закономерно распространится у Строгановых и на родственные связи. Родственные связи с Романовыми станут таковы, что царица окажется четвероюродной тёткой Строгановых. Поэтому обитатели родового гнезда в Сольвычегодске стали вхожи в хоромы патриарха Филарета. Который, кроме того, что был отцом нового царя на русском престоле, в то же время патриарх являлся ещё и куратором русской церкви по связям с торговой средой. В тесном

кругу приближенных и на торжественных обедах у Филарета «постоянно бывали гости: И.Юрьев, Иван и Василий Юдины, Гр. Твердилов, Р.Котов, А.Юдин, Б.Булгаков, Н.Свешников, Ю.Белошников, С.Судовщиков, Г.Шорин, И.Сверчков, С.Ероксалимов и Строгановы».

При вступлении на престол Михаила Романова у русских в Сибири было уже несколько городков: Тобольск, Тюмень, Пелым, Березов, Томск и другие. И это было только начало. Так Ерофей (Ярко) Павлов сын Хабаров тоже пытался в Великом Устюге состояться в качестве предпринимателя и даже завел в одно время соляные варницы в Сольвычегодске. Однако не смог тягаться с основными солепромышленниками и был вынужден искать лучшей доли. Поэтому в 1636 году Ерофей Хабаров переселится с братом Никифором и сыном Павлом в Сибирь, на Енисей, где начнет распахивать землю и сеять хлеб. Скажется приобретенный ранее опыт, и он на новом месте будет слыть за оборотливого предпринимателя. Дела у Ерофея пойдут в гору, и он расширит свою деятельность, организовав соболиный промысел на Лене. После чего Ерофей Хабаров будет действовать в строгом соответствии с приобретенным опытом у ведущих предпринимателей на Русском Севере. К 1650 году он, как организатор промыслов в Сибири, выйдет со своими людьми на Амур, где создаст поселение и закрепится.

Но значительно раньше, в 1618 году скончается Никита Григорьевич Строганов, оставив о себе противоречивую память – о периоде организации похода Ермака. Испытанные им жизненные потрясения тяжело скажутся на перспективах будущего: он не оставит потомства вообще.

За внешним блеском отношений Строгановых с отцом первого царя династии Романовых скрывались и противоречия. Если Михаилу Романову приходилось ужесточать политику закрепощения крестьян и последние иногда были вынуждены искать спасения бегством от надвигающейся барщины, то Строгановы предоставляли широкие полномочия беглецам из центральных областей Русского государства, размещая их где-нибудь в Приуралье. Для спасающихся от свирепой феодальной эксплуатации нарождающегося дворянства в восточном направлении открывались определенные льготы и перспективы на новых землях Урала и Сибири. Тем самым организационные промахи

дворянства по закрепощению крестьян именитые люди легко переводили в свои организаторские успехи.

Сельское хозяйство Строгановых в Сольвычегодском крае значительно уступало по размерам пермским вотчинам. Поэтому, в организации и управлении, как и в обслуживании его рабочей силой, была большая разница между положением на землях у Вычегды и положением на Каме с Чусовой. В окрестностях Сольвычегодска все земли были заселены и освоены поморскими крестьянами. Купец, пожелавший завести здесь свое сельское хозяйство, должен был путем покупки или кабально-закладными операциями собирать мелкими участками пашенную и луговую землю, разоряя отдельных крестьян. В Перми Великой положение было иное. На этих землях Строгановы получали сразу большие территории в несколько десятков тысяч десятин земли. Отчего формирование рабочей силы принимало другие формы.

Разница в титуле владения землями влекла за собой и разницу в способах организации сельского населения, обрабатывающего угоды в сольвычегодских и пермских поселениях. В селениях Сольвычегодского края в XVI – XVII веках шел процесс имущественного расслоения, одним из результатов которого было появление «вольно гуляющих людей», «ярыжек», «казаков», «половников», нанимавшихся к местным «прожиточным мужикам» и вотченникам. Все они представляли наёмную рабочую силу и ходили по Руси, за исключением «половников», которые за половину платы определились рабочей силой в Поморье. Находили они эту работу на речных перевозках Двины, Волги, Оки, Камы, в больших монастырско-боярских хозяйствах, где надолго оседали на постоянное жительство и быстро теряли свою волю, беря под кабалу ссуду и давая своим хозяевам «служилые кабалы», «жилые записи» и другие документы, приводившие их к закрепощению.

Крестьяне в Поморье, выброшенные со своих участков и хозяйств, как правило, оставались работать в качестве «половников» на хозяина или на монастырь, нанимаясь по договору-найму.

В пермских вотчинах Строгановы давали вновь прибывающим некоторые льготы. Однако, освоившись, переселенцы постепенно втягивались кабальными условиями на положение, близкое к закрепощению. Возникали конфликты и усмирения. Появлялись и

бегущие от Строгановых. Но встречный поток, бегущих в вотчины Строгановых из центральных областей государства, всегда перекрывал во много раз поток, идущий в обратном направлении. И в этом было их преимущество по отношению к формированию рабочей силы нарождающимся дворянством.

Из всех Строгановых жестокостью прославится только сын Максима Яковлевича – Иван Максимович. И как отметят историки, хозяйство у Ивана будет доведено до такого состояния, что сын Даниил Иванович с большим трудом сможет восстановить разрушенное. Как правило, после таких хозяйственных потрясений, выпавших на долю кого-либо из Строгановых, на них сваливались и семейные неурядицы. Даниил Иванович не оставит потомков по мужской линии и на нем закончится род Максима Яковлевича. Однако, две его дочери войдут в число наиболее видной аристократии: Степанида выйдет замуж за князя Урусова П.С, а Анна станет женой боярина Милославского С.И.

Но что наиболее всего выражало характер производственного процесса в строгановских вотчинах, так это – процесс обогащения отдельных крестьян, из которых вскоре выделялись торговцы, руководившие большими коммерческими операциями. Строгановские зажиточные крестьяне быстро переходили на ведение коммерческих операций среди кочевых и полукочевых народов Приуралья. Они едут в Сылву и Ирень для скупки у татар и осяков мёда, хмеля, воска. Чусовские крестьяне быстро освоили «новую дорогу» в Зауралье и Сибирь, где скупают большие партии хлеба и перепродают его в строгановских промышленных городках. Зажиточные промысловики на землях именитых людей занимаются предпринимательством: организуют винокуренное дело, поставляя вино для местных «царских кабаков», держат мельницы, берут на откуп рыбные ловли. Таможня в Переяславле-Залесском запомнилась записями, согласно которых строгановский крестьянин предъявлял свой капитал на покупку товаров порой в тысячи рублей.

Исключительное почетное положение Строгановых среди всех гостей и феодальной аристократии было закреплено в Уложении 1649 года, где было определено за бесчестие Строгановых наложение двойного денежного штрафа в сто рублей против обычного размера за бесчестие

гостей в пятьдесят рублей. Их отличало от других влиятельных людей Русского государства то обстоятельство, что они предпочитали индивидуальный титул «именитых людей», а вовсе не стремились купить себе феодальный статус князя или боярина. Позднее, уже в Петровскую эпоху, они продолжают своё индивидуальное восхождение в экономике и политике.

По мере того, как менялись на русском престоле имена Романовых, менялись и именитые люди Строгановы, определявшие развитие предпринимательства в Русском государстве. В 40-е годы уйдет в монастырь под именем инок Авраамия престарелый Андрей Семенович Строганов, предоставив своему сыну, Дмитрию Андреевичу Строганову, возможность направлять в 1646 году дары на венчание царя Алексея Михайловича. И именно Дмитрию Андреевичу выпадет тяжелый жребий столкнуться с реформой патриарха Никона и в полной мере ощутить её последствия на старообрядческом Русском Севере. Ему же перейдут по царской грамоте от 28 мая 1641 года все вотчины дяди Никиты Григорьевича: Новое Усолье, Очерский острожек, Орёл-городок.

Торговая ностальгия четы Романовых вынудит ещё в 1633 году царя Михаила Федоровича разрешить Шлезвиг-Голштинскому герцогу Фридриху строить десять кораблей для перевозки шелка из Персии по Каспийскому морю и затем транспортировать товар по Волге. Особого развития это начинание не получило. Поэтому, уже при Алексее Михайловиче делается попытка воскресить забытые новгородские традиции и в 1667 году царь повелевает новгородскому боярину Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину строить корабли в Коломенском уезде, в селе Дедилове. Но и тут дело не пойдет дальше постройки единственного корабля, поскольку первым кораблестроителям приходилось сталкиваться с полным отсутствием понимания государственного интереса со стороны поставщиков – князей. Феодальная аристократия центральной Руси той поры к транспорту и торговле ещё никак не тяготела.

Понимание же значения торговли и транспорта в жизненном процессе будет всецело присутствовать на Русском Севере, где без лишнего шума строились морские ладьи и кочи, на которые быстро подбирался промысловый и торговый люд, направлявшийся осваивать

неизведанные или уже пройденные морские пути. Такая морская политика была необходима на Севере ведущему религиозному центру – Соловецкому монастырю, по долгу службы обязанному выполнять морские обязанности, как в целях жизнеобеспечения, так и в целях нарастания товарного оборота. В фарватере экономической политики Соловков пытались следовать и другие монастыри, занимавшие стратегическое положение на северных реках, имеющих выход в Северную Двину. В деловых бумагах Строгановых не найдут отражение какие-либо раздоры между именитыми людьми и монастырями. Останутся неизвестными для историков мотивы утраты Строгановыми своих земель на Ваге, поскольку перед церковным расколом все земли на этой реке окажутся во владениях монастырей. А учитывая то обстоятельство, что во все знаменательные даты Строгановы делали значительные вклады в монастыри, можно сделать вывод о сглаживании возникающих противоречий этими торговыми партнерами ещё на стадии их возникновения. Потому как вклады в ту пору можно было осуществлять либо денежными средствами, либо землей, то можно заключить, что Строгановы видели в монастырях своих экономических партнеров и не считали нужным с ними ссориться. Из чего вытекает простой вывод: монастыри придерживались таких же партнерских взглядов в отношении купечества. И именно это обстоятельство, а не наличие князей и бояр, в значительной мере поможет Русскому Северу избежать барщины.

По мере того, как реформы патриарха Никона набирали силу, в Русском государстве, с одной стороны, усиливался процесс закрепощения крестьян, а с другой стороны, увеличивался поток свободных людей, направлявшихся на освоение Приуралья, Зауралья и Сибири. В разных областях государства возникают мелкие восстания крестьян, которые удается быстро гасить. Но уже дважды – в 1652 и в 1661 годах – через всю Русь, с Дона ходил к Соловецкому монастырю Степан Тимофеевич Разин.

В этот период в центральных областях Русского государства теряют следы феодальных вольностей монастыри и церкви, вставшие на княжеских и боярских землях. Им остается только силой своих голосовых связок верой и правдой служить дворянскому государству, приходящему

на смену государству боярскому. Усиление феодальной власти за счет мелкого и среднего землевладельца, как и жизненная необходимость крупного землевладельца – князя или боярина, требовали низведения церкви до уровня идеологического пособника феодализма, лишённого каких бы то ни было земельных или промысловых источников дохода. Поэтому, начатое некогда религиозное движение под руководством Иосифа Волоцкого за сохранение церковного землевладения, преобразовалось к этому времени в открытое оппозиционное движение дворянскому государству – протесту староверов. Служители старой веры «ушли в раскол», то есть уклонились от официальной церкви и предложили ей борьбу разными способами. Они нашли себе опору в борьбе среди различных элементов, враждебных дворянскому государству. Оплотом же этой борьбы станет Русский Север, категорически отвергающий экономическую модель дворянского государства. В условиях надвигающихся раздоров молодой Дмитрий Андреевич Строганов сочтет нужным укрепить семью и женится на княжне Волконской.

Приверженцы старой веры бежали в Поморье, на земли Вологодской и Вятской губерний, Олонецкого края, в Приуралье и Сибирь. В вотчинах Строгановых вся жизнь и так строилась на основах старой веры. На Тоболе поп Деметриан (чернец Данило) проповедовал самосожжение, как очищение от зла. Именно на этих землях, пожалованных Строгановым известной грамотой 1574 года «с речками и озерами с устье и до вершин», среди обширных земель «на Тахчах», набирает силу протестная мораль «очищения от зла». Здесь же начинает карьеру иеродьякон Афанасий (в миру Алексей Артемьевич Любимов), служивший ризничим при Тобольском митрополите Корнилии. Здесь Афанасий проявит незаурядный интерес к книге, будет известен как переводчик с греческого. Отсюда он продолжит восхождение на берега Северной Двины в качестве первого архиепископа Холмогорского и Важского.

Между тем купеческая предприимчивость в Западной Европе тоже не дремала. Бургомистр Амстердама Николай Витзен посетит Русское государство в 1664 году, приехав в составе свиты голландского посла Борилия. Находясь в Москве, он познакомится с торговцами из Персии, с

Кавказа, войдет в оживленные сношения с колонией голландских купцов. Известно, что он посетит Русский Север, будет знаком со Строгановыми. Принято полагать, что целью его поездки было более полное ознакомление с положением дел на северо-восточном морском пути, поскольку он будет пристально изучать как поведение «самоедов и тунгусов», так и самих поморов. О походе Ермака у него будет очень расхожее описание, и он даже назовет имена Строгановых, которые в ту пору ещё не родились. Тем не менее, такие отношения Витзена к Русскому государству станут прологом к будущим отношениям царя Петра Алексеевича с Голландией. В период создавшейся угрозы республиканским порядкам на Русском Севере его лидеры стали тянуться к установившимся новшествам в Голландии, где также, на Севере, победила буржуазная революция, и создавались порядки, необходимые для экономического развития нарождающегося слоя буржуазии.

Историк Карамзин, некоторые аргументы о происхождении Строгановых позаимствует у Витзена, «установив» им свою родословную от татарского мурзы царского происхождения. Согласно этим аргументам Спиридон Строганов якобы способствовал освобождению из плена татар Василия Темного. Но при очередном исследовании их родословной, другим историком Устряловым, сами Строгановы опровергнут эту точку зрения.

А в ту пору в Русском государстве казаки на Дону теряли свои последние вольности, связанные с республиканскими формами правления. На Дон со всего государства стекался другой поток людей, бунтующий против закрепощения. Юридически реформа по закрепощению крестьян осуществлялась под религиозным оформлением новой веры патриарха Никона. Поэтому в этом донском анклавном кипение бунта достигло наивысшей точки, выдвигая из общей массы протестующих наиболее способных агитаторов. Агитаторы проявляли практические качества в лидерстве и ставились во главу удельных землячеств, приобретая вместе с этим значение атаманов казачества во главе со Степаном Разиным.

В тот же период Дмитрий Андреевич Строганов не проявляет никакой политической активности, во всем повторяя поведение своих отцов и дедов в период крестьянской войны начала XVII века.

Вслед за восстанием под руководством Степана Разина в 1667 году, в 1668 году вспыхивает восстание в Соловецком монастыре. Их отличительная черта состояла в том, что крестьянская война имела ярко выраженный антикрепостнический характер, а вот восстание монастыря на первом этапе, по 1671 год, носило характер защиты «старой веры». Этими веяниями ведущая поморская православная обитель и прославится, будучи вынужденной с оружием в руках восемь лет отстаивать своё независимое положение.

После разгрома крестьянского восстания в 1671 году, уцелевшие сподвижники Степана Разина устремятся в Соловецкий монастырь, где к осени 1671 года возьмут инициативу в свои руки и активизируют борьбу монастыря против феодальных порядков, отодвинув на второй план идеалы «старой веры». В этот период к руководству восстанием Соловецкого монастыря примкнут разинские атаманы Ф.Кожевников и И.Сарафанов. Три года успешной обороны монастыря вынудят центральные власти весной 1674 года направить на Соловки нового воеводу Ивана Мещеринова, под начальство которого поступит до тысячи стрельцов и артиллерия. Мятежный монастырь тоже подготовится к отражению атак царских войск. Под руководством опытных в военном деле беглых донских казаков Петра Запруды и Григория Кривонога будут умело расставляться девять пушек на стенах и башнях монастыря, а кое где возведутся и дополнительные укрепления. В летне-осенние месяцы 1674-1675 годов под стенами монастыря развернулись жаркие бои, в которых обе стороны несли тяжелые потери. В создавшейся обстановке форпост Московской Руси на северо-западном направлении был вынужден держать оборону от самой Москвы.

Соловецкий монастырь не был взят штурмом. В январе 1676 года монах-перебежчик Феоктист провел через потайное отверстие в стене стрельцов. Это был второй, после поражения крестьянской войны Степана Разина, удар по народному движению. После зверского уничтожения восставших на Соловках, монастырь уже никогда больше не сможет выполнять ту религиозно-предпринимательскую деятельность, которая обеспечивала ему положение политического лидера Поморья. Он должен будет преобразоваться в тюремный каземат, в котором роль

надсмотрщиков станут выполнять уже другие монахи, с другим мировоззрением.

Отношение Строгановых к событиям и участникам крестьянской войны наиболее ярко выразил один из её атаманов. Этот человек во второй половине 1660-х годов бежал из пермских вотчин Строгановых, где был известен как Потап Игольнишников. После чего объявился во время восстания под руководством Степана Разина уже атаманом восставших холопов и крестьян в Нижегородском крае. Отсюда он со своими отрядами пошел на соединение с основными силами Разина, под Симбирск. После поражения восстания возвратился снова в пермские вотчины с целью поднять на борьбу тягловый люд, работавший на Строгановых. Но после неудачной попытки подъема масс на борьбу, поступил послушником в Спасо-Пыскорский строгановский монастырь на Каме. Чтобы избежать преследования царских властей Потап изменил сначала фамилию на Прокофьева и, пробыв пять лет послушником, стал священником. В качестве такового он служил в церквях Соликамска. Дмитрий Андреевич Строганов, узнав о ярких проповедях Потапа, разоблачавшего гнусные методы жестокой эксплуатации бедноты соликамскими конкурентами Строгановых, пригласил Потапа протопопом в свою вотчинную соборную церковь Похвалы Богородицы в Орле-городке. Там изворотливый священник продолжал громить и разоблачать соликамских владельцев, одновременно не осуждая действий Строгановых. Все эти проповеди собраны им в рукописной книге «Статир», дошедшей до нашего времени (Собрание Румянцева, ф. 256, №411). При этом Потапу Игольнишникову приходилось часто менять имена и клички, становясь то Илько-атаманом, то Поповым, то Долгополовым и др.

Трагическим отзвуком народных волнений XVII века будет самосожжение старообрядцев. Первые сведения о самосожжении пришли из Сибири. Количество их разнится, от 300 человек до 1700. Гореть начали вместе с попом Деметрианом на Тоболе. Эхо самосожжения в 1677 году прокатится с Тобола по Уралу, придет в Олонецкий и Нижегородский края, захватит Новгородские земли. По тогдашним подсчетам сгорело около девяти тысяч человек. Но большая часть

приверженцев «старой веры» бежала от мира в лесные дебри. Их аргумент звучал однозначно: «вне лесов царило антихристово».

Русская церковь в XVII веке, наряду с экономическим кризисом в государстве, переживала ещё и свой идейный кризис. Так уж повелось, что, со времен распада Византии, единственной школой для воздействия на умы общества оставалась монашеская келья, воспитывавшая в суровой схоластической мысли остальную паству. Эта монашеская школа была вынуждена в неустанной борьбе с надвигающимся воинствующим католицизмом в православных монастырях городов Польши и Литвы, зная латинский и греческий языки, бороться книгой с опасностью торжества католицизма. Но ограничиваться в этом противостоянии только аргументами из книжных источников – становилось даже в XVI веке недостаточно. Требовались дополнительные источники воздействия на широкие массы прихожан. Поэтому сначала резко возрастает потребность в иконописи. Ради чего Строгановы создали и поставили на поток работу своей иконной мастерской. Но и это было недостаточно. Требовалось ещё и усилить воздействие музыкальной культуры на общество. И Строгановы, увлеченные новым партесным пением, пришедшем с Польши, способствуют массовому созданию церковных хоров из голосистых «басистых и тенористых спеваков». Широкое рекламирование дела доходит до «государевых» заказов на строгановских «спеваков» для нужд двора. А дальнейшее развитие исполнительского искусства выдвигало уже необходимость создания образцовых хоров. Соответственно, постановка музыкального искусства на поток, потребовала от Строгановых и выдающихся музыкантов-руководителей, и обильной нотной литературы. Всё это у них во второй половине XVII века уже было приобретено. Понимая важность решения этого государственного вопроса для продвижения музыкального воздействия на массы, после 1675 года в качестве «вспевака»-регента у Строгановых на службе «житель города Киева» Николай Дилецкий, прошедший курс обучения в Вильне и музыкальных центрах Польши. Поэтому этот музыкант на службе у Григория Дмитриевича Строганова, сына Дмитрия Андреевича, на деньги хозяина выпустит своё руководство по теории музыки. Там он изложит музыкальные основы партесного пения. По учебнику Дилецкого изучались и применялись на практике формы

построения концерта – «борение голосов». В результате пропаганда Строгановыми нового пения, на основе трактата Дилецкого, имела большое значение в русской музыкальной культуре. Меценатство Г.Д.Строганова прочно укрепило новую музыкальную школу западноевропейского направления. И этим вклад Строгановых в музыкальную культуру Русского государства неоспорим.

К концу XVII века Григорий Дмитриевич Строганов будет вынужден один управляться с обширным хозяйством торгово-промышленной фирмы. К этому же времени обширное ранее семейство Строгановых успеет породниться со многими титулованными семействами. Сестра Григория Дмитриевича, Пелагея Дмитриевна, выйдет замуж за князя Андрея Ивановича Голицина и положит начало родству, которое будет впоследствии преумножено. Сам Григорий Дмитриевич возьмет в жены Марью Яковлевну, урожденную Новасильцеву, которая гармонично будет дополнять во всем своего мужа.

Дела в Русском государстве принимали новый оборот, наполненный другими трагическими нотами. В 1682 году, после неожиданной смерти молодого царя Федора Алексеевича, не имевшего сыновей и не оставившего никаких распоряжений о престолонаследии, престол зашатался. Конфликтные ситуации в государстве, истерзанном смутой, крестьянскими войнами и церковным расколом, с низов феодального общества переходили к верхам. В этой ситуации боярская фронда решила воспользоваться положением и изменить расстановку сил в свою пользу. Для этих целей боярство использовало царевну Софью, представлявшую интересы бояр Милославских. Софья 15 мая 1682 года демагогической агитацией подняла стрельцов против Нарышкиных, успевших посадить на престол своего родича, малолетнего Петра Алексеевича. Поскольку новгородская родня второй жены Алексея Михайловича, урожденной Нарышкиной, действовала в обход старшего брата Петра, но «слабоумого» Иоанна Алексеевича, являвшегося сыном от первого брака Алексея Михайловича с урожденной Милославской, то Милославские во главе с Софьей пошли на крутые меры. В этой борьбе многие Нарышкины погибли. Однако, на престол, по требованию стрельцов, были посажены оба царевича, при регентстве сестры Софьи.

Став правительницей, Софья назначила главой стрелецкого войска своего человека, князя Хованского. Как потом оказалось, она не представляла себе того, какие силы развязывает, и, самое главное, она не имела четкого представления о том, будет ли новый глава стрелецкого войска её надёжной опорой. Хованский, в отличие от Милославских и Нарышкиных, принадлежал к старинному роду, который вел свою родословную ещё от великого литовского князя Гедимина. Поэтому, в начале «раскола» он был на стороне старообрядчества, а потом, примкнув к новой вере и, оказавшись во главе стрелецкого войска, - стал думать о престоле. Как расчетливый политик Хованский хотел опереться не на обломки старого боярства, а на посадских людей – путем агитации за старую веру, потому как престол был в руках правительницы новой веры. Этим явлением было положено в Русской истории начало «хованщине».

На очередном витке становления царской власти, когда и на троне, и на патриаршем престоле оказались новые люди, стремящиеся сгладить религиозные противоречия и определить приемлемое направление для Русской церкви, оказавшейся сильно ущемленной реформой Никона, - разразился диспут, который обозначил «хованщину» в качестве трудного этапа отечественной истории. Для диспута князь Хованский утвердил докладчиком от «челобитников», как близкого ему религиозного течения, суздальского протопопа Никиту, прозванного никонианами Пустосветом. Новый патриарх, со своей стороны, выставил бывшего ризничного строгановской церкви на Тоболе, весьма начитанного церковника, назначенного архиепископом Холмогорским и Важским, - Афанасия.

Диспут состоялся в Грановитой палате 5 июля 1682 года. Первый обмен мнениями вскоре выявил слабость Никиты Пустосвета, который не смог на равных вести спор с Афанасием, воспитанным на строгановских нормах уважения к книге. Диалог быстро принял острые формы. В порыве ярости ставленник Хованского бросился на ловкого агитатора патриарха и, в завязавшейся драке, выдрал у Афанасия часть бороды. Хотя моральная победа Афанасию далась легко, трудности возникли с сохранением лица, в связи с утратой бороды. Хованский в этой ситуации уже был готов одним ударом опрокинуть царский престол и имел для этого все силы, но не решился. Принято полагать, что яркие аргументы Афанасия вынудили его засомневаться в своевременности обрушения

престола. Во всяком случае, после религиозного диспута приказ стрельцам не последовал. И этим промедлением глава стрелецкого войска упустил время. В развитии «хованщины» политические и религиозные деятели Русского государства не скрывали от окружающих свои цели. В реализации этих целей рядовые участники тех событий не стеснялись в уличных выражениях. При этом не упускали случая запустить суждения в сторону престола: «... пора, государыня, давно Вам в монастырь, полно Вам царством-то мутить», - отвечали стрельцы на угрозу Софьи уехать из Москвы во время диспута о вере. И очень скоро среди стрельцов началось разложение. Учитывая сложившееся положение, патриарх и торговая знать начали подкуп стрельцов. В результате старая армия начала разлагаться. А вскоре и Хованский угодил на плаху. Проиграв «хованщину», боярская и посадская община «потекли» подальше от новой веры.

Архиепископ Афанасий 10 сентября 1682 года выехал в отведенную ему епархию. Двинской воевода Никита Урусов заранее получил царскую грамоту о назначении Афанасия Холмогорским архиепископом. Новый глава пастырского надзора окажется как раз тем человеком, который не допустит полного падения монастырей Поморья, за исключением Соловецкого. Он сохранит как их республиканские традиции, так и налаженные промыслы с земельными наделами. Афанасий станет первым безбородым архиепископом ещё до того, как молодой царь Петр начнет стричь эти бороды. В целях сохранения своего лица первый посланец пастырского надзора в Поморье был вынужден сбривать оставшуюся половину бороды, утратив другую её часть в диспуте «старой» и «новой» веры в Русской церкви. Он же станет и первым архиепископом Архангельским, ибо Холмогоры уступали в Поморье роль лидерства более удобному поселению в устье Северной Двины. К тому же Архангельск в ту пору, в силу своего морского положения, уже мог претендовать на статус новой столицы Русского государства. Но будущие «три пришествия Петра великого к Архангельскому городу» изменят расстановку сил не в пользу Поморья. Что касалось архиепископа Афанасия, то он получит особое расположение Петра I, выразившееся в качестве особого подарка саккости, которую могли носить только патриархи и митрополиты (до уничтожения патриаршества).

Современники петровской эпохи, знавшие её экономические рычаги, потом признают, что без помощи Григория Дмитриевича Строганова Петр I не смог бы успешно вести войну со шведами и при своей жизни не довел бы её до победы. Поэтому в конце XVII века молодой царь ездил в Поморье и присматривался так пристально к только что отстроенному Архангельскому городу. Ему предстояло определить стратегическую цель в деле выбора новой столицы, как центру создания Российской морской империи. И в этом выборе Русский Север был низведен с позиции ведущего политического и экономического лидерства в государстве. Выход на Балтику стал определяющим стимулом для становления Российской империи. Поморью, ценой собственного экономического угасания, предстояло проложить дорогу в осуществлении политики Петра.

Что касалось экономических предпосылок, на которые смог опереться молодой царь и создавать передовую для того времени империю, то их суть через несколько столетий отметит Ленин: «Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим изменением всех тех областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями..., оно вызывалось усилившимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных». (ПСС, т. 1, с. 153-154).

Молодой царь России не станет делать ставку на основы отечественной религии, да и победившую новую веру сведет на официальном уровне к Всепьянейшему собору, как пародии на церковь. То, на что он мог опереться в религиозном мировоззрении, лучше всего выразили два иностранца, ставшие вельможами на его службе: выходец из Шотландии Патрик Гордон и Франц Лефорт, приехавший в Москву из Женевы. Западная буржуазная мысль того времени находилась в мучительных поисках «философского камня», опираясь на запутанное учение «вольных каменщиков». В этом учении П.Гордон и Ф.Лефорт поведут Петра за собой, приобщая к наиболее передовому способу

поисков «философского камня» в Англии. Поскольку понятие «вольных каменщиков» входило в российский обиход под английским выражением «франк масонов», то оно и осталось таковым в отечественной памяти, если какие-либо «знахари» не исказили его до похабщины «фармазонов».

Масонство стремилось опередить реформаторские настроения лютеранства и кальвинизма в мелкобуржуазной среде. Поэтому, как мировоззрение в виде тайных обществ, оно формировалось в аристократической среде Западной Европы. И эта среда впитывала в себя все религии и верования, включая алхимию, но сводя их общий результат к индивидуальному «просветлению» того или иного брата-каменщика, присваивая ему соответствующую степень познания (просветления). Масонство значительно превосходило в качестве любую официальную церковь, поскольку могло опираться на передовую научную мысль. А если научных аргументов не хватало, то «каменщики» просто блуждали в крайнем мистицизме, где можно было «найти» все ответы. В то же время действия тайных обществ масонов в реальной жизни приспособляло их в качестве теневого правительства, всегда готового к замене официальной власти. Образцом для подражания тайным обществам становились Англия и Голландия. Ибо победа буржуазных революций в Англии и Голландии во многом обязана тайным рычагам масонов, с одной стороны, ищущих ответы через поиски «философского камня», а, с другой, - находящих на этом пути реальную власть.

Поэтому, когда молодой русский царь Петр Алексеевич отправился в окрестности Амстердама, где в качестве ученика должен был осваивать мастерство кораблестроителя, он пытался ещё и освоить науку лидерства на море, поскольку Голландии в то время являлась ведущей страной мира по кораблестроению.

Неизвестный французский художник конца XVII века
«Портрет мужчины в красном

Зато потом, через Англию, Петр приобщится к более высоким степеням мастера и, в соответствии с полученными степенями другими «просветленными» сподвижниками, станет осуществлять новую политику в государстве. После чего на картинах русского царя уже станут изображать в сиянии собственного лица, которое подобно портрету английского масона на темном фоне будет выражать вполне научную мысль: «свет во тьме светится и тьме его не объять»...

Григорий Дмитриевич Строганов в 1685 году перевезет все архивы семейства

из Сольвычегодска в Москву, чем вполне отчетливо выразит мнение о необходимости ухода с Севера и перевода интересов из собственного родового гнезда в политический центр. А вскоре начнет ещё и строительство своей верфи в Воронеже, в чём проявится стремление ведущего спонсора Российской империи расширять морскую политику государства. В политическом выражении он уже обладал многими знаниями о «философском камне» и его задача сводилась к тому, чтобы осуществлять лидерство в развитии самого масонства, как кузницы кадров для ближайших сподвижников. Потому как передовая мысль того времени создавалась тайно, уходя от борьбы с официальной церковью, контролировавшей феодальное мировоззрение Европы. Отчего тайные ложи масонов становились зародышами будущих фракций официальных парламентов буржуазии, концентрируя и отработывая на себе механизм выдвижения лидеров. Только пройдя такую школу тайных обществ будущие лидеры буржуазии оказывались способны реализовать себя в приобретении экономических и политических рычагов власти, создаваемых в интересах зарождающегося, а кое-где и развивающегося, капитализма.

На этом направлении развития Российской империи Г.Д.Строганов найдет с молодым царем полное единство взглядов.

Часть 4 ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА.

При Петре I старый московский уклад изживает себя. Пестрая сеть московских приказов заменяется бюрократической системой коллегий. Церковь окончательно утрачивает свою самостоятельность и становится по существу ещё одной из коллегий, выполняющей указы и директивы светского монархического аппарата во главе с царем. С момента учреждения Синода (1721 год) духовенство юридически подпало под полную зависимость государства. В создавшейся ситуации церковникам приходилось употреблять максимум схоластической изворотливости, чтобы спасти «божественный ореол» царя, являющегося одновременно и автором Всепьянейшего собора. В результате уничтожение патриаршества и учреждение святейшего Синода станет неизбежным итогом отделения церкви от экономических преобразований.

Наиболее полезным в экономическом преобразовании станет тяга молодой морской державы к наукам и, прежде всего, к навигации. Встающей на ноги империи требовалось обрести устойчивость в способности будущих капитанов правильно ориентироваться на море. На этой стезе будет всходить имя ещё одного шотландца на службе Петра I, Якова Брюса. Именно этот сподвижник русского царя будет способствовать распространению навигации и сопутствующих ей наук в России: математики, астрономии вместо астрологии. Как масон Яков Брюс будет отнесен к «чернокнижникам» (от понятия «черной магии»), хотя на научном поприще та же алхимия будет стремиться к развитию настоящей химии. Тем не менее, заданный Брюсом тон к изучению наук позовет в Россию из Европы многие научные авторитеты и вынудит Михайло Ломоносова покинуть Холмогоры.

Купечество повело усиленное наступление на крепостничество под идеями «старой веры», расшатывая устои приверженцев «новой веры» мотивами «древне-русского» и «истинно-православного» искупления греха. Петр полагал, что причисление полководца Александра Невского к лику святых поможет Русской церкви занять правильное политическое направление в сторону Балтики. На этом фоне сторонники «новой веры» мертвой хваткой вцепятся в сына Петра от первого брака с Лопухиной, Алексея Петровича. Купеческую же энергию увлекал за собой Григорий Дмитриевич Строганов, устраивавший пышные подношения царю. Так

угощая Петра на бочке, наполненной золотом, Строганов заявлял: «Государь, я не могу угощать тебя в половину, прошу смотреть на бочку, как на часть угощения». В итоге, причастившийся к строгановской трапезе царь, был вынужден наклониться затем за бочкой, чтобы закинуть её себе на плечо и унести. А на деле получалось так, что государь отвечивал поклон своему спонсору, благодаря его за угощение.

После закладки верфи в Воронеже, в 1697 году Григорий Дмитриевич заложит верфь на Северной Двине. С этого времени Великий Новгород и Архангельск готовились к выходу на Неву, с последующим расположением на Балтике. Неудача Петра в битве со шведами под Нарвой не сможет остановить начавшееся продвижение. Россия была готова к решительному штурму своих утраченных земель на берегах морей и ей оставалось надеяться, что те лидеры, которые встали во главе движения, доведут до намеченной цели.

Летом 1702 года Петр отбыл в Архангельск и, находясь проездом в Вологде, отправил в Великий Новгород послание своему командованию: «Быть в готовности для поиска или промысла на Ладожском озере». Этот приказ-полунамек касался Шереметева, Апраксина и Стрешнева. В это время завершалось строительство «государевой дороги», начавшейся в селе Нюхча у Белого моря, и заканчивающейся через 160 верст в Повенце, откуда водным путем можно было пройти в Ладожское озеро. Руководил сооружением дороги сержант Преображенского полка Михайло Шепотев. В короткое время через леса и болота пролег путь (или волок, как его раньше называли), по которому можно было пройти не только войскам, но и перетащить корабли. Дерзость замысла была поддержана монастырями, посадским населением и крестьянством. До семи тысяч человек участвовало в сооружении «государевой дороги». И то обстоятельство, что весь этот грандиозный замысел осуществлялся под руководством простого выходца из местного населения, свидетельствовало о расположении царя к умельцам из низов. И Михайло Шепотев в то же лето достойно оправдал доверенное царем дело. В начале августа движением кораблей по этому пути предстояло оживить историю Заволочья.

Из тринадцати кораблей, подошедших к Нюхче, два, сошедшие с верфи братьев Бажениных, были приспособлены для транспортировки по

этому волоку. Остальные, высадив войска, отплыли к Архангельску. Прибывшему на кораблях архиепископу Архангельскому Афанасию оставалось жить всего месяц, когда он, уже ослабший, благословил этот великий переход, указав двум только что отстроенным кораблям единственно правильный курс – на Балтику.

В середине августа 1702 года колонна, длиною в несколько верст, покинула Нюхчу и вышла в направлении Ладожского озера. Там войска фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева приступили к боевым действиям против шведов. Словно людская река вместе с кораблями текла эта лавина по «государевой дороге», чтобы через десять суток «влиться» в Онежское озеро и рекой Свирью пройти в Ладожское озеро. И разве что красота взметнувшихся вверх куполов церквей в Кижях, построенных в честь этого великого перехода, доносит до нас тот подъем в душе широких масс, который обусловил успех.

Начало XVIII века складывалось для Григория Дмитриевича Строганова самым лучшим образом. Находясь в Воронеже, куда приехал вместе со свитой царя, он второй раз стал счастливым отцом. Вслед за сыном Александром, родившимся годом ранее, супруга Марья Яковлевна подарила ему второго сына, Николая. Обрадованный отец подарил Петру два только что отстроенных корабля. Царь, в свою очередь, будучи восприимчивым (крестным) отцом, напутствовал будущего основателя московской ветви семейства Строгановых пророчеством на долгие года. И этому пророчеству было суждено сбыться.

Начало строительства Петербурга сопровождалось и ростом семьи Строгановых. В 1707 году Марья Яковлевна дарит супругу третьего сына, Сергея – основателя петербургской ветви Строгановых. При этом сама Марья Яковлевна запечатлеет свой образ в качестве парадного портрета кисти Романа Никитина. На нём она запомнится убранством на голове в виде кокошника, значение которого так и останется непонятым на целые столетия, ибо он выражал одновременно как тип голландского головного убора женщины, так и старообрядский кокошник. Это была первая попытка хозяйки влиятельной семьи продемонстрировать

Р.Никитин. Портрет
М.Я.Строгановой

России.

Открытие новых торговых путей в молодом Российском государстве закономерно вдохновило западноевропейскую торговлю, в которой английское купечество традиционно тяготело к монополизации всей торговли. В этом рвении англичанам так же традиционно противостояли Строгановы, имевшие опыт контролировать их торговлю ещё во времена Иоанна Грозного. Противовесом английской хватке выступают голландские купцы. Постепенно начинает утрачивать себя и понимание «немецких» гостей, закрепившееся со времен доминирования в Западной Европе Тевтонского ордена и воинствующего католицизма, поскольку национальные интересы того же голландского купечества тянули за собой высокие мотивы фламандского искусства. Через Балтику для России откроется доступ к вековым канонам итальянского искусства. Но и этого будет недостаточно, потому что первая закладка итальянской скульптуры отзовется у российской знати тягой ко всему французскому, несшему с собой значительные ростки политических бурь и сражений. Тем не менее, за портретом масонского образа в ту пору чаще всего угадывается английский образ, за «просветлением» лица которого просматривался Мальтийский рыцарь. На красном плаще такого рыцаря обозначался белый крест в виде четырех лучей, расходящихся из центральной точки с последующим расширением. Мировоззрение таких рыцарей выражали часы (время) и карта, как символ пространства.

В 1715 году скончается Григорий Дмитриевич Строганов. Для

Р.Турньер. Около 1700г.
«Портрет мальтийского кавалера»

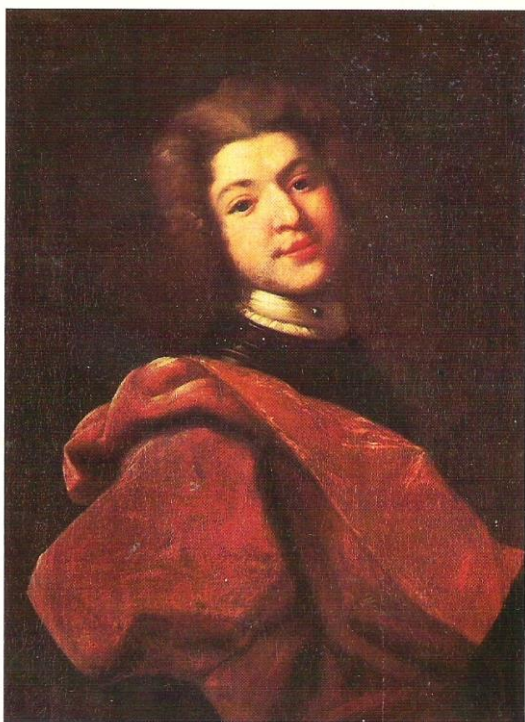
Петра I это будет невосполнимой утратой. Он сразу же назначит Марью Яковлевну первой Статс-дамой Двора, чем на прежнем уровне обеспечит поддержку домом Строгановых всех своих начинаний. В этот промежуток времени, когда дети ещё не подросли и не были способны сами принимать решения, первая Статс-дама Двора не выпустит из рук нити управления обширным и богатейшим хозяйством в Российской империи и обеспечит поддержку политики Петра I. В то же время Марья Яковлевна не ослабит внимание за воспитанием своих детей, переживающих трудный этап

становления и вхождения в самостоятельную жизнь. Этого не могли не заметить дочери царя, которым ещё только предстояло выйти в большую политику. И, конечно же, такое несение политического и экономического багажа вдовой Строгановой не могла не оценить их мать – Екатерина Алексеевна, урожденная Марта Скавронская.

Бунт закоренелых феодалов вынудит Петра I отказаться от собственного сына Алексея. Всё, что с таким трудом удавалось поднять на берегах Балтики, грозило рухнуть в никуда. Молодой царевич Алексей Петрович неожиданно выбился в лидеры мелкого дворянства, поддерживаемого апологетами феодализма. Идеино всё это обставлялось для молодого царевича защитой «новой веры», на практике же грозило отречением наследника от дела собственного отца. Основной вдохновитель наследника престола, а в последствии и враг Меншикова А.Д, граф П.А.Толстой в итоге окажется в Соловецком монастыре, в качестве пожизненного узника. Когда ворота монастыря за ним закроются, он уже никогда и ни при каких властях не сможет выйти обратно. Бывший монастырский оплот «старой веры» с большим удовлетворением принял этого никонианца, рассчитывая отомстить тем самым нарождающемуся классу крепостников. Но события повернутся так, что столетие спустя

подобные тюремные услуги Соловецкого монастыря окажутся в почете у крепостников и монастырь попадет в ловушку к никонианцам.

В нахлынувшем на Российскую империю многообразии титулов и статусов Строгановы стремились для себя выбрать, как всегда, индивидуальный, который подобно «именитым людям» ни у кого бы больше не значился, но в то же время указывал на аристократизм. Поэтому в 1723 году Петр I, отмечая своё пятидесятилетие в Казани, пожалует для всех трёх сыновей Г.Д.Строганова титулом баронов. Этот титул в России вводился только для семейства Строгановых и не мог использоваться другими фамилиями. Такое стремление указывало на желание могущественного семейства отождествлять себя с качеством титула английских баронов, легко переходящих в статус лордов – при фаворитизме престола. Очевидно, самого Петра такая английская

И.Никитин. 1726 г. Портрет барона
С.Г.Строганова

перспектива престола, когда король царствует, но не правит, не пугала. Об этом свидетельствовали его меры по распространению английского масонства в России, которое оказалось способным вносить коррективы в правление по принципу «черного кардинала». Судя по всему, российского императора в этой ситуации больше пугала перспектива – не иметь таких фаворитов при троне, как Строгановы. В этом смысле вполне закономерным является история получения титулов Александром Даниловичем Меншиковым, который брал все, что мог, но потом, оказавшись без поддержки Петра I, всё это быстро

потеряет.

Смерть Петра в 1725 году, на самом взлете экономического расцвета, обнажит глубокие противоречия купеческо-капиталистической и феодальной частей Российской империи. У сподвижников Петра ещё

будут в руках все рычаги государственной власти, и они без труда посадят на трон его супругу, принявшую титул Екатерины I.

Созданный годом спустя портрет девятнадцатилетнего барона Сергея Григорьевича Строганова, кисти И.Н.Никитина, будет больше выражать полет поэтической мысли у молодого человека, чем озабоченность от обострившейся борьбы кланов при троне. В то же время, сочетание красного и черного цвета на его одежде отождествляли прямой политический смысл борьбы, выражаемой сочетанием двух цветовых проникновений в поиске «философского камня»... Черный цвет в символике масонства напрямую выражал сверхестественные силы. Столетие спустя Стендаль в романе «Красное и черное» попытается показать трагическое стремление простого человека преодолеть переход от красного к черному. Но, в отличие от героя Стендаля, у Сергея Григорьевича Строганова при переходе от «красного к черному» многое получится.

Марья Яковлевна Строганова произведет раздел торгово-промышленной фирмы между тремя сыновьями, они все обзаведутся семьями. Супругой Александра Григорьевича станет дочь генерала Шереметева – Доминика Васильевна. В Москве Николай Григорьевич породнится с Батурлиными. В Петербурге Сергей Григорьевич возьмет в жены Софью Кирилловну Нарышкину

Между тем шло освоение Приуралья и Сибири. Четыре завода приобретает граф Воронцов Роман Ларионович и два «Югорских» завода достаются графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. С юго-западной стороны к строгановским владениям в Приуралье примкнет крупное владение Акинфия Демидова, выходца из тульских кузнецов. В чередке промышленных предприятий того времени будут лидировать наиболее передовой промышленный центр Строгановых в Нижнем Тагиле.

Оставленная Петром I раздвоенная Российская империя страдала междуусобной борьбой центральной части государства с окраинами. В центре феодальные основы правления поддерживала доминирующая часть дворянства, остро заинтересованная в крепостничестве. По окраинам развивались буржуазные порядки, которые из центра поддерживала старообрядческая аристократия. А на местах старообрядчество сливалось с бежавшим людом из крепостной неволи.

При всем этом промышленный Урал приобретал формы границы раздела между феодальной и купеческой частью общества. В то время как на самом Урале возводились промышленные предприятия с рабочей силой из крепостных. Соответственно, приверженцы дворянства и «новой веры», имевшие значительный численный перевес, не сидели сложа руки. В 1728 году им удалось похоронить Екатерину I, и на престол взошел малолетний Петр II. Это был сын царевича Алексея, от которого отрекся сам Петр I. Поэтому Петр II стал проводить политику своего разжалованного отца, а вовсе не продолжать дело деда. Для А.Д.Меньшикова это обернется показательным наказанием. При активном участии графа А.И. Остермана он будет лишен всех титулов, званий и сослан в сибирский городок Березов.

Приверженцы двух вер в России обменялись таким образом взаимными ударами. Поскольку Петр II по времени правил столько же, сколько пришлось на долю Екатерины I, то следующий правитель должен был отразить нечто среднее между ними. Так и случилось. Престол в 1730 году заняла компромиссная фигура Анны Иоанновны (дочери Иоанна V, скончавшегося в 1696 году), которая до переезда в Петербург правила Курляндией. При ней наиболее ярко проявят себя два обстоятельства. Во-первых, новая царица любила шутовство и пиры. При этом сами пиры были способны переходить в шутовство, как это было с «ледяными домиками». Во-вторых, Анна Иоанновна предпочитала руководить через своих фаворитов. Поэтому её уровень правления получит название «бироновщины», по имени основного фаворита Бирона, приехавшего с императрицей из Курляндии.

Анна Иоанновна попытается расшатать торгово-производственную фирму Строгановых, дав им указание продавать ежегодно вместо одного миллиона пудов соли сразу три миллиона... Интерес новой императрицы состоял в том, что она установила 20% налога на продаваемую соль, вместо бывших 8 %, рассчитывая таким способом пополнить свою казну. В результате Строгановы сделают так, что будут продавать каждый год по три миллиона пудов соли, но кроме налогов с продаж – Анна Иоанновна больше ничего от них не получит.

При новой императрице выйдет на новый оборот очередной виток вражды Милославских с Нарышкиными. В результате чего Сергей

Григорьевич Строганов рано овдовеет в тридцать лет. Его супруга Софья Кирилловна, отстаивая честь рода Нарышкиных, скончается рано, оставив единственного сына, Александра. В отличие от матери, Александра Сергеевича Строганова ждала куда более счастливая судьба. Он станет влиятельнейшим вельможей России в XVIII веке и оставит заметный след.

Но не всё удачно сложится в Петербурге у Александра Григорьевича Строганова, брата Сергея Григорьевича. Он будет иметь только две дочери. И совсем другая судьба ждала семейство Николая Григорьевича Строганова в Москве. Московскую чету богатейшего семейства России не затронут распри петербургского двора, нагоняемые Анной Иоанновной. Николай Григорьевич, в отличие от петербургских братьев, окажется очень счастливым отцом.

В это время на политическую арену Российской империи выходила чета Воронцовых, приближение которой к престолу обозначил камерюнкер Михаил Илларионович Воронцов, женившийся на двоюродной сестре Екатерины I, Анне Карловне Скавронской. Он сразу окажется приближенным к Елизавете Петровне, дочери Петра I и Екатерины I. Соответственно, рано овдовевший Сергей Григорьевич Строганов станет фаворитом Елизаветы Петровны. К тому же, Мартин Карлович Скавронский, брат Анны Карловны, женится на московской племяннице Сергея Григорьевича – Марье Николаевне Строгановой. В результате к концу правления наследницы Милославских сложится влиятельный круг царедворцев с симпатиями к Нарышкиным, которые не без оснований связывали свои перспективы с промышленным развитием Урала.

Смерть Анны Иоанновны в 1740 году будет сопровождаться лихорадочными попытками никонианцев утвердить на престоле очередного малолетнего императора, при регентстве его влиятельной матери, поддерживаемой четой Милославских. Но и наследники Петра Великого, в союзе со старообрядческой буржуазией, не сидели молча. Готовился заговор с целью вернуть порядки Петра I. И в 1741 году с помощью гвардейцев на Российский престол возводится Елизавета Петровна, не только как дочь Петра I и Екатерины I, но и как наследница четы Нарышкиных. И обидчик А.Д.Меньшикова, граф А.И.Остерман, отправляется в Сибирь, в Березов...

Время правления Елизаветы Петровны установило на весь XVIII век нормы экономического развития. Россия будет опережать по выпуску железа все страны Европы. А армия и флот, оснащенные лучшими на тот период средствами вооружения, будут также доминировать в Европе. В 40-е годы XVIII века в Российской империи стремительными темпами осуществлялись меры по наращиванию военной машины. В основе «организации труда» на Урале лежало крепостное право, которое давало о себе знать на всех сторонах горнозаводского быта. Пореформенный строй помещичьего хозяйства на Урале характеризовался капиталистическими формами хозяйствования, которые не могли сколь-нибудь заметно развиваться из-за системы барщинного хозяйства. А барщинное хозяйство по своей природе не могло стремиться к развитию, из-за невозможности конкурировать с системой внутреннего рынка, создаваемой промышленностью. Поэтому нарождающийся капитализм страшил вотчинного помещика способностью поглотить его рабочую силу, отчего помещик ставил палки в колеса товарному производству. В создавшихся условиях торговый капитал на окраинах России не находил себе заметного развития и уходил от промышленного капитала. Иногда этот уход достигал берегов Аляски или Русской Америки, поскольку утрачивал способность воздействовать с целью развития на центральные области государства. Тем самым, заложив основы пореформенного развития и достигнув на первом этапе – промышленного развития Урала – значительных результатов, Российская империя входила в застой. В России на этом этапе не оказалось передовой политической силы общества, способной решать проблемы повышения производительных сил общественного труда и обобществления его. В итоге создавшуюся пустоту заполняла суэта высокосветских балов, возле которых кипели фантазии масонских братств. Результаты такого «кипения» выплескиваясь наружу трактатами «просветительской философии», очень далекой от понимания широких масс и неспособной заинтересовать средние слои населения. В то же время великосветскую знать вполне устраивало создавшееся положение, при котором выпускаемые промышленностью России отечественные пушки были лучшими в Европе, а дальнейшее решение всех сторон жизни империи позволяло осуществляться «мозгами» элиты общества из великосветских салонов.

В начале 50-х годов симпатии Сергея Григорьевича Строганова принимают франко-итальянский уклон. До восемнадцати лет его сына Александра воспитывает француз Антоний, вместе с которым отец отправит отпрыска 24 мая 1752 года в путешествие по Европе. При участии вице-канцлера М.И.Воронцова, отец снабдил сына рекомендательным письмом ко всем послам в Западной Европе и к известным влиятельным лицам. Академик Г.Миллер дал ему письма ко всем знаменитостям того времени по части учений. И посланный в Европу Александр Строганов начнет изучение различных наук в Женеве. После чего продолжит путешествие по Италии. А оттуда уже перемещается во Францию. Будучи с двенадцати лет зачисленным солдатом в Семеновский полк, он ко времени своего путешествия мог значиться в воинском звании прапорщика. Зато его отец, находящийся в непосредственном окружении Елизаветы Петровны, был одарен званием генерал-лейтенанта.

На застраиваемом у Балтики поле, начавшем принимать форму новой столицы, Сергей Григорьевич Строганов делал ставку на известного итальянского скульптора графа Растрелли Бартоломео Карло, который сумел отметиться в России своими изваяниями. Но внешняя обстановка Петербурга требовала архитектурных решений. И к делу привлекается сын Растрелли, архитектор Франческо Бартоломео. Перед молодым итальянским архитектором стояла задача создать проект первого на Невском проспекте здания из кирпича и отстроить его как дворец в стиле барокко. Этим строительством Ф.Б.Растрелли и обозначит в Петербурге будущий архитектурный стиль города. Вместе с тем, новым строительством было положено начало как возведению основных дворцов российской аристократии, так и привлечение одаренных земляков к созданию дворцов в стиле итальянского классицизма в самой столице и её пригородах.

Между отцом в Петербурге и сыном, отправившимся в Европу, существовала переписка. Осенью 1752 года Сергей Григорьевич извещал сына Александра о начале строительства нового дома на Невском проспекте и углу Мойки, который «такой огромный, с такими украшениями внутри и снаружи, что удивления достойно». Место сына в старом доме С.Г.Строганова занял зодчий Растрелли на время

строительства. Между тем, родной брат хозяина архитектурной новинки на Невском, Александр Григорьевич Строганов, в это время осуществлял перевод с английского на русский язык поэмы Джона Милтона «Потерянный рай». Это мистическое произведение Милтона в тот период полностью отвечало масонским настроениям английской элиты, поэтому строгановская чета стремилась донести его поэтическое содержание до российской элиты, состоящей в тайных обществах (только в конце XX века рукописным отделом Публичной библиотеки в Ленинграде была установлена причастность А.Г.Строганова к этому переводу).

Окончание строительства дома Строгановых в Петербурге вынуждает Елизавету Петровну в 1754 году принять экстренные меры к строительству собственного Зимнего дворца по чертежам зодчего Растрелли. И в основу императорского Зимнего дворца закладывается такой же трехэтажный четырехугольник, как только что построенный дом её фаворита. Только новому дворцу придаются больший размах и величие. Находясь на взлете своего величия, Елизавета Петровна закладывает так же и строительство собора Смольного монастыря по чертежам всё того же Растрелли. Не мог остаться в стороне от происходящего вице-канцлер М.И.Воронцов. Он так же нанимает Растрелли и строит себе дворец на Садовой (ставший позднее Пажеским корпусом, ныне – Суворовское училище).

В этот же год семейство Строгановых несет весомую потерю. Скончается Александр Григорьевич Строганов, внесший большой идейный вклад в дело становления и расширения просветительской мысли. С его участием будет закреплено лидерство этого семейства в руководстве масонскими организациями. Строгановы возьмут на себя роль лидеров ордена Иоанна Иерусалимского или ордена «иоаннитов», по аналогии с крестоносцами. Кроме того, орден «иоаннитов» ещё именовали по другому, «госпиталерами». Суть этих названий закрепились со времен походов крестоносцев в «святые места», когда в Иерусалиме, на храмовой горе (гора Сион) были созданы рыцарские ордена «тамплиеров» (храмовников) и «госпиталеров» (иоаннитов). По военному предназначению ордена отличались тем, что первые отвечали за снабжение крестоносцев, а вторые – за их лечение (госпитализацию). В период европейского ренессанса эта былинная слава крестоносцев

значительно укрепились и переросла в символы реформаторских течений, выделившись из католических монашеских орденов в особую касту масонов. Соответственно, тайные масонские ложи, создаваемые на деньги торгово-промышленной аристократии, становились узковаты для широких амбиций ведущей европейской элиты, которая стала создавать для себя более влиятельные системы тайных обществ, подбирая для их названий хорошую «родословную». Отчего на свет стали появляться ордена «храмовников» и «иоаннитов», претендующие на лидерство как в историческом происхождении рыцарских орденов, так и в системе тайных обществ европейской аристократической элиты. При этом следует заметить, что старые снабженческие функции «храмовников» переросли в новых условиях в финансовые возможности купеческой аристократии, а лечебные способности «иоаннитов» видоизменились к XVIII веку на идейные свойства, переходящие в сверхестественные возможности античных героев. Внешние отличия орденов выражалось белым плащом с красным крестом посередине у «храмовников» и красным плащом с белым крестом – у «иоаннитов». Организация подобных орденов в период европейского Возрождения требовала многих усилий и могла состояться только при значительных затратах. Поэтому святость выражения новых рыцарей из торгово-промышленной аристократии сводилась к освящению старых традиций орденов, только в плащах красного и белого цвета с крестами из самых дорогих тканей, снабженных атрибутами из благородных металлов и дорогих камней.

Именно лидерство в ордене «иоаннитов» готовили себе в Петербурге Строгановы и производили соответствующее финансирование. К «иоаннитам» относился и орден «Мальтийских рыцарей», выражавший запасную гавань на Мальтийском острове для выбитых со «святых мест» крестоносцев. Отличительным знаком Мальтийских рыцарей на традиционном красном плаще был также белый крест из четырех лучей, расходящихся из центральной точки.

Сергей Григорьевич начало жизни в новом дворце, созданным по проекту зодчего Растрелли, ознаменует созданием собственной галереи, представляющей из себя сочетание библиотеки и картинной выставки. В этой галерее было собрано всё то лучшее, что имелось на то время у Строгановых. Приобретениям способствовал и молодой Александр

Сергеевич, путешествующий в это время по Западной Европе. Он закупал много картин и отправлял их на родину. А в самом Петербурге галерея отца становится доступна всем тем, кто способен был понимать значение сюжетов, запечатленных на картинах, или обсуждать смысл содержимого книг, размещённых на полках библиотеки. И в таком предназначении галерея Сергея Григорьевича Строганова становится местом притяжения ведущих художников, скульпторов, архитекторов и писателей. А сам хозяин дворца тем временем писал стихами на латинском и русском языках завещание сыну.

Начавший выходить ещё при Елизавете Петровне единственный журнал «Сочинения» уже пытался обосновать на философских началах вопрос об отношении человека к обществу, где прежние религиозно-нравственные идеалы строились на новых началах просвещенного разума, шедшего на смену церковному авторитету. В

противовес христианскому мировоззрению к середине XVIII века стала оформляться философия французских писателей, опиравшихся на быстрый рост научных достижений. Умеренная в начале века, эта философия становится радикальной и доходит во второй его половине до откровенного материализма. Эти идеи заражают русскую императрицу. Благосклонность Елизаветы Петровны помогает Кадетскому корпусу стать одним из приютов молодого просвещения в России. Здесь нашли свое место литературные интересы и Волков с его ярославской труппой. Здесь был и свой театр, в котором кадеты и офицеры разыгрывали французские пьесы, а также комедии и трагедии Сумарокова. По сообщению Елагина, Елизавета не без помощи Строганова и Шувалова, содействовала распространению масонства не только в армейских кругах, по примеру отца, но, открывая Академию художеств и Московский университет,

пыталась распространить такие мысли на Петербург и Москву. Во всяком случае, назначение И.И.Шувалова во главе этих учреждений свидетельствовало о симпатиях русской императрицы к масонам. Поездка же молодого А.С.Строганова по всей Европе, с длительным проживанием во Франции, свидетельствовали о тех направлениях, которое было выбрано русскими тайными обществами в политической жизни.

К 1756 году молодой Александр Сергеевич Строганов объехал многие страны Западной Европы, где страстно приобщался к науке и культуре. При очередном этапе путешествия из Парижа в Голландию он неожиданно получил извещение о смерти отца. Через российского посла Дмитрия Михайловича Голицына он сделал запрос императрице – о продолжении занятий за границей. Однако, ответ Елизаветы Петровны был категоричный: возвращаться!

Выполняя требование императрицы, молодой барон А.С.Строганов прибыл в Петербург 23 июля 1757 года и сразу же направился в Петергоф, где в это время находилась государыня. Елизавета Петровна принимала его раздраженно, не скрывая слез, давая тем самым понять загулявшему в Европе родственнику, что его поведение и является причиной слез. Молодому Строганову было велено постоянно быть при императрице, следовать за ней во всех путешествиях и ежедневно присутствовать на обеде. Его комнаты, отведенные во дворце, находились рядом с отделением, которое занимало семейство Воронцовых. В этот же день Александру Строганову представили будущую невесту – Анну Михайловну Воронцову.

Елизавета Петровна переживала проблему того, как решить вопрос престолонаследия. Обозначенный ею наследником Петр Федорович, являвшийся Гольштинским принцем и сыном её родной сестры Анны, не вызывал доверия. Наследник был воспитан в лютеранской вере и не вписывался в те каноны православия, которые принял вместе с православием в России. И, судя по всему, его поведение вызывало сомнение не только у русской императрицы. Поэтому Елизавета принимает решение – назначить наследницей престола Петра Федоровича свою родственницу по матери, т.е. по Скавронским - Анну Михайловну Воронцову. Желание императрицы развести престолонаследие на две стороны, от отца и матери (Романовых и Скавронских), давало Елизавете

Петровне основание надеяться на продолжение того дела, которому она посвятила свою жизнь. К тому же, произведенная ею расстановка вельмож у трона казалась незыблемой опорой для продолжения Петровских реформ. Гарантией же продолжения её правления становилось объединение наследницы по линии матери с богатейшей четой Строгановых, возможности которых она испытала по результатам собственного экономического наставника и основного фаворита Сергея Григорьевича. И, кроме того, она по родству приходилась почти теткой как обоим претендентам на престол, так и молодому Александру Строганову. Что позволяло Елизавете в этом выборе не церемониться.

После венчания четырнадцатилетней наследницы престола со Строгановым в феврале 1758 года, Елизавета Петровна отправляет Александра Сергеевича к Австрийскому двору, откуда он вскоре возвращается с титулом графа Римской империи, полученным от Франциска I. На родине его ждало звание камергера. Такая суэта императрицы вынудила молодого Строганова выполнять условия, предлагаемые ею, поскольку отца уже не было в живых и отцовский совет получить было неоткуда. В результате он утратил ту стезю баронов Строгановых, которая была предназначена только для их единственного семейства, и не подлежала замене. Кроме того, он не имел представления о своей молодой жене, что так же противоречило поведению его прародителей, никогда не бравших в жены плохо знакомых дам.

В конце декабря 1761 года скончается Елизавета Петровна и на трон взойдет Петр Федорович, как претендент номер один, под именем Петра III. По признанию современников новый царь «не отличался богатством ума». К тому же он сразу поставил вопрос о конфискации церковных земель. Такое поведение бывшего лютеранина взбунтовало против него всю Русскую церковь. Другой нелепостью Петра III явилось направление русских войск на войну с Данией, с целью поддержки Гольштинского герцогства. В создавшейся ситуации единая команда скончавшейся Елизаветы разделилась на две группировки. Канцлер М.И.Воронцов стал оказывать Петру III активную поддержку, а Строгановы оказались на противоположной стороне, во всем не согласной с новым царем. Ещё более нелепо повела себя дочь канцлера и вторая претендентка на престол, теперь уже Анна Михайловна

Строганова. На этом витке запутанных отношений она оказалась в числе «красавиц» из ближайшего окружения Петра III, прославившихся своим «легким поведением». По сути дела престол в начале 1762 года охватила волна «сексуальной революции».

Теперь уже наследники Петровских реформ были вынуждены находить решение престолонаследию в России. И на этом поле им противостояли как сам новый император, так и наследница его престола, включая канцлера, который держал в руках все исполнительные рычаги власти. Поиски «нового» наследника опять указывали на малолетнего сына Петра III, Павла Петровича, который к тому времени был ещё слишком мал. Поэтому нить поиска невольно указывала инициаторам будущего переворота на мать возможного наследника престола, способную выступать в качестве регентши при малолетнем царе.

Современная историческая трактовка возведения на престол Екатерины II, сводится только к поддержке её кандидатуры гвардейцами, которые, якобы ведомые братьями Орловыми, посадили супругу Петра III на трон. Это очень узкий взгляд, больше отражающий желания сохранившихся за рубежом монархистов именно так представлять историю. В действительности в переворот были задействованы ведущие силы тайных обществ масонов в Западной Европе, по большей части из Франции. Достаточно сказать, что Григорий Орлов и через десять лет после возведения своей возлюбленной на престол был замечен в выплате гонораров французскому мистификатору Сен Жермену. К тому же этот переворот в России возведет во Франции Александра Сергеевича Строганова в число самых влиятельных лидеров масонского движения, определявших направление движения к Великой Французской революции. Однако, с момента возведения Екатерины II в царицы и до Великой Французской революции, она будет очень трепетно относиться к отечественным масонам, сразу прощая им любое отсутствие по собственному вызову, если только ей сообщали, что данный чиновник в это время находится в ложе (масонской).

Александр Сергеевич разойдется со своей супругой Анной Михайловной, что будет выражаться раздельным проживанием. А отстраненный от всех дел и отправленный в изгнание М.И.Воронцов скончается в Москве в начале 1767 года. Через два года Екатерина II

окрепнет на российском престоле так, что сочтет невозможным дальнейшее проживание претендентки на престол из четы Скавронских. И Анна Михайловна Строганова-Воронцова отправится в мир иной. Этим она развяжет руки и Александру Строганову, который в том же 1769 году вступит в брак с княжной Екатериной Петровной Трубецкой. Оставалось ждать появления наследника рода Строгановых.

Довольно противоречивой будет поведение остальной четы Воронцовых на смерть Анны Михайловны. Так её двоюродная сестра Екатерина Романовна Воронцова, в замужестве Дашкова, будет в восторге от новой императрицы и станет поддерживать её во всем. А вот брат Екатерины Дашковой, Семен Романович Воронцов, после смерти Анны Михайловны «впадет в отчаяние». Однако, в дальнейшем отношения Строгановых с Воронцовыми примут вполне благопристойное выражение и в период войны с Наполеоном смогут даже выразиться яркой вспышкой героического сражения с неприятелем.

В 1771 году Александр Строганов вместе с молодой супругой отправятся за границу, где они пробудут шесть лет. В Париже Екатерина Петровна в 1774 году подарит мужу сына Павла. Они объедут всю Европу, посетят те места, где Строганов учился и приобщался к общественным делам, закупают огромное количество картин. А в Фернее посетят выдающегося мыслителя Вольтера.

Вольтерианство становилось модой в Российской империи. Его активной сторонницей выступала Екатерина II. Продвигая идеи под вывеской «просвещенной философии» она способствовала распространению передовых французских мыслей. На этой почве будет осуществляться её переписка с Вольтером и Дидро. И Дидро лично посетит российскую императрицу. Но сразу следует заметить, что уже через столетие масонство станут отождествлять с вольтерианством, когда обнаружатся трагические последствия Великой Французской революции. Тогда и учение Вольтера, как мировоззрение тайных обществ, будут резко критиковать. Но XVIII век стал золотым веком масонства, которое через собственное всемирное братство рассматривало пути возвращения в «потерянный рай». Ибо этот «эдем» (рай) в образах масонства рассматривался в качестве идиллических картинок, на которых на фоне какого-нибудь архитектурного атрибута голова масона пронизывалась

«лучом сияющего солнца истины». На деле же идиллический смысл картины взывал к поиску путей к реальному архитектурному храму, являющемуся одновременно и оплотом власти. От этого воздействия в России началось повальное увлечение всем французским. Более того, в Петербурге это сопровождалось целой галломанией. Тут уж императрице пришлось выступать в качестве борца с этой волной галломании (галлы – основатели французской нации).

В российской глубинке французские зерна также давали свои всходы. Во второй половине XVIII века купцы-старообрядцы достигают нового успеха. Стали появляться новые монастыри, а возле них образовывались слободы, в которые потянулись не только зарубежные старообрядцы, например, из Польши, но и приверженцы старой веры со всей империи. В след за ними прибывали и те, кого так или иначе гнал закон: беглые крестьяне, казаки, солдаты. Вновь образующиеся посадские люди способны были видеть вину дворянского государства в том, что оно отняло у посада свободную корпоративную организацию и подчинило его принудительной организации казенного тягла, поскольку это связывало свободное развитие купечества и эксплуатировало его накопления в пользу казны. На православном поприще старообрядцам удается в течение всего века иконам «старого письма» придавать магическую силу, а иконы нового письма оказываются в положении простых досок.

На этом фоне дом графа А.С.Строганова становится местом обработки «депутатов», назначенных в комиссию для составления нового Уложения. Екатерина II сочла нужным вести атаку на церковные земли, для чего заменила состав Синода на удобных её архиереев и обязала Сенат выработать проект нового Уложения. В Сенате выработка новых законов империи затянулась. Князь Шаховской Борис Григорьевич, будучи женатым на Варваре Александровне Строгановой, придерживался взглядов двоюродного брата супруги и отстаивал их в Сенате. Лоббистская деятельность Александра Сергеевича Строганова в императорском Сенате привела к компромиссному решению: земля была оставлена монастырям, но с того времени монастыри должны были выплачивать изрядную сумму императорской казне. Главное, что удалось спасти этим компромиссом, так это наемную рабочую силу на Севере, да и на окраинах империи. Монастыри вместе с земельной и промышленной

собственностью сохраняли и права «половников», за которыми не уничтожался Юрьев день. Издатель «Русской Старины» В.И.Семевский на этот счет замечает: «Половники были черносошенные крестьяне и земли, на которых они жили, черные, а главное, что владельцы этих земель были тоже люди черные. А права черных людей понимались как права посадских людей и крестьян. Т.е. даже монастыри тоже владели землей на правах «черных людей», так как земли эти им достались не по жалованным грамотам».

Изданный в 1787 году Сенатом указ, запрещающий «касаться до чьей-либо собственности», закрепил за владельцами земли на прежнем основании. Это будет уже значительная победа аристократической буржуазии. А класс «половников» потому-то и образовался на Севере, что там был заложен способ пользования землей ещё новгородцами, а не центральной властью Московской Руси. Название «половников» происходит от слова «половина», что в буквальном смысле означало – отработать на хозяина за половину урожая. В этом диспуте Екатерина II учла финансовые возможности старообрядческой буржуазии и отменила целый ряд ограничений, зато взвалила на плечи старообрядцев тягло на общем основании. Вслед за этим жестом с её стороны последовал призыв вернуть «всех беглецов», позволяя вернувшимся выбирать самим места жительства и приложения сил.

В личной жизни императрице оставалось только копировать опыт её предшественницы на русском престоле. Поэтому в отношении фаворитов она также продолжала оставаться на уровне языческой мадонны. По примеру Елизаветы Петровны она расположит своих фаворитов в зависимости от их политической целесообразности. Отчего на первых ролях, определяющих стратегическое направление в руководстве империей, расположились её ведущие сановники. А вот фаворитов временных, способных подавать надежды и проявить себя на тактических направлениях, императрице предстояло ещё двигать вверх. И в этом смысле Григорий Орлов, проявивший себя вместе с четырьмя братьями в период восхождения Екатерины на престол, оказался через десяток лет на стратегическом направлении не у дел и был вынужден уйти в тень. Поэтому в качестве основного фаворита стал проявлять себя Григорий Потемкин, имевший широкий кругозор военачальника и

стратега. Однако и Потемкин не стремился часто оказываться вблизи набирающей возраст Екатерины II. К тому же, задающей всё больше вопросов. Он направлял ей в качестве знатоков ответов на все её вопросы кого-либо из своих адъютантов, способных усладить слух государыни приятным голосом.

Вскоре после возвращения А.С.Строганова с супругой из путешествия, его ждало новое разочарование. В 1779 году на высоте случайного величия фаворита возле Екатерины II оказался один из адъютантов Потемкина, генерал-майор Иван Николаевич Корсаков. Он был родом из Малороссии, любил музыку и пенье, обладал прекрасным голосом. Екатерина увидела в Корсакове некое совершенство, в результате чего её расположение к новому фавориту достигло обожания. При дворе его голос сравнивали с соловьем, что позволяло императрице интересоваться мнением ближайшего окружения, которое также склонно было разделять «соловьиные» способности фаворита. Однако, когда императрица спросила Алексея Орлова о том, нравится ли ему как поют соловьи, то ответ военачальника был очень предостережительным: «... соловьи поют до Петрова дня».

И вдруг, ввиду таких чувств, Корсаков в октябре 1779 года изменил. Новой избранницей фаворита оказалась Екатерина Петровна Строганова. Гнев государыни был велик. Она незамедлительно отправила Корсакова в Москву, где он должен был оставаться до самой смерти. За ним отправилась и Е.П.Строганова, не скрывая перед светом своей незаконной связи. Положение Александра Сергеевича Строганова, как супруга жены, увлекшейся случайным фаворитом, стало весьма затруднительным. И хотя он не гнул ни перед кем своей спины, на этот раз этикет вынуждал его перед лицом Екатерины II скорбеть о той, которой изменил Корсаков.

На сорок шестом году жизни А.С.Строганов по воле судьбы оказался ни вдовым, ни женатым. Однако к поступку жены отнесся без злости. Он предоставил ей для жительства роскошный дом в подмосковном именье Братцево и разрешил пользоваться для жительства своим домом в Москве. Ей, как матери своего единственного сына Павла, он позволял участвовать в воспитании детей и стал выплачивать крупное

денежное содержание. С картины на стене его дома в Петербурге, которую выполнил величайший французский художник Жан Батист Грез,

Жан-Батист Грез. 1778г. Портрет графа Строганова П.А. в детстве

на всё происходящее взирали глаза четырехлетнего сына Павла, наполненные несвойственной для его возраста тревогой за что-то находящееся вдалеке от него. Разлука отца с матерью становилась только первым таким этапом на пути будущих испытаний, высокую трагедию которых ему предстояло испытать за всех Строгановых. И если глаза четырехлетнего Павла Строганова уже выражали какую-то опасность от надвигающихся событий, то старообрядческая аристократия

находилась на пике эйфории своей власти, уверяя Екатерину II в том, что без её разрешения ни одна пушка в Европе не выстрелит. Россия к тому периоду достигла лидерства в Европе по производству железа и готова была упиваться своим успехом. Значительно позже, когда уже в конце XIX века, Ленин подсчитает в своей работе «Развитие капитализма в России» результаты той лихорадки по выпуску железа, то скажет: «Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе. ... Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма. ... Главной причиной застоя Урала было крепостное право».

Но поскольку в период царствования Екатерины II только основные владельцы железоделательных заводов в России, ведомые за собой Строгановыми, могли иметь какое-то представление о состоянии дел с развитием капитализма в империи, то ещё не видели для себя никакой

опасности в начавшемся застое. Поэтому поведение передовой аристократии России второй половины XVIII века, державшейся тогда по примеру английской промышленной аристократии, позволяло возводить свою императрицу в состояние английской королевы, которая «царствует, но не правит». Однако, они не могли сделать правильные выводы из крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева, ибо эта крестьянская война требовала отмены крепостного права. Эйфория от достигнутых успехов окрыляла старообрядческую аристократию, поэтому она не считала нужным находить экономические ответы на злобу дня, тем более не видела необходимости отменять крепостное право и добиваться обобществления самого труда. А ведь Екатерина II в этот период полностью опиралась только на их мнение и разве что для услады прислушивалась к Вольтеру и Дидро.

Тем не менее, первое грозное предупреждение от восстания крестьян центральных районов России, являющихся сосредоточением крепостничества, прозвучало. Началось общественное брожение. Его то в ту пору только и способно было выразить российское масонство, поскольку никакого другого общественного движения, опирающегося на передовую мысль, не существовало. А то, что существовало, опиралось на традиционное для России «толстовство», которое пыталось объединить «одних хороших людей» с «другими хорошими людьми». Соответственно, исходной почвой для объединения таких сил тот же Л.Н.Толстой в своем бессмертном произведении «Война и мир» ставит «новиковское время».

Ибо именно это самое «новиковское время» на исходе XVIII века характеризовало собой российское общественное мнение.

В этом случае возникает потребность более полно рассмотреть почву литературных творений Н.И.Новикова, с которой взошло так взбесившее Екатерину «Путешествие из Петербурга в Москву», и без которого Лев Толстой не смог бы заставить путешествовать своего Пьера Безухова.

Вольтерианство на русский лад захватило «направление русских умов к болезненному расстройству национального смысла, не готового к такому острому питанию». Явление это увлекло всех: одних привлекал блеск сатиры и яркость парадоксов, других – оправдание невежества и

кошунства со всеми прелестями скандала. Глубокое же осознание общественной опасности развращения и необходимости серьезной борьбы с ним послужило той почвой, которая породила первые кружки русской интеллигенции, а роль главного орудия в этой борьбе сыграло масонство. Шатания русских братьев-масонов от различных иностранных систем, так или иначе, вели к подъему национального самосознания, выработке собственного пути движения к прогрессу. Личность Николая Ивановича Новикова сумела выйти за пределы масонских лож и оказать сильное влияние на общественную жизнь и литературу во времена Екатерины II. Он сумел сосредоточить вокруг себя наиболее активных литераторов, чем оживил нравственное общественное движение, исходящее из самостоятельных начинаний общества, а не из отдельных официальных указаний.

Просветительская деятельность Н.И.Новикова состоит из петербургского периода (до 1779 года), когда он в качестве бойкого журналиста усердно собирал материалы, карающие смешные и гнусные стороны современного ему общества, и собирал материалы по патриотической истории России. Московский период в жизни Новикова будет сопровождаться уже выражением собственного мировоззрения, основанным на единственно возможной тогда платформе, это – литературной форме мистико-религиозных стремлений.

Но в начале было слово. С 1769 года в Петербурге большим потоком издаются сатирические журналы, в которых среди издателей мелькает и имя Новикова. После работы в комиссии по выработке нового Уложения Николай Иванович весьма хорошо знаком с императрицей и входит в число немногих избранных, приглашаемых ею на эрмитажные вечера. Сначала Новиков издает журнал «Трутень», где посредством живого и ловкого выбора статей выбирает то направление, которое делало его злободневным и приспособляло к потребностям времени. В «Трутне» значительно проявился авторитет известного остряка-царедворца Льва Александровича Нарышкина. Через два года Новиков начинает выпускать ещё один журнал «Живописец», в котором сразу же воздает хвалу автору комедии «О время!», не называя его имени. Хотя было известно, что написала данную комедию сама Екатерина II. Императрица ответила Новикову посланием, которое было опубликовано

в «Живописце», где сообщалось, что автор пишет для своей забавы и имени своего сообщать не считает нужным, хотя и не скрывает его.

Блеск сатиры достигает у Новикова своего апогея в 1774 году, когда начал выходить третий по счету журнал «Кошелек». В нем он открыто осмеял галломанию, как головокружение от французских новшеств, доходящим до безрассудства в поведении некоторых земляков, чем весьма успешно пользовались заезжие французы, промышлявшие обманом и грабежом. В содействии журналу «Кошелек» было влияние императрицы и княгини Дашковой. С 1772 года Новиков сам составляет и издает книгу «Опыт исторического словаря о российских писателях», которая включает в себе сведения о писателях светских и духовных, объединив их на общей стезе патриотической деятельности. Воздавая должное Хераскову и Майкову, Новиков горячо одобрил деятельность Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина и даже представил писателем редких достоинств своего бывшего противника по журналистике Козицкого. Самолюбие многих было затронуто и тяга общественного мнения, включая высшие персоны, обеспечена. С 1771 года он входит в число членов «Вольного Российского Собрания», утвержденного при Московском университете в том же году его куратором И.И.Меллисино.

На историческом направлении Новиков выпускает ряд книг, среди которых резко выделяется «Древняя Российская Вивлиолика», в которой наравне с историей государства подаются сведения о многих родословных. В 1776 году выходит «История о невинном заточении ближняго боярина Артемона Сергеевича Матвеева», касающаяся событий XVII века и знаменитых новгородцев Матвеевых, в чьем доме была воспитана мать Петра I. Книга посвящалась известному масону князю Василию Ивановичу Мещерскому, женатому на внучке знаменитого Матвеева, Наталье Андреевне. Другая книга представляла собой первую часть «Скифской истории», написанной в 1692 году стольником Андреем Лызловым, которую Новиков посвятил своему земляку коломенскому купцу и библиофилу Петру Кирилловичу Хлебникову, в последствии издавшим её.

Годом позже он начинает печатать ежедневное периодическое издание «Санктпетербургские ученые ведомости». Это издание

становится выражением идей заинтересованного круга лиц, став по сути дела литературой и критикой одновременно, направленной к общей цели. А цель эта ещё в раннем «Живописце» обозначилась бичеванием недостатков и пороков общества и выразилась прямым обращением к императрице: «Избавьте из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на лица: порочный человек во всяком звании равного достоин презрения...». Не заметные на первый взгляд идеи раннехристианского равенства выставляли в резкой форме сущность крепостничества, что вряд ли ранее случалось в русской литературе. Тем не менее, тема раннего христианства не вписывалась в общий хор петербургской аристократии. И у Новикова наметился тупик.

В то время в высшем обществе России наметилось размежевание, вызванное, с одной стороны, враждой императрицы с собственным сыном и наследником престола Павлом Петровичем, а с другой стороны, удалением в Москву братьев Орловых и усилением в Петербурге влияния Потемкина. В результате чего блеск императрицы сильно померк в глазах бывших участников переворота. Поэтому, перебивавшаяся в Первопрестольную аристократия стала своими действиями выражать характер оппозиции к Петербургскому двору. А все, кто не мог ужиться в Петербурге с императрицей, так или иначе, уезжали в Москву, пополняя ряды недовольных. Уехал в Москву и Новиков, хотя в столице Потемкин оставался его другом, вместе с которым он покинул в свое время Московский университет.

Поиски «истины» в масонстве привели Новикова к дружбе со старым масоном князем Николаем Николаевичем Трубецким и его другом поэтом Херасковым. Тогда же он познакомился и сошелся с масонами из ближайшего окружения великого князя Павла Петровича, князьями Гагариным и Куракиным. А через петербургские ложи Елагина поддерживал связь с влиятельным Никитой Ивановичем Паниным и военачальником князем Репниным Николаем Васильевичем. Тогда же Новиков хорошо себе уяснил, что смена вывесок в масонстве имеет много ложного смысла, а путь надо искать в самоусовершенствовании. В том же трудном для Новикова 1777 году он начинает выпуск ежемесячника «Утренний Свет» в стихах и прозе, где культивируется мистико-религиозное содержание. Возле этого издания начинает завязываться круг

его будущих друзей: А.М. Кутузов, И.П.Тургенев, В.В.Чулков и другие. А Михаил Херасков получит 28 июня 1778 года звание куратора Московского университета и, в отсутствие главного куратора графа Шувалова, принял в Москве ближайшее руководство над университетом. Сразу же было сделано предложение Новикову – снять университетскую типографию. Предложение куратора было принято и в начале 1779 года, попрощавшись с петербургскими братьями, Новиков перебрался в Москву на постоянное жительство. С этого времени начинается период самого крупного книгоиздателя, какого ещё не было в России. И в жизнь русского государства стали входить мысли очень узкого круга людей, не обремененных государственной службой. На общество эти идеи подавались по четырем направлениям. Из типографии Новикова выходили книги от чисто исторического повествования до крайне масонского мистицизма. А поскольку Москва в ту пору выражала свою оппозицию императрице тем, что возвышала престиж лидера масонского Мальтийского ордена Павла Петровича, говоря о «любви народа» к нему, то авторитет Екатерины II принижался. Впрочем, сама императрица чувствовала это отчуждение и, как говорится, «Москву ласкала, но не любила». А тем временем возле ближайшего сподвижника Новикова, А.М.Кутузова, уже формировался литературный взрыв Радищева.

Екатерина II на действия московских оппозиционеров отвечал, как могла, литературным сарказмом. Так заехавший в Петербург и устроившийся в доме Елагина хорошо известный мистик Калиостро, устраивал с подачи Елагина «Египетские вечера», неся в салоны знати собственные египетские впечатления, помноженные на приобретенное от мистика Сен-Жермена шарлатанство. Екатерина хорошо знала о цене услуг оказанных ей ещё Сен-Жерменом во время переворота и воцарения на русский престол, поэтому весьма резко реагировала на аналогичные «Египетские вечера» Калиостро. Она напишет пьесу «Обманщик», в которой представит Калиостро своеобразным шаманом, «варящим» хозяину квартиры по алхимическим «законам» золото, но в то же время похищающим у хозяина настоящее золото.

В галерее дворца Александра Сергеевича Строганова полным ходом шло формирование художников, скульпторов, литераторов, архитекторов. Хозяин дома стремился выйти из собственных стен и

расширить границы творческого влияния на весь город. Он встречал талантливо настроенных людей, одобрял их в начатых предприятиях, помогал им словом и делом. Многие видели в нем, прежде всего, своего покровителя и всегда были готовы поделиться с графом итогами творчества. Фонвизин читал ему свои сочинения, Державин посвящал ему свои оды, Гнедич только с помощью А.С.Строганова смог приняться за трудный перевод «Илиады», а Богданович, можно сказать, стал домашним человеком. Талантливый Бортненский был одним из приближенных друзей графа. Иван Андреевич Крылов, как при жизни Строганова, так и после смерти будет широко нести о нем лучшие воспоминания. Его считали своим другом и покровителем скульпторы Мартос, Ф.П.Толстой, Гальберг, живописцы Шубаев, Егоров, Варнека, Бессонов, Иванов, Левитский, Боровиковский, Щукин, Кипренский, Демут-Малиновский и другие. В этой обстановке начинает делать первые шаги прибывший из пермских угодий Андрей Воронихин. Ко всему прочему талантливый зодчий окажется, кстати, ещё и среди воспитателей сына Строганова, Павла.

Знание до тонкости придворного этикета, острота ума, умение вести интересную беседу, все это отличало А.С. Строганова от других вельмож. Он был ежедневным собеседником императрицы и неизменным спутником во всех её путешествиях. Балы, даваемые им всему двору в честь императрицы, превосходили изяществом и обстановкой балы, даваемые другими вельможами. Наконец, знание Александром Сергеевичем манер императрицы, движения, склада речи настолько, что в маскарадах он её порой заменял... Но душа его принадлежала Академии художеств, членом которой он состоял с 1768 года и которую вскоре возглавил в качестве президента. На приобретение картин и книг он не щадил своих средств. Глядя на тот шквал картин, который поступал из зарубежных галерей и мастерских в Россию, Екатерина II говорила: «Вот человек, который тщетно стремится разориться, но не может»... Такое поведение вызывало заразительный пример для окружающих сановников. Не случайно Иван Иванович Бецкой сделал всё для открытия Смольного института благородных девиц, где впервые в России начнет культивироваться искусство балета.

Между тем молоток в руках мастера масонской ложи стал символом власти убеждения над сердцем, а его удары, распространившиеся по ложам всей Европы и Северо-Американских Штатов, возвещали о возведении «храма во славу вечной истины». И всё это приняло повальное увлечение у аристократии, поскольку руководители масонов должны были «вливать слова мудрости и красоты в сердца братьев». Во второй половине XVIII века «слов мудрости и красоты» было столько сказано, что само это движение принимало форму всемирного братства, в котором закономерно вставали на повестку дня вопросы равенства и свободы. В соответствии с возможностями братьев, возводить основы «мудрости и красоты» в строительство «храма истины», создавалась иерархическая лестница самого братства.

Первые три степени масонства замыкались на тему «непротivления злу» и основывались на пути познания Иисусом Христом смысла жизни на земле. Это вынуждало богобоязливых братьев первых степеней наиболее концентрированно выражать свои намеренья «откровением Иоанна Богослова». Отличительным цветом этих степеней был небесный, т.е. голубой. Следующие степени познания, вплоть до седьмой, имели красный цвет и резко отличались от миролюбивых братьев первых степеней. Для движения по этим ступеням познания легенда мастеров начиналась с «характеристики» падения Адама и выражалась трояко: по духу, по душе и по телу. Именно изгнанный из Эдема Адам и будет у масонов сохранять «память» о его красотах в виде «луча света», который со временем стал терять яркость и мог «доходить» только до избранных, которых томила тоска об утраченном Эдеме (потерянном рае). Отчего избранные уже стремились возводить храм, который был бы способен передавать своими чертами-символами то «таинство камня», которое символизировало «истину» божественного познания... Но чем выше подымалась ещё степень масона, тем большей тайной окружался доступ к ней, тем тщательнее оберегались ритуалы. Начиная с седьмой ступени столовая ложа масонов напоминала «трапезу любви в воспоминание Тайной вечера господней». Торжество в ней происходило на страстной неделе, приводя в изумление новичков, даже имеющих седьмую степень познания. Чем выше подымалась степень избранника, тем более таинственные черты приобретало выражение его мыслей, переходящих в

значение сверхчеловека, «очищенного от скверны предрассудков». Соответственно менялись и одежды. Резко сокращались одеяния пурпурного цвета, а на их место приходил цвет черный. На самой вершине стояли командоры и великие командоры, царственные одежды которых покрывались черной мантией, и им в торжественных случаях прикладывали на голову корону (венец мудрости). Черный цвет символизировал смерть тела и последующую «жизнь духа» командора. И со всем этим масонским багажом политическая элита Европы вплотную подходила к Великой Французской революции, которой предстояло стать первым открытым боем старого (феодалного) и нового (буржуазного) мира.

Со степенью Великого командора ордена Иоанна Иерусалимского вступал Александр Сергеевич Строганов в полосу революционных преобразований. Разве что по надписям на могилах Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры сегодня можно «встретить» членов этого ордена, чтобы убедиться в их принадлежности к высшему цвету общества, в котором они занимали самостоятельную роль и не стремились к пустому афишированию своих имен. За их плечами лежал опыт наращивания купеческого капитала и период вхождения в высшие салоны общества. Эти люди хорошо знали историю и могли ориентироваться только на своих братьев в английских и европейских ложах, с которыми были соединены единой кровной клятвой. Имитируя возведение храма, эти «каменщики» кропотливой работой ума и сердца по существу двигали дело буржуазных преобразований. В то же время «каменщики» рассчитывали в этой борьбе только на надежность плеч таких же братьев и строили «храм» благодаря усилиям всего тайного сообщества. Образцом возведения такого «храма» являлась парламентская власть в Англии, где братья его построили.

Буржуазная революция в Англии не встретила серьезного сопротивления у феодалов, поскольку феодальные бароны в войне Алой и Белой роз услужливо перебили друг друга. Английской буржуазии, за счет парламентских интриг, удалось перехватить политическую инициативу и переместить королевский престол на второй план, который был оттеснен от самостоятельных решений. При этом структуры тайных обществ в Англии сделали основную работу по отделению монархии от

власти. В этом смысле буржуазная революция в Голландии сильно отличалась от английской, поскольку совпала с этапом борьбы за независимость от Испании. В этой ситуации королевская власть не пыталась противостоять революционному Северу страны, возглавившему борьбу за освобождение всей Голландии от испанского владычества. В результате революционный Север Голландии вместе с широкими народными массами освободил страну как от Испании, так и от диктата монархической королевской власти, низведя роль монархии до значения английской королевы.

На этом фоне в России стали усиливаться тенденции возвышения Павла Петровича. Возле будущего российского императора в начале 80-х годов раскручивается сложный клубок масонских настроений. Поездка наследника престола за границу с супругой Софией-Доротеей (будущей Марией Федоровной), в окружении друзей Новикова, вельмож А.Б.Куракина и С.И.Плещеева, имела большие последствия, возбуждав значительные подозрения со стороны Екатерины II. Московские масоны приготовили для Павла Петровича должность «великого провинциального мастера», с принятием которой он становился главой всего братства в Первопрестольной. По мере того как нарастали успехи московских масонов, формируемые «Дружеским ученым обществом», во главе с верховной ложей «Гармония», усиливалась работа «Типографской компании» при университете. Издаваемые «Новиковским кружком» и тиражируемые идеи в широкие массы вызывали необходимость потеснить в среднем звене братьев Петербурга английские настроения, продвигаемые Елагиным. Командор «Великого Востока» Александр Сергеевич Строганов поспешил в Москву с двумя влиятельными петербургскими масонами, чтобы уладить разногласия. Он будет принят вместе с двоюродным братом, московским бароном Сергеем Николаевичем Строгановым, в верховную ложу «Гармония». И на какой-то период ему удастся устранить разногласия.

В ряды московских масонов вливались влиятельные фигуры братьев Иосифа и Осипа Алексеевичей Поздеевых (их Лев Толстой в «Войне и мире» назовет братьями Баздеевыми), профессора Чеботарева, студентов Багрянского и Страхова, будущих профессоров Московского университета.

Но и влияние императрицы на московских «мартинистов» (их иногда называли последователями Сен-Мартена, преобразуя в «мартинистов») стало нарастать. Екатерина II к тому времени достигла значительного влияния, благодаря усилиям русской армии и передовому оружию, которое мог поставить Урал. Она начинает менять в московских главнокомандующих, которые тогда выполняли главную роль царского наместника в Первопрестольной, чтобы «организовать духовную цензуру для освидетельствования книг Новикова». Она дает задание митрополиту Платону проверить Новикова в «законе божьем». Но доклады московских чиновников огорчают её, а выводы митрополита не унижали Новикова, а возвышали его. И подобно тому, как она иногда полусутя заявляла своим полководцам, что сама сядет на коня и поскачет в бой впереди их, на этот раз она в июне 1786 года схватилась за перо и написала комедию «Шаман-Сибирский», в которой под видом осмеяния ханжества и суеверия выставила московских масонов в виде кривляния шаманов. Очевидно, ей в тот период хотелось быть очень самоуверенной, чтобы выставить в образах клоунов «Дружеское общество» Новикова, в котором каждый член общества, кроме самого Новикова, обладал знаниями в кругозоре профессора, владел несколькими языками, мог свободно импровизировать мотивами Библии.

Пьеса имела успех на петербургской сцене, активно подыгрывая настроениям местных масонов среднего уровня, руководимых Елагиным. Но в Москве «труд» русской государыни никто не поставил. Ответом на её «шаманство» и станет труд А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», выпущенный в 1790 году, от которого императрица уже не сможет оправиться. Хотя самого Радищева Екатерина сразу же захочет казнить, но ей это сделать не позволят. Сначала «бунтовщика» упрячет на короткий срок в тюремный каземат, а потом отправят в Сибирское поселение. А вот с Новиковым ей пришлось дожидаться неприятностей Великой Французской революции. И только после смерти своего основного фаворита Потемкина, являвшегося ещё и другом Новикова, императрица заставит главнокомандующего в Москве князя Прозоровского, далекого от масонского братства солдафона, выполнить единственное условие: арестовать Новикова. Хотя ей перед этим ещё предстояло запиской архитектора Баженова скомпрометировать

своего сына-наследника в некотором заговоре против неё. И только в конце 1792 года Прозоровский отправит столь ненавистного государыне масона в Шлиссельбургскую крепость.

Но пока во Франции ещё не грянул пожар революции Александр Сергеевич Строганов, имея самые высокие степени масонского влияния во Франции (он входил в тройку самых влиятельных командоров этой страны, руководящих «Великим Востоком» Франции), в простой куртке художника часто гулял возле устья Черной речки на Выборгской стороне. Там Воронихин отстроил графу замечательную дачу, завораживающую взгляды петербуржцев. Общение Строганова с простыми людьми было основным делом дачной жизни, поэтому и одевался он так, чтобы разговор с окружающими людьми складывался на должном уровне. В этот период дела и заботы его сводились к воплощению в жизнь практических шагов, нацеленных на будущее. По проекту того же Воронихина строится на Васильевском острове Горный институт, как прообраз храма науки, из которого Петербург должен направлять на Урал соответствующие инженерные кадры, идущие на смену ремесленному уровню производства. В записках Порошина, описывающих порядок воспитания и становления наследника престола Павла Петровича, постоянно упоминается имя А.С.Строганова. Но и воспитание будущего императора Александра тоже не обойдется без значительного влияния «Нестора русского двора», как назовут Строганова за его меценатство. Являясь к тому времени ещё и директором Публичной библиотеки в Петербурге, Александр Сергеевич спасет от истребления значительное число книг, которые по своему содержанию и политическому настрою не отвечали устоям самодержавия. А после смерти Вольтера он сделает всё, чтобы личная библиотека французского мыслителя поступила в распоряжение Публичной библиотеки России.

Основываясь на собственном опыте А.С.Строганов направляет своего сына Павла в Париж для продолжения учебы и приобщения к искусствам. В этой поездке Павла Строганова сопровождают его французский воспитатель Жильбер Ромм и отечественный перспективный зодчий Андрей Воронихин. Им, троим, предстояло в тот период войти в историю своими поступками и творениями рук. Они не долго будут приобщаться к наукам и искусству, ибо постигать придется

науку начавшейся буржуазной революции во Франции. Открывая 24 апреля 1789 года в Версале торжественное заседание «Генеральных штатов» королевства, французский король Людовик XVI не знал, что через два месяца это заседание провозгласит себя «Национальным собранием», и в свете нарастания идей «Национального собрания» королевскую власть ждет арест и последующая казнь. Именно это и напугало в России Екатерину II, отчего она стала резко недоверять масонам и опасаться за свою голову.

Молодой Строганов со спутниками начнет посещать якобинский клуб «Друзей народа», где однажды запишет речь Робеспьера и даст оратору под ней подписаться. Получив роспись лидера якобинцев, Павел Строганов ниже напишет своё имя «Очер». Так название речки в пермских вотчинах станет революционным именем молодого Строганова, под которым он начнет принимать участие в бурных событиях революционного Парижа. В рассказе под названием «Гражданин Очер» Юрий Тынянов расскажет о жизни Строганова на этом крутом изломе французской истории. Жильбер Ромм вместе со своим воспитанником Павлом запишутся в якобинский клуб, будут участниками взятия Бастилии, станут разгуливать в красных фригийских колпаках на голове, символизирующих якобинство. Получат широкое распространение и взаимоотношения «гражданина Очера» с первой красавицей Теруан де Мерикур, поменявшей свое положение первой куртизанки Парижа на место хозяйки революционного салона.

Резкий антимонархический разворот французской революции не на шутку встревожил российскую императрицу, и она стала переоценивать роль тайных обществ. Более того, она узнала, чем занимается в Париже молодой граф Павел Строганов, и в разговоре с его отцом сочла такое поведение недостойным для русского царедворца. Александр Сергеевич Строганов согласился с ней и отозвал сына из Франции. Таким образом, намеченная на четыре года поездка Павла Строганова завершилась через пару лет. Его воспитатель, ярый республиканец Жильбер Ромм, остался в числе руководящих структур якобинцев Парижа и через несколько лет с группой соратников возглавил руководство над революционной Францией. В результате чего все шестеро руководителей того французского переворота, в котором участвовал Ж.Ромм, угодили на

гильотину. Тем не менее, Екатерина II, опасаясь только за свою жизнь, спасла для грядущих испытаний России очень значимую личность.

Передовая общественная мысль России, загнанная в тайные общества и скованная в них клятвой молчания, искала выход из тисков самодержавия на тех же путях, какие в сходных обстоятельствах уже были проложены в Европе. Просветительская французская философия, на идеях которой гвардейцы внесли Екатерину II на престол, долгое время оставалась в российском сознании свободомыслием вольтерянца как для императрицы, так и для участников тайных обществ. Ибо участникам тайных обществ в той или иной мере предстояло стать наследниками Великой Французской революции XVIII века.

После возвращения из Франции в 1792 году, восемнадцатилетний Павел Александрович Строганов женится на княжне Софье Владимировне Голицыной, дочери Натальи Петровны Голицыной, ставшей позднее прототипом «Пиковой дамы» для А.С.Пушкина. В двадцать два года Павел Строганов становится действительным камергером и вскоре получает Командорский крест ордена Иоанна Иерусалимского. Главноуправляющий уральскими именьями Строгановых, А.Ф.Волегов, оставит краткую характеристику на эту тему: «Высочайшим утверждением графа А.С.Строганова актом от 27 мая 1799 года установил для сына в мужском поколении родовое командорство ордена святого Иоанна Иерусалимского, с залогом из своего Пермского имения 572 душ мужского пола, по 10% годового дохода оного». Что в переводе на общепонятный язык означало назначение Павла Строганова во главу всего масонства России, поскольку сам Александр Сергеевич оставлял себе пост почетного командора в этом ордене.

Для Екатерины II итоги надвигающейся катастрофы во Франции сказывались тяжело. На самом взлете революции императрица лишилась Потемкина. Она стала давать первые запретительные распоряжения на деятельность масонов, завела себе довольно ограниченного в делах и мыслях фаворита Платона Зубова, который ничем не мог помочь в понимании событий, происходящих во Франции. И в начале ноября 1796 года императрице стало совсем плохо. Наследник престола Павел Петрович приехал в Зимний дворец и, узнав, что матери уже не

«выбраться» из приступа болезни, сразу же дал распоряжение – освободить Новикова.

На пятый день после кончины Екатерины II вспомнили про А.Н.Радищева. И вышло разрешение на возвращение Радищева из Сибири.

Российская империя стала на свой лад переписывать революционные события во Франции...

Часть 5 ТРАГЕДИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЭЙФОРΙΑ РОССИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В ВОЙНЕ С НАПОЛЕОНОМ

По мере того как Великая Французская революция набирала обороты, вынуждая в сентябре 1791 года Людовика XVI стать конституционным монархом, преломлялись взгляды французских масонов. Победа буржуазии над монархической властью делала ненужной тайную деятельность масонских лож. И 1792 год становится трагическим для истории тайных обществ. В это время всех потрясет заявление гроссмейстера французских лож герцога Луи-Филиппа Орлеанского, входившего одновременно вместе с графом А.С.Строгановым в тройку самых влиятельных масонов «Великого Востока» Франции». Орлеанский заявил: «Я вступил в масонство, которое является некоторым подобием равенства, в ту эпоху, когда ещё никто не мог представить нашей революции, точно так же, как примкнуть к парламентам, которые являются подобием свободы. Но я покинул затем призрак ради действительности. Не зная, каким образом составлен Великий Восток, и полагая, что республика, особенно в начале своего учреждения, не должна допускать никакой тайны, никакого тайного общества, я не желаю больше вмешиваться ни во что, касающегося как Великого Востока, так и собраний франк масонов». Тиражируя это заявление командор «Великого Востока» Филипп Орлеанский делал намек на Лондон, выставляя себя послушным ягненком английского парламентаризма и масонства. В действительности победившая в революции французская буржуазия языком своего лидера давала понять английским собратям о том, что включается в борьбу за передел мира, в которой английская буржуазия уже достигла больших успехов.

На этой политической волне французские ложи быстро изменяют свои названия в наименования господствующих политических фракций, выбрасывая из них всякое упоминание о святых. Места лож займут народные общества, открываемые для всех и демонстрирующие свою связь с активным политическим центром – Якобинским клубом в Париже. В борьбу вступали монархисты, прикрываясь идеалами буржуазного толка. Им отвечали республиканцы, доходящие в мировоззрении до «заговора равных» коммуниста Гракха Бабёфа. Политические мотивы

принимали самые невероятные выражения. До России эти французские выражения уже доходили в самом извращенном виде.

В конце XVIII века масонские общества Франции обнаружили себя в качестве игрушки, которая была нужна буржуазной аристократии в качестве ширмы, из-за которой они могли успешно воздействовать на монархическую власть. В качестве раздражающего примера для работы тайных обществ использовался опыт английских масонов, которые, при отсутствии основных фамилий феодальных баронов, сумели плавно перетечь в парламент, и, с высоты трибуны парламента, вынудили отойти в тень монархическую власть. В результате незначительные вложения аристократии в работу тайных обществ окупались последующим доступом к парламенту и влиянием парламента на общественную жизнь и капиталы. Поэтому, когда во Франции аристократия в союзе с победившей буржуазией прибрала к рукам Национальное Собрание, лидер крупного капитала Филипп Орлеанский счел нецелесообразным дальнейшие траты на работу масонских обществ и отказался от масонства. Романтизм тайных обществ, нацеленных на буржуазные преобразования, сохранялся только в Голландии. Но Голландия, остающаяся при своём романтизме купца, уступает пальму первенства на море Англии, подобно тому, как предпринимательская аккуратность голландцев уступает место простой жажде наживы англичан, направившей свои корабли на колониальную экспансию всего мира. И на этом сложном фоне преобразований во Франции её ведущие аристократы порывали с масонством. Однако, в Англии так не считали и обстановка там была совсем другая. Англичане не рвали так резко с тайными обществами, а предоставляли им возможность со временем приобрести либо вполне благопристойное значение клубов по интересам, либо скатиться к обскурантизму мистиков и существовать в качестве официальных контор для откровенных мошенников.

А тем временем противоречия революция во Франции выходит на уровень громких выводов и обвинений в устах противоборствующих сторон. Сумрачный покров террора окутывает французское общество. Гибнет на гильотине Луи-Филипп Орлеанский и часть членов Великого Востока. Гибнут другие лидеры организаций, ставших политическими. По цвету головного убора враждующие стороны

разделились на белых и красных. При этом волны белого террора сменялись красным и снова начинался белый... Красный террор был делом простых людей и всегда осуществлялся с соблюдением законных форм. Тут судили по совести и, вынося оправдательный приговор, искренне радовались за оправданных, сумевших очиститься от обвинения. Ничего подобного при белом терроре не наблюдалось. Его вдохновители и исполнители, люди из «общества», с извращением демонстрировали при народе «чистоту» белых перчаток (масонский термин), не зная, что такое суд над противником; без конца распространяясь о справедливости и морали, но сами резали безоружных, зывали к снисхождению, но не знали его по отношению ни к детям, ни к старикам. При этом вдохновители белого террора имели обыкновенье похвастаться своими «подвигами» в салонах своих прелестниц, вызывая восторг и удостаиваясь сопутствующих наград.

И вот на этой кровавой оргии во Франции, по трупам, всходила к власти фигура Наполеона. Его политика конкретно выражала стремление французской буржуазии конкурировать с английской, активно утверждая свое влияние в Азии и Северной Африке. А в России к власти империей приступал наследник престола Павел I, командор «Мальтийского ордена» и любимец московских масонов, стоявших долгое время в оппозиции к его матери. Все московские высокопоставленные масоны с восхождением Павла на трон получили высокие титулы или назначения.

Освобожденного из Шлиссельбургской крепости Новикова привезли к императору 5 декабря 1796 года. Государь сразу предложил ему вознаграждение за понесенные гонения и убытки. Но гость отказался... Они говорили более часа. Но всё безрезультатно. В заключении беседы Новиков попросил Павла освободить ещё восемь человек и получил на это согласие. Очевидно, для нового русского императора это был самый серьезный разговор, ибо от поддержки его лидером тайных обществ Москвы – зависело очень многое для России. Но бывший оппозиционер его матери предпочел полунищенское существование в стороне от политики, хотя был полон сил и ему судьба отводила ещё долгие годы. В ответ на предложение стать одним из самых влиятельных сановников нового двора, Н.И.Новиков отказался.

DMITRY LEVITSKY
Portrait of the Writer Nikolai Novikov

В результате влиятельным сановником двора станет А.А.Аракчеев. Поэтому можно только догадываться о том, что могло бы произойти в России, если бы Новиков согласился сотрудничать. Во всяком случае, наступавшие времена уже несли с собой издержки революции во Франции. В качестве заразительного примера для российских братьев оставалась возможность работы тайных обществ Англии по образу и подобию отеснения монархии от власти.

Масонство в Англии, как некое подобие зачаточного буржуазного парламентаризма, сумело проявить себя на почве закулисных действий с монархической властью, поскольку у монархии не было возможности опереться на сколь-нибудь значительные силы феодальных баронов и дать отпор претензиям буржуазии. Другое дело, Франция. Там произошел открытый бой сил зарождающегося капитализма с монархическими остатками, которые оказались сильны и в дальнейшем, на попытки создания буржуазных империй, были способны отвечать попытками возрождения монархических империй.

Тот крест, который на этом фоне Павел I попытается взвалить на Россию окажется непосильным ни ему, ни империи. Возглавляемый им в тот период Мальтийский орден в исторической памяти оставался чем-то вроде перевалочной базы для бывших крестоносцев, вынужденных уйти из «святых» мест и спастись бегством на Мальте. Отличительной чертой ордена был белый крест на красном плаще, символизировавший выход четырех лучей из центральной точки, претендуя выражать тем самым научную мысль. Этим содержанием подчеркивался исключительный смысл символа света, преобразующего мысли человека. А вот масонский смысл картины «Подземелье в Мальте», имевшей хождение в России, представлял собой подземное жилище мавров, живущих рядом со скотом,

и выползающих из расщелин, наподобие пигмеев, при появлении командора испанской Мальты со своей духовной свитой. И надо полагать, что для императора Павла это был своеобразный взгляд на собственное воцарение в России, где он сам себя отождествлял с «лучом света». Во всяком случае, назначение графа Аракчеева на роль ведущего фаворита в политике свидетельствовало в большей степени о том, почему от этого назначения отказался Новиков. Да и из всей московской плеяды масонов взгляды Павла I разделял разве что князь А.Б.Куракин.

Кончается террор во Франции. Просыпаются ложи. Энергичный Ретте де Монтало взывает к жизни новый «Великий Восток» и способствует его примирению с остатками старой ложи. Это происходит в 1799 году. Возрожденный «Великий Восток» уже раболепствует перед Наполеоном, который начинает делать первые попытки оттеснения Англии от их колоний и стремится к собственному завоеванию мира.

В том же 1799 году Строгановы усиливают в России действие ордена «Иоанна Иерусалимского», который возглавит в качестве Великого командора Павел Александрович Строганов. Этим жестом российское братство тайных обществ давало ясно понять, что «иоанниты» имеют свою историю и никак не связаны с «Великим Востоком» Франции. Павлу I в среде «иоаннитов» достается титул великого магистра, не являющегося главенствующим. Среди членов этого ордена с черной лентой будут значиться князь Безбородко А.А., князь Белосельский-Белозерский А.М., самый богатый армянский купец Лазарев И.Л. и другие.

В этот период Александр Сергеевич Строганов возглавляет все комиссии по сооружению Казанского собора в Петербурге. Воронихин, возведенный графом Строгановым в степень высших чинов, становится зодчим российской новинки на Невском проспекте. Впервые Россия создавала величественное здание на уровне мировых шедевров архитектуры, громко заявляя о своей самостоятельности: ни один иностранный зодчий не был допущен к участию в постройке этого храма. Да и сам собор выражал по своей сути не православное сооружение, а масонский храм, имеющий традиционные выходы на три стороны, на которые ориентируется Россия. Тем самым проводилась грань, отделяющая российских братьев от ненадежных французов.

Начало XIX века в России ознаменовали очень противоречивые аракчеевские реформы. Павел I не мог не чувствовать то, как увеличивается грань размежевания с масонским сообществом в империи и сам пытался отделиться от этого сообщества в сооруженном им Михайловском замке. Однако братья с ним расправились по масонским же законам, заколов шпагой, символом которой он клялся кровью не нарушать масонское братство, в противном случае – давал согласие на подобную участь. Эта участь его как раз и постигла. Для остальных жителей империи, не ведавших о тайных обществах, была создана версия о смерти императора от «почечных коликов». На эту масонскую предусмотрительность Карамзин саркастически заметил: «Кто же в России

А.Варнека. 1814 г. Портрет А.С.Строганова

оплакивал смерть императора Павла?..». Сын Павла, Александр, принимал участие в этом заговоре и, после случившегося с отцом, сделал вполне ободряющее заявление: «...при мне всё будет как при бабке». То есть молодой Александр I вполне отчетливо понимал необходимость приоритета мнения тайных обществ, поэтому сразу же заявил о намерении соглашаться во всем с масонским сообществом и не перечить ему.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна все свои надежды обратит к Александру Сергеевичу Строганову и кто-то из царствующих

особ каждый день будет посещать дом Строгановых, чтобы знать мнение его хозяев на будущие перспективы империи.

А между тем перед Российской империей вызревала первостепенная задача – дать отпор амбициям французской буржуазии, пришедшей к власти на волне революции и сразу же заявившей о претензиях на чужие территории. В этой ситуации ведущему ордену «иоаннитов» в России предстояло начать вражду с остатками старого «Великого Востока» во Франции. В противовес личности Наполеона, перед которым склонился «Великий Восток», русские командоры выдвинули своего масона-личность, который с получения седьмой степени ходил под орденским именем «Зеленеющий Лавр», подкрепленный девизом «Победами себя прославить». Это был Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. В масонство он вступил в Рагенсбурге, когда находился в заграничных походах, поскольку возникла сильная потребность для «поисков сил для борьбы со страстями и ключа от тайн бытия». Со временем он побывал в ложах Франкфурта, Берлина, Петербурга и Москвы. Поэтому общая направленность его масонских исканий, в большей части розенкрейцерских (немецкие ложи «розы и креста»), была ближе всего московским братьям во главе с Новиковым.

Старик Строганов в это время поглощен строительством Казанского собора. Под «философией камня», закладываемого в собор, он стремится объединить мировоззрение русского воинства, которому предстояло защитить родные земли. Потому как символ строящегося храма больше соответствовал «Иерусалимской легенде», объединяющей братьев перед трудным испытанием. И уж чему Казанский собор не соответствовал, так это образу православного храма, зовущего на покаяние. Не смотря на старческие годы и больные ноги, Александр Сергеевич Строганов не страшился забираться на высокие леса, воздвигнутые по периметру собора, чтобы лично проверять качество работ. Художники Шебуев В.К, Боровиковский В.Л, и другие писали образа, скульпторы Мартос И.П, Гордеев Ф.К, Пименов С.С, Демут-Малиновский В.И. создавали линии барельефов. И подобно тому, как на некоторых барельефах навечно застыли в тяжелом раздумье могучие мудрецы под деревом жизни, так и основному философу российских «иоаннитов» пришлось тяжело

обдумывать будущее, находясь под тяжестью нависающих угроз. Именно ему, как олицетворению последнего оплота рыцарского масонства, предстояло найти все ответы на воинствующие вызовы времени.

Павел Александрович Строганов в это время исполняет по Сенату должность обер-Прокурора, которая позволяет ему готовить решение по усилению деятельности колонистов-старообрядцев. Это усиление деятельности Строганов объединял возле интересов монастырей, вырастающих на местах бывших скитов, чем способствовал усилению торговли. В этот период он совместно с В.П.Кочубеем и Новасильцевым выражают высшее правительство России, призванное найти ответы на внутренние и внешние вопросы империи, оказавшейся в сложном положении. Однако, мирные заботы российской аристократии были прерваны военными баталиями. Осенью 1805 года в Европе снова зазвучали выстрелы и начались военные действия. Стараниями английской дипломатии была создана могущественная коалиция против Франции, куда кроме Англии вошли Россия и Австрия. И 21 октября 1805 года в морском сражении при Трафальгаре, английский флот, под командованием адмирала Нельсона, полностью уничтожил объединенные французский и испанский военные флоты. Надежды Наполеона осуществить десант на Британские острова потеряли смысл. Но 13 ноября французские войска победителями вошли в столицу Австрии, Вену. В «битве трех императоров» 2 декабря 1805 года под Аустерлицем австрийские и русские войска были разгромлены Наполеоном, а русский император Александр и австрийский – Франц бежали в величайшем смятении с поля боя. После неудачи Аустерлицкого сражения Павел Строганов в 1806 году едет в Лондон для определения политических намерений английских братьев. В результате в том же году возникает IV антифранцузская коалиция. И к Англии с Россией присоединяются Пруссия, Саксония и Швеция. Но через месяц после начала войны Пруссии уже не существовало. Или, как потом скажет немецкий поэт Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию и её не стало».

Понимание необходимости своего участия в надвигающейся войне заставляет Павла Александровича Строганова отправиться в действующую армию волонтером. Отличившись в сражении при реке Алле, он получает орден святого Георгия, а вскоре – звание генерал-

майора. Однако, английские «братья» в этот период не стремятся выдвинуть свои войска в Европу и не выражают никакого желания вместе с союзниками противостоять в открытом бою Наполеону. Англичане занимают выжидательную политику, хотя Наполеон объявляет Англии блокаду со стороны континентальной Европы.

Совсем по-другому ведет себя Российский император. Александр I встречается с Наполеоном в Тильзите и 7 июля 1807 года подписывает с ним мирный договор. Согласно договора, Россия признавала за Наполеоном все его завоевания в Европе и становилась союзником в континентальной блокаде против Британских островов. В результате чего к осени 1809 года Россия оказывается в одиночестве перед наполеоновской Францией, которая добивается зенита своего могущества

Генерал-лейтенант П.А.Строганов.
Военная галерея Зимнего Дворца.

Строганов в том же году назначается командующим второй Гренадерской дивизией.

Старик Строганов к 1811 году доводит строительство Казанского собора до успешного завершения. Шедевр архитектуры классицизма,

В 1808 году Павел Строганов получает звание генерал-адъютанта и командует лейб-гвардии Гренадерским полком, с которым участвует в Финляндском походе против шведов, а также в экспедиции на Аландские острова.

В 1809 году он направлен в Молдавию, где участвует в семи походах против турок.

Вместе с многочисленными наградами Павел

блестящий образец синтеза искусств на Невском проспекте, Казанский собор освящается 14 сентября 1811 года и становится местом духовного поклонения русских братьев, которым предстояло пережить в следующем году труднейшие испытания наполеоновского нашествия на Россию. Этим действием Александр Сергеевич Строганов подводил итог своей жизни, в

И.Ф.Тупылев. 1796 г. Портрет графини С.В.Строгановой с сыном Александром

русской воинской славы. Ибо военное братство окажется единственно возможным союзом единомышленников, способным устоять в годину выпавших тяжелых испытаний.

В конце июня 1812 года Наполеон вероломно вторгается в Россию. Мирная жизнь империи нарушается. Начинается трудное испытание войной. После первого сражения русской армии с французами под Смоленском император Александр I вынужден уступить мнению, распространяемому тайными обществами, и назначить М.И.Кутузова главнокомандующим. Битва под Бородино и последующее владение ситуацией показали высокие боевые и моральные качества Кутузова. За Бородинское сражение Павел Александрович Строганов получает чин генерал-лейтенанта. Кутузов на этом этапе русской истории проявляет себя настоящим отцом формирующейся нации, жертвуя Москвой – спасает Россию. Он блестяще предугадал дальнейшие действия Наполеона, результатом чего стало вынужденное отступление французов по «старой Смоленской дороге». Само поражение Наполеона в войне

точности выполнив завещание своего отца. Теперь он сам оставлял блестящего сына, который к тридцати семи годам возглавлял русские братства масонов и на самом поле боя проявлял себя в качестве героического воина. У него подрастал внук, названный в его честь Александром, и четыре внучки.

Через неделю после освящения Казанского собора старик Строганов скончается. А его величественное строение станет жить своей жизнью, постепенно принимая вид пантеона

1812 года против России предопределило и крушение наполеоновской империи.

В следующем году Наполеон двинет против русской армии, вступившей в Германию, новые войска. Но теперь ему приходилось бороться не только с русскими; против него поднялась вся Европа. Вчерашние союзники Франции переходили в ряды антифранцузской коалиции. В трехдневной битве под Лейпцигом в октябре 1813 года, прозванной «битвой народов», союзники сломили сопротивление Наполеона. И «словно черной молнии подобен» Павел Строганов снова блистал под Лейпцигом.

Но ещё раньше, в июле 1813 года, произошла битва за Пиренеи, отделявшими Францию от Испании. Маршал Султ ограниченными силами французов в 35 тысяч человек успешно сдерживал методичное продвижение англо-испанских войск численностью до 100 тысяч, руководимых герцогом Веллингтоном (в 1808 году он ещё значился как английский генерал Артур Уэлсли). При этом Султ будет почти год успешно сдерживать Веллингтона на юге Франции и позволит ему продвинуться дальше только когда узнает о сдаче Парижа.

Фельдмаршал М.И.Кутузов скончается в 1813 году и будет погребен в Казанском соборе Петербурга. Вполне отчетливо можно предположить, что за этим решением стояла воля «иоаннитов», ведомая П.А.Строгановым. С этого момента Казанский собор начнет приобретать значение пантеона русской воинской славы.

Войска антифранцузской коалиции вынудили Наполеона отступить на территорию Франции. Россия вместе с союзниками двигалась к эйфории победы над французским нашествием. А Павлу Строганову в условиях военного похода во Францию надлежало преодолеть самую горькую трагедию, которую со временем предстояло разделить с ним и многим его соратникам.

Военные события 1814 года на территории Франции со стороны антифранцузской коалиции носили очень осторожный характер. Против более чем 200-тысячной армии союзников Наполеон имел под рукой до 70 тысяч солдат, которые были вынуждены прикрывать различные направления и тем самым сдерживать продвижение союзных войск. Из-за необходимости останавливаться на зимних квартирах, защищать

коммуникации и блокировать французские крепости, союзники тоже были вынуждены расплывать силы, что делало их превосходство на поле боя не столь очевидным и давало возможность Наполеону умело сосредотачивать свои относительно небольшие силы и умело воевать с противником. После смерти Кутузова Александр I официально возглавлял русскую армию. Но фактически основными силами русских войск во Франции руководил прусский фельдмаршал Блюхер, который больше других был нацелен на взятие Парижа. В то время как наиболее сильная Главная армия (бывшая Богемская), руководимая австрийцем Шварценбергом, по требованию Австрии стремилась сдерживать продвижение союзных войск на Париж.

Первые сражения Наполеона с Силезской армией Блюхера в январе 1814 года проходили с переменным успехом, потери сторон были примерно равными. И 2 февраля состоялся военный совет, на котором союзники решили двигаться на Париж раздельно. Но в «шестидневной войне» февраля Наполеон наносит ряд поражений армии Блюхера, разгромив при этом русский корпус Олсуфьева. После чего французы наносят удар по Главной армии Шварценберга, разгромив 17 февраля русский авангард Палена и баварскую дивизию. В результате первое наступление союзников на Париж провалилось. На усиление Блюхера были направлены из Голландии русский корпус Винцингероде и прусский из Северной армии Бернадота. А сам Блюхер получил от русского императора Александра разрешение действовать самостоятельно.

И теперь у соратников Кутузова были развязаны руки. Они знали к чему может привести война на измор на территории Франции. Русский корпус под командованием Витгенштейна, при поддержке австро-баварского корпуса Вреде (всего 35 тыс.), отбросили 27 февраля войска маршала Удино (18 тыс.) за реку Об (правый приток Сены) в районе поселения Бар-сюр-Об. Успех удалось развить и 5 марта союзники в очередной раз заняли Труа. Но здесь Шварценберг вновь остановил свое продвижение, следуя установкам австрийского кабинета не удаляться далеко за Сену. Поэтому основным сражениям суждено было развернуться северо-западнее, за рекой Марной, между Наполеоном и армией Блюхера. 4 марта Блюхер перешел на правый берег Эны, где его

армия соединилась с русским корпусом Винцингероде и прусским Бюлова и увеличилась до 109 тыс. солдат.

Наполеон не знал о соединении союзников и намеревался перерезать центральную дорогу Суассон – Лаон. Поэтому 7 марта он решил атаковать позиции Блюхера на Краонских возвышенностях, на которых оборонялись две русские дивизии П.А.Строганова и М.С.Воронцова, входящие в корпус Винцингероде, численностью до 16 тысяч солдат. Сражение при Краоне становится одним из самых кровопролитных за всю кампанию 1814 года.

Наполеон разместил шесть артиллерийских батарей на возвышенности вблизи Краона. На левый фланг русских он направил три штурмовые колонны под командованием маршала Нея. На правый фланг русских Наполеон направил гвардейцев Мортье и кавалерию Нансути. В центре атаковал маршал Виктор. В результате с французской стороны был, как минимум, двойной-тройной перевес сил. Завязалась артиллерийская дуэль, которая продолжалась до двух часов дня. При штурме Наполеон потерял до 8 тысяч солдат, причем в сражении непропорционально много французских генералов выбыло из строя. Но в этом сражении Блюхер отводил ключевую роль десятитысячной кавалерии Винцингероде, которая должна была обойти и нанести решающий удар в тыл Наполеона, когда тот увязнет в штурме Краонского плато. Но Винцингероде заплутал на французских дорогах и не смог помочь Строганову с Воронцовым. Поэтому, не дождавшись атаки русской конницы в тыл французов, Блюхер дал приказ Строганову и Воронцову отступать.

Отход с Краонского плато в сторону Лаона прикрывался артиллерийским огнем и, по признанию военных специалистов, был осуществлен блестяще. Наполеон, заметив отходящие к реке русской пехоты, вывел на передовую линию всю доступную артиллерию около сотни орудий. Одновременно французская кавалерия пыталась атаковать спускающуюся с плато пехоту. И тогда русские гусары и драгуны из резерва Остен-Сакена отбросили кавалеристов Наполеона, что дало время установить на склонах плато русские батареи в две линии, одна над другой. Замысел удался, поэтому, когда русская пехота миновала свои орудия, те стали бить с такой интенсивностью, что французы были

вынуждены убрать свои орудия с линии огня. Артиллерийская дуэль, по признанию очевидцев беспрецедентная в кампании, продолжалась 20 минут. Ни одна из сторон не захватила трофеи. Захваченное ценой больших потерь плато не имело значения для Наполеона с военной точки зрения. Его цель разбить, или хотя бы сильно ослабить армию Блюхера, осталась нерешенной. В результате сам Наполеон был вынужден дать такую оценку сражению: «Только Старая Гвардия стояла крепко. Всё остальное плавилось как снег...».

В битве под Краоном русские потеряли 5 тысяч человек. Из генералов погиб Ланской. Павел Строганов потерял в этом сражении сына Александра. Заряд из французской пушки снес сыну голову. Так отец, сумевший сохранить собственную голову от французской гильотины тем, что был вовремя отозван из Франции, перед наступления термидора, теперь во Франции, неожиданно столкнулся с обезглавливанием собственного сына. Строганов был вынужден принять случившееся, как ещё один акт термидора, который произошел в битве с человеком, который шел к трону, ступая по обезглавленным трупам французских республиканцев. Это был первый акт трагедии Павла Строганова.

Сражение при Лаоне явилось развитием сражения при Краоне. За два дня, 9 и 10 марта, Наполеон потерял столько же своих солдат сколько пали за полдня под Краоном. Победа армии Блюхера под Лаоном стала делом чести после того, что случилось двумя днями раньше. Но после победы под Лаоном произошло главное в военной кампании 1814 года: была открыта дорога на Париж. И 25 марта обе армии, Блюхера и Шварценберга, возобновили окончательное наступление на столицу Франции. На этом пространстве Наполеон уже ничем не мог им помешать. На белом коне в Париж союзники позволят въехать русскому императору Александру I. Это становится уже актом трагедии для всех русских братьев, ибо ничего героического на поле боя они со стороны императора не видели. И тогда вставал вопрос: а кто же двигал в Париже русским императором?

Вот тут-то и появляются английские «братья», ведомые герцогом Веллингтоном. Ибо сами англичане свои войска никуда не двигали, дожидаясь того, когда их французский маршал Сульт выпустит с южной

границы Франции. Соответственно Сульт, узнав 10 апреля 1814 года об отречении Наполеона от престола, пропустил Веллингтона к Парижу. Вот тогда-то англичане первым делом берут себе в союзники ведущих европейских монархов. И с их помощью усаживают на французский трон очередного Бурбона, под именем Людовика XVIII. Такой подлости от английских «братьев» русские члены тайных обществ, пришедшие с боями в Париж, вряд ли могли ожидать. Это был второй акт трагедии Павла Строганова.

Дальнейшие события разворачивались по английскому сценарию. Прологом тому стала дипломатическая активность англичан, у которых, как позднее выяснится, «нет постоянных друзей, а есть только постоянные интересы». В октябре 1814 года в Вене откроется конгресс европейских держав. На нем англичане решающую роль послевоенного европейского обустройства отводили кроме себя ещё и русскому царю Александру I, австрийскому канцлеру Меттерниху, монархам Пруссии и Франции. На пленарных заседаниях ничего не решалось. Конгресс продолжался почти год, но все происходило в торжественных приемах, балах и танцах. В перерывах же между вальсами велись секретные переговоры с глазу на глаз, решавшие судьбы многих миллионов людей. Основным принципом, который объединял большинство участников конгресса и определял их решения, был принцип легитимизма, т.е. восстановления «законных» прав прежних монархов, утративших свои владения. По сути дела монархи России, Пруссии и Австрии получили права – осуществлять полицейские функции в Европе. А по сути дела Англия назначала их своим жандармом на континенте. И в марте 1815 года один из балов в Вене был прерван шокирующим известием: Наполеон бежал с Эльбы, высадился 1 марта на юге Франции и стремительным маршем движется на Париж. Ненависть французского народа к Людовику XVIII, посаженному на престол штыками интервентов, была так велика, что Наполеон смог, не произведя ни одного выстрела, за три недели завоевать всю Францию и войти с триумфом в Париж.

Теперь уже англичанам пришлось тяжело раздумывать над тем, как повторно остановить Наполеона. Поддержка Англией европейских монархов была выгодна ей для наведения собственного порядка и

устранения конкурентов в Европе. Потому как широкие массы на континенте в XIX веке стали тянуться к революции, их проще всего было оставить в объятиях монархий. Однако, при таком стечении обстоятельств, англичане уже не могли рассчитывать на поддержку тайных обществ в Европе, способных рыцарски противостоять военному нашествию Наполеона. Теперь «рыцари» с Туманного Альбиона должны были по сути дела в одиночестве противостоять войскам Наполеона. И в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 года Англия выставила на поле боя всё, что смогла. Войскам Веллингтона удалось в этой битве одолеть Наполеона. В результате история им улыбнулась во второй раз. Первый раз, как известно, передрались Алая и Белая розы, расчистив путь английской буржуазии к власти. Теперь передрались, по тому же сценарию, Франция и Россия, позволив английской буржуазии властвовать уже на всем континенте и, как следствие, править на всем мировом пространстве.

Павел Александрович Строганов первым понял что происходит. Он обладал как полномочиями, так и капиталом, которые при данном развитии события становились сильно урезанными. Строганов не мог не понимать того, что усиливается роль дворянства и царя, за которыми с этого времени стояли английские кредиты и европейские монархи, а всякая попытка смены Романовых лишь приведет к их возвращению, как это произошло с Бурбонами во Франции. Поэтому после похорон сына Павел Строганов угасал заживо. Он отошел от всех дел и выглядел совершенно больным человеком. Врачи посоветовали ему дышать морским воздухом.

В один из майских дней 1817 года Павел Александрович вместе с женой и дочерью в последний раз покинул свой дом на пересечении Мойки и Невского проспекта и отправился на Черную речку, в устье которой стояла яхта с дежурившим персоналом из 12 матросов, готовым по команде хозяина взяли курс на Балтику. Именно такую команду Павел Строганов им и отдал в тот майский день. Путешествие началось. Возле Копенгагена Строганов почувствовал себя несколько лучше, поэтому отправил жену и дочь на берег, чтобы не утомлять их путешествием. А через сутки... он скончался.

Надо полагать, что из всего созвездия людей искусства трагедию Строгановых понимал только Воронихин, скончавшийся вслед за обезглавленным под Краоном Александром Павловичем. На эти события поэты ещё долго будут возносить оды гибели молодого Строганова, но понять всю трагедию его отца так и не смогут. Собственно, сухой язык документалистики в таком изложении тоже не помощник. Если подходить серьезно к трагедии Павла Строганова, то тут уже нужен Шекспир.

Пушкин, когда выдвигал свою оду на битву под Краоном, писал так:

*О старх, о горькое мгновенье,
О Строганов, когда твой сын
Упал сражен, и ты один
Забыл и славу и сражение
И предал славе ты чуждой
Успех, достигнутый тобой.*

В данном случае Пушкин мстил Воронцову, принявшему всю славу Краона на себя. Ибо с Воронцовым поэт враждовал, отчего не вникал глубоко в суть произошедшего во Франции. Поэтому для него окажется куда важнее отобразить тещу Павла Строганова в «Пиковой даме», чем вникать в смысл трагедии, суть которой окажется губительной и для друзей-декабристов. Был ли тогда для Пушкина странным выход с того же перекрестка Мойки и Невского проспекта, чтобы в последний раз самостоятельно проехать до Черной речки... Ясно только, что все декабристы, так или иначе, пошли тем же путем, только каждый на свою Черную речку.

В сентябре 1815 года царь Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III подписали «Священный союз», документ, объединяющий европейских монархов против революционных движений. Этот союз опирался на все силы реакции, включая и иезуитов, чтобы вести борьбу с «духом вольнодумия» и «революционной ересью».

И на этом фоне оказывается деморализованным масонство, как братство нарождающейся европейской буржуазии. Поскольку английские и французские лидеры использовали тайные общества в качестве ступени к власти, то после их действий раздавленные морально «рыцари» уже не

смогли подняться. На месте вчерашнего братства начала действовать реальная власть сил Капитала. При этом интересы крупного капитала вынуждали на экономическом поле конкурировать вчерашних братьев друг с другом, втягивая в спор других союзников. Итогом заново сложившейся политической ситуации становилось создание ведущих экономических держав, способных подчинить себе более слабых. На этом пути развития крупного капитала тайным обществам масонов оставалась участь прислуги в качестве спецслужб.

Тем не менее, Отечественная война 1812 года разбудила политическое сознание русских офицеров. И хотя они в большинстве своем были дворянами, но сформировавшееся сознание уже не позволяло им защищать крепостное право, которое они считали величайшим злом для своего отечества. В России развивалась торговля, рос и укреплялся всероссийский рынок, а огромная доля трудовых масс центральных областей была в крепостной зависимости и не могла преодолеть препятствия к занятию торговлей, которые ставило перед ней крепостное право. В результате форма протеста офицеров продолжала формироваться в тайных обществах российской империи, считая возможным для себя установить в империи конституционную монархию.

Но совсем иначе повел себя Александр I после победы над Наполеоном. Он во всем начнет повторять отца. Но при этом может ещё и опереться на английские кредиты, которые бывшие враги его отца теперь готовы выдавать в России только царю, под личные гарантии. Поэтому главным лицом в государстве снова становится самодур Аракчеев – «всея России притеснитель». Сам Александр в 1822 году запрещает в империи масонство, хотя как бывший масон не имеет права воспрепятствовать деятельности этих братьев, ибо таким актом он подписывает себе смертный приговор. И в ноябре 1825 года Александр I внезапно умирает, создав тем самым в стране обстановку междоусобицы.

Наследником престола оказывается Константин, следующий по старшинству брат скончавшегося императора. Но поведение Константина становится крайне не последовательным: он отказывается от престола, хотя позволяет армии присягнуть себе на верность. Из-за чего члены тайных обществ уже не хотят присягать новому императору Николаю и выходят с оружием и войсками на Сенатскую площадь...

Могли ли декабристы тогда победить? Конечно, не могли. Их лишили таких шансов прежде всего бывшие английские «братья». Англичане после победы над Наполеоном стремились использовать в своих интересах любые армии, превращая в зависимых должников европейских монархов и толкая их на феодальные завоевания. И победа буржуазной революции в России им была крайне не выгодна. Кроме того, победа в России декабристов неизменно привела бы к интервенции в страну армий других монархий, поскольку декабристам в Европе было не на кого опереться. Поэтому вполне закономерно поведение лидеров тайных обществ декабристов. Князь С.П.Трубецкой вообще не явился на площадь, видя в этом выступлении всего лишь бунт обреченных. А князь С.Г. Волконский сделал всё, чтобы остановить от выступления «Южное общество». Третий маститый участник тайных обществ Н.И.Тургенев, последний долгожитель из «Новиковского кружка», во время подготовки и самого восстания декабристов находился за границей, поэтому московские члены тайных обществ вообще оказались вне рамок происходящего. Что касалось поведения самих декабристов, то их действия больше напоминали разрозненные шатания французских республиканцев периода термидора, чем сколь-нибудь осмысленные действия, координируемые единым центром. Призвать широкие массы на борьбу члены тайных обществ не могли, в силу замкнутости своего движения и веры в индивидуальные способности своих лидеров, которые, по их мнению, должны «направлять братьев».

Время выступления декабристов стало для их лидеров невольным продолжением трагедии П.А.Строганова, Только они переживали её по-разному. Глава декабристов С.П.Трубецкой являлся близким родственником скончавшегося командора Павла Строганова. А другой лидер, С.Г. Волконский, уже стоял с командором Строгановым насмерть под Краоном и знал цену происходящему. И, как люди чести, они не могли отказаться от своих убеждений. Но, в то же время, от безысходности в создавшейся ситуации лидеры декабристов оказались более способны так же мучительно последовать за Павлом Строгановым в могилу, чем стать рядом с новым императором, упивающимся самовластием.

Подобно тому, как Лев Толстой в этот период усаживает своего главного героя романа «Война и мир» за чтение Евангелие от Матфея, ставя тем самым крест на всем предыдущем богоискательстве и начиная заново богостроительство, так и антикрепостнические движения в России начинали свою борьбу с самодержавием с чистого листа. А Строгановым предстояло испытать на себе все сложности кризиса построения капитализма в России, находясь с треном на разных сторонах понимания проблемы.

Эпоха петровских реформ в России закончилась.

Часть 6 ЗАКАТ СТРОГАНОВЫХ

К своему завещанию Павел Александрович Строганов приложил майоратный акт нераздельного имения. Согласно ему, старшая дочь Наталья Павловна, выходя замуж, давала титул графа и своему супругу, если тот его не имел. И в 1818 году она выходит замуж за своего родственника, московского барона Сергея Григорьевича Строганова. В результате чего Сергей Григорьевич становится графом и владельцем нераздельного имения. А к его отцу, барону Григорию Александровичу Строганову, занимавшему в разное время посты послов и министров, переходит титул командора ордена Иоанна Иерусалимского.

В то же время в маленькой деревушке под Москвой доживал свой век Николай Иванович Новиков, легенда минувшего века, так и не принявший узких взглядов новых членов тайных обществ. Он также поэтически олицетворял собой «духовные нужды» братства и равенства:

*Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины, -
В священном светлом храме братства
Чтут добродетели одни.*

Новиков уходил из жизни незаметно, унося с собой идеалы «Новиковского кружка», в котором сложилось и получило распространение «русское общественное мнение». В XIX веке такая деятельная любовь к своему обществу найдет распространение у Апполона Григорьева, одного из духовных детей Новикова. Однако «почвенность» Григорьева и его «теория органической критики» сильно пробуксовывали в условиях нового времени. Подлинным выразителем размаха новиковской мысли станет А.С.Пушкин, которому в год смерти московского оппозиционера исполнилось только девятнадцать лет.

Сергей Григорьевич Строганов тоже не смог ужиться в Петербурге с новым императором. Как председатель Московского отделения мануфактур он основывает в 1828 году в Первопрестольной школу рисовальщиков для текстильной промышленности. Данное учреждение быстро расширяется и вскоре станет называться Строгановским центральным художественно-промышленным училищем, в котором высшее отделение будет выпускать художников по прикладному искусству.

В то же время в Петербурге новый президент Академии художеств А.Н.Оленин будет продвигать саму Академию к императорской семье так близко, что с 40-х годов ею начнут управлять члены императорской фамилии. Разумеется, у Оленина уже не будут обучаться бывшие крепостные, как это имело место у А.С.Строганова. Хотя дом Оленина на Фонтанке станут посещать художники и поэты, но хозяин дома будет ориентировать их на императорские ценности, а не на те добродетели, которые почитали отцы и деды в минувшем веке. Поэтому, когда скульптор С.И.Гальберг посетит дом покойного А.С.Строганова и осмотрит ценные предметы, ориентировавшие его творческое поколение на идеалы прошлого, то не сможет ничего сказать. Слезы так сдавят дыхание Гальберга, что он покинет дом в самых расстроенных чувствах, не стесняясь их скрывать. Другой скульптор, И.П.Мартос, в память о А.С.Строганове, создаст памятник М.В.Ломоносову в Архангельске в том стиле, в каком молодой скульптор вместе со старым меценатом создали памятник А.В.Суворову в Петербурге, возле Марсова поля.

Романтические идеалы товарищества и братства уходили в прошлое. В новых условиях тайных обществ высокие идеалы прошлого менялись на простое шарлатанство, находя сколь-нибудь заметное мистическое выражение на небогатой публике, пытающейся приспособиться к меняющимся европейским условиям. Изменяющиеся условия приведут на французский престол потомка герцога Орлеанского, который по примеру своего деда примет имя Луи-Филиппа, и даст капиталу все возможности поправки человеческой личности. Искусство Франции на этот демарш крупной буржуазии сможет ответить только языком «Человеческой комедии» Бальзака.

Постаревшая и во многом ставшая повторять черты своей матери, Софья Владимировна Строганова станет тяготеть к меценатству. Обремененная сокровищами искусства в петербургском доме Строгановых, где она по большей части проживала уже одна, графиня передвигала собственные карты. Её одолевала тяга к познанию архивов семейства своего мужа и вообще история рода Строгановых. Знакомые рекомендуют ей для работы с архивами профессора истории Петербургского университета Н.Г.Устрялова. Она принимает предложение. В результате строгановские архивы впервые попадают в

чужие руки. Помимо архивных данных Устрялов собрал и весьма далекие мнения о происхождении хозяев дома. Кроме того, документы первоначального накопления капитала, как и его последующей реализации, не являлись желательными для обзора посторонних глаз. Тем не менее, профессиональный историк всё это изучил. Итогом работы Устрялова стало написание книги «Именитые люди Строгановы», появившейся в 1842 году, в которой основатель династии Спиридон был представлен татарским мурзой.

После выхода книги Сергей Григорьевич Строганов был вынужден сделать официальное заявление: «С чего это ваш Устрялов в брошюре «Именитые люди» вздумал придавать фамилии Строгановых значение феодальных баронов? Ничего подобного не было. Напротив того, Строгановы были людьми русского происхождения, посвятившие себя промыслам: сначала соляному, а потом железному и вообще рудному. В доказательство сего, могу сказать, что и теперь в Вологодской губернии, откуда, собственно, и вышли Строгановы, есть люди, носящие фамилию Строгановых и не менее древнего происхождения, как я сам; с ними я лично знаком, и считаю своё происхождение, а равно и их, от одних и тех же родоначальников»...

Генерал-лейтенант, сенатор, попечитель Московского университета и почетный член С.-Петербургского, граф Строганов С.Г. в 1842 году во всеуслышание заявлял о том, что он происходит из «черных людей». В Сольвычегодске, который со временем отошел к Архангельской области (Великий Устюг и Тотьма остались в Вологодской) и поныне живут Строгановы, родство которых ведется с Владимира, родного брата Аники. А находящаяся рядом с Сольвычегодском деревня Циренниково иногда так и называется Строганово, по фамилии большинства потомков ветви Владимира Строганова, проживающих там. Устрялов об этом ничего не знал, поэтому был вынужден больше не афишировать свою книгу. Однако, заявляя о происхождении из «черных людей», Сергей Григорьевич грозно намекал своей теще, имевшей четырех дочерей, урожденных Строгановых, не распахивать архивы перед посторонними людьми. И как это ни странно, но дочь прототипа «Пиковой дамы» мало что знала о

родословной собственного мужа, поэтому делала столь неуклюжие движения с целью

Портрет графа С.Г.Строганова

хоть через профессора Устрялова прояснить корни теперь уже общей родословной.

Остались неизвестными для Софьи Владимировны и гордые заявления прадеда своего мужа, Григория Дмитриевича Строганова, сделанные им во время возвышения Петром I образа Александра Невского, когда Григорий Дмитриевич гордился именно своим новгородским происхождением.

Ибо далеко не всегда в России, учитывая настроения царей, следовало гордиться новгородским происхождением, поскольку республиканские порядки Великого Новгорода в период царствования Николая I было лучше не будоражить.

Но то, что будоражило в этот период Сергея Григорьевича Строганова, так это дальнейшее развитие Урала, чтобы как-то ускорить промышленной развитие этого региона. В замужестве за Демидовым Николаем Никитовичем (1773-1828) была графиня Елизавета Александровна Строганова, которая имея салон в Париже, чем обозначала свою политическую деятельность, сделает всё возможное для своего сына Павла Николаевича Демидова, чтобы отец и сын Черепановы, самоучки на чугуноделательных и рудных заводах Нижнего Тагила, прошли обучение на паровозоделательных заводах Англии и Швеции. После чего усилиями отца и сына Черепановых (Ефим Алексеевич и

Мирон Ефимович), форсируют в 1833-1834 годах выпуск первого отечественного паровоза. Для его использования строится местная железная дорога. Годом позднее Черепановы создадут ещё один паровоз, по мощности значительно превосходящий первенца. Это была крупная заявка на создание транспортной сети железных дорог, соединяющих столицу с Уралом. Но дорогостоящая затея Елизаветы Демидовой-Строгановой и её сына Павла Демидова, не находит поддержки ни у царя, ни у отечественной аристократии.

Время создания первых паровозов отцом и сыном Черепановыми приходится на время правления нижнетагильским заводом Павла Демидова. Его мать Елизавета Александровна Демидова-Строганова скончается в Париже и будет похоронена на кладбище политических деятелей Пер-Лашез под своей девичьей фамилией Строгановой Елизаветы. Её могила в настоящее время пользуется большим авторитетом на Пер-Лашез. Другой её сын Анатолий Николаевич Демидов ещё при жизни возьмет себе имя князя Сан-Донато, будучи женатым на племяннице Наполеона Бонапарта принцессе Матильде де-Монроф. Его роль в искусстве будет известна в качестве покровителя Карла Брюллова, которого он возил в Италию и рекомендовал сюжет картины "Последний день Помпеи". В конце жизни он будет на нижнетагильском заводе управлять его работой последним из Демидовых.

Николай I во всем ориентируется на кредиты англичан и для него приоритетом в развитии являются не российские предприниматели, уровня Строгановых и Демидовых, а Англия. Отчего кредиты на железнодорожное строительство позволят русскому царю ограничиться только прокладкой дороги от Петербурга до своей дачи в Павловске. Следующие кредиты, поступившие значительно позднее, позволят соединить железнодорожным транспортом Петербург с Москвой. На Урал первые паровозы смогут прибыть только к концу XIX века.

Из чего следует то, что выдвижение в свое время «временщика» Аракчеева к реальной власти, при Николае I превратило саму российскую власть в подобие «временщика», обслуживающей иностранные заказы. Отчего Крымская война, спровоцированная теми же англичанами, для России станет очередным этапом ослабления и, в то же время, позволит

усилиться европейским конкурентам. Тем временем расстановка сил на самом континенте невольно стала выражать желание хозяев Туманного Альбиона держать полуфеодальные режимы в состоянии постоянной вражды, легко принимающей формы войны Алой и Белой роз. Отчего сила России возрастала только на тех направлениях, которые были выгодны англичанам и являлись желательным звеном в цепи нарастающей борьбы конкурентов. В то же время, внутри России самодержавие становилось тормозом, на борьбу с которым поднималось всё более возрастающее количество жителей. Особенно острота этого вопроса усилилась в столичных центрах.

И как покажут события, не так-то просто оказалось вести российский капитализм по ступеням прогресса. Но то обстоятельство, что капитализму, вызревающему в недрах феодализма, требовалось объединять усилия и наращивать производство, толкала родоначальников капитала к решительным действиям. Известен случай, позволивший графу С.Г.Строганову проверить свою опытность на торговле железом и тем самым сделать попытку повести российский капитализм эпохи царствования Николая I к высотам металлургического производства. С этой целью он отправился на одну из ярмарок Нижнего Новгорода. И там, к своему удивлению, обнаружил, что приехавшие на ярмарку купцы вовсе не стремятся устанавливать цену на продаваемое железо, а чего-то выжидают. Будучи человеком дела, граф собрал купцов и выразил недоумение от того, что они не назначают цену своему товару, ибо на ярмарку приезжают продавать товары. Купцы переглянулись и согласились с мнением графа. Цена была назначена. Железо С.Г.Строганова в огромном количестве, по назначенной цене, было быстро раскуплено. Граф торжествовал. Но затем, к его удивлению, цена на железо быстро начала подниматься. Строганову пришлось уразуметь, что своей поспешностью он потерял значительные суммы выручки от продаж. Те же купцы скупили железо графа, а потом, вместе со своим, продавали по более высокой цене. При встрече с обманутым Строгановым мошенники ехидно говорили ему: «А вот, ваше сиятельство, цену-то на товар бог дает, а не люди!».

Вызревающий в недрах крепостничества российский капитализм не стеснялся смеяться над своими родоначальниками, подобно тому, как библейский Хам смеялся над своим отцом.

При этом не лучше дела обстояли и в отстаивании библейских «истин» со стороны Синода, как главного идеологического центра российского самодержавия. Назначенный в это время новым обер-прокурором Синода кавалерийский генерал Протасов нагнал на свою команду в рясах «страх и трепет», «дух из всех повышиб», «сонмом архиерейским как эскадром на учении командовал». Даже жандармерия следила за благонадежностью архиереев. В данном случае сам российский престол не оставлял возможностей православному клиру хоть как-то проявить себя, поскольку церковь ставилась на уровень простого воинского соединения, вынужденного выполнять команды главы Синода. И тут можно дискутировать о том, следует ли вообще защищать церковников того периода, возводивших в святость сам принцип крепостничества... Конечно, такие церковники стоили полученной участи. Но дело тут в другом. Таким жестом российский трон подчеркивал безразличие, как к своей участи, так и к участи народа России. В полной мере это проявится только на полях Первой мировой войны, когда царь четко проявится в роли английского заложника, вынужденного воевать за английские интересы до последнего русского солдата. Что станет самодержавию смертельным приговором.

А в середине XIX века реальность выражала происходящее по Салтыкову-Щедрину: «Сверху – власть тьмы, а снизу – тьма власти». Ибо уже тогда российский капитализм не столько наращивал капиталовложения, сколько сам же и грабил. В итоге у буржуазии вместо приоритета общих целей преобладали узкие интересы сиюминутной выгоды, результатом которых становилась спекуляция, а не наращивание объемов производства. Будущий капиталист никак не мог оторваться от мировоззрения помещика, входя с подобным багажом в революционные преобразования и копируя во всем самодержца России, одновременно пытающегося стать и самым крупным капиталистом империи. Такая империя была обречена на гибель, хотя внешне барахталась в предреволюционном состоянии буржуазных преобразований. Но у нарождающегося российского капитализма, в силу реформ крепостников,

либо были утрачены лучшие идеалы, либо молодая буржуазия уже с рождения не получала ничего святого.

История утраты политических идеалов ярче всего в тот период проявилась на американском примере. Реформирование тайных обществ нагляднее всего выражалось после 20-х годов XIX века в Северо-Американских Штатах, где те политические слои общества, которые добились независимости, вдруг оказались не у дел. Причиной тому послужило становление двух крупнейших буржуазно-политических партий. Республиканская партия ставила целью расширение финансовых возможностей, а Демократическая партия была настроена враждебно к силе «денежного мешка» и видела опору своим интересам во власти демократического президента. В эпицентре вражды оказался Нью-Йорк, где экономические интересы, противостоящих друг другу восточных и западных штатов, всегда находили свое разрешение. Вот тут-то и разгорелась газетная шумиха двух партий и, по мере вовлечения широких слоев населения в полемику, достигла такого размаха, что когда политическая обстановка стабилизировалась, газеты всё ещё никак не могли охладить свой пыл. И на волне этого кипения вдруг оказалось, что «свобода крупного капитала» уже не может больше терпеть «свободу тайны мелкого масона». Тогда газеты обрушили всю мощь своего удара на масонов. Пройдут десятилетия и романтические американские масоны избавятся от иллюзий братства и товарищества. На это место придет новое увлечение еврейской кабалистикой, которая станет путеводной звездой для тайных обществ и ложи станут оживать на новых ориентирах мечты приложения капитала с наибольшей выгодой. В результате кабалистика станет тем «туманом», который укроет любые способы применения капитала, будь то откровенное рабство в Северо-Американских штатах или крепостничество в России.

Всё это в полной мере проявится на родоначальниках отечественного капитализма, на Строгановых. Сергей Григорьевич будет занимать многие должности, включая должность генерал-губернатора Москвы. Но нигде долго не задержится, подавая, как правило, в первые же месяцы прошение об отставке. Единственными местами, где он сможет найти себя с пользой для дела, окажется попечительство над Московским университетом и развитие собственного Строгановского

художественного училища в сторону промышленного дизайна. Но именно эта область приложения сил С.Г.Строганова станет и наиболее оппозиционной как крепостничеству, так и самодержавию в России. Хотели того Строгановы или нет, но в создавшейся обстановке лицом российского капитализма во второй половине XIX века становилась личность генерала Протасова, предпочитавшая не развивать торговые отношения, а командовать ими. И тогда становятся понятными реформы генерала Аракчеева в период правления Павла I и Александра I, поскольку появление генерала Протасова было возможно только на почве уже состоявшейся «аракчеевщины».

Не смогла в этих условиях развиваться Русская Аляска. Она стала обузой для Романовых и они её продали, под предлогом вековой аренды, по цене одного небоскреба в Нью-Йорке.

Те дороги, которые служили старообрядцам для ухода от порядков крепостничества, станут в XIX веке путями ссылки политических узников российского самодержавия. Соловецкий монастырь из оплота старой веры превратится в самый зловеющий каземат противников самодержавия. И если участникам восстания декабристов все же разрешат вернуться из мест ссылки, то декабристам, попавшим в Соловецкий монастырь, этого сделать никто не позволит. Бастионы монастыря для узников примут то же обличье, которое у Александра Дюма принял замок Ив. И хотя глаза «чудотворных» образов с икон Соловецкого монастыря продолжали звать в мир далекой Московской старины, оваянной первопроходческой удалью предков, глаза новых монахов выражали непоколебимую уверенность в устоях самодержавия. Самодержавие приготовилось править вечно.

Российское общественное мнение было вынуждено формироваться на новых началах ударов «Колокола» А.И. Герцена и обличительной критики Н.Г.Чернышевского. Хотя Герцену для этого пришлось эмигрировать и вещать из Англии, чтобы не оказаться в условиях гонений, которым подвергся Чернышевский. Английский капитал допускал такую политическую активность российской оппозиции, ведя русского царя в нужном направлении своей политикой кредитования.

Родоначальники отечественного капитализма – Строгановы в такой обстановке прогрессировать дальше не могли. Они тяжело всё это

переживали, что отражалось на стагнации рода. Брат Сергея Григорьевича, Александр Григорьевич Строганов будет доживать XIX век городским головою Одессы, где закончит полет строгановского влияния в России губернаторством Новороссийским и Бессарабским.

На протяжении пяти веков семейство Строгановых несло высокие мотивы эпохи Возрождения, пробиваясь сквозь частоколы забитости и фанатизма, но при любых обстоятельствах вознося смысл «высокого предназначения человека». Они никогда не воевали с собственным народом, но если вставали на защиту отечества, то были смелы и отважны. Как основатели торгово-промышленного капитала, они напрямую связывали интересы получения выгоды с движением к «свету», а неудачи погружали во «тьму», обставляя всё это мотивами религиозного искупления. Экономические успехи для Строгановых становились этапами к «духовному богатству», а неудачи отводили в «духовную нищету». И хотя духовность здесь становилась формой придания святости капиталу, она, тем не менее, в создавшейся системе ценностей получала общественную поддержку. Строгановы связывали своё мировоззрение с искренностью древних предшественников, увлеченных идеями античного рационализма. По той мудрости, имевшей всего лишь мифическое выражение, они строили собственную пирамиду власти и участвовали в создании основ метафизики. Продвигая философию, они впитывали наравне с науками и античные взгляды Демокрита, преумноженные усилиями Вольтера до уровня, ставшего мостом к материализму. И выхода из этого замкнутого круга у них уже не было. Тем более, они не могли себе позволить размена богатства идеалов собственной истории на мелкую монету политической спекуляции.

Ветвь сольвычегодских Строгановых, Аникеевичей, закончит своё существование в 1923 году, с кончиной в Париже последнего наследника по мужской линии.

В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Публикации по истории рода Строгановых в российской печати всегда возникали спонтанно. С одной стороны, сами представители фамилии были не заинтересованы в афишировании своего имени, поэтому всякие попытки что-то реанимировать сталкивались с непроходимыми трудностями, а, с другой стороны, в этом были не заинтересованы власти России, правившие в периоды упадка. А поскольку упадок с XIX века в России был почти всегда, за исключением сталинского периода индустриализации в XX веке, то и заметное внимание, к их дому и их способностям управлять, проявилось именно в это время. Характерно и то обстоятельство, что оставшиеся обрывки памяти о доме Строгановых и их взглядах, собирал и анализировал профессор А.А.Введенский, наиболее известный историк сталинского периода. И тогда возникает вопрос: а почему апологеты капитализма так старательно обходили эту тему? Почему реформаторы капитализма в России никогда не обращались к опыту отцов-основателей основного купеческо-промышленного дома?

Вот тут-то и получается некрасивая история с самим капитализмом. Поскольку, уже который век этот российский капитализм строят и строят, а на деле получается уродливое реформаторство по меркам кавалерийского наскока. Как будто за этими мерками – на раскроечном столе российского капитализма – постоянно машут саблями царские сановники. А в эти условия уж как ни встраивай Строгановых, но они всё равно будут смотреть в другую сторону. Их просто нельзя поставить в современную череду капиталистических реформаторов, не изуродовав до неузнаваемости. От этого всё, что появляется о Строгановых в современной печати или Интернете, создает из них образ царедворцев, озабоченных не путями развития отечественного капитализма, а только укреплением и сохранением трона. Это извращает всю их экономическую политику и в итоге создает однообразную картину самой России, в которой всё однообразно работает на трон.

В то же время, рассматривая историю становления торгово-промышленного дома Строгановых, можно, как минимум, видеть два подхода. По форме один из подходов выражался аристократическим жестом отцов-основателей. Другой, символизирует кавалерийскую атаку

во славу российского капитализма и выполняется в обветшавших мундирах Аракчеева-Протасова. Поэтому, по сути воздействия реформ капиталистическое реформаторство в России проявлялось также двояко. Строгановы в качестве рычагов буржуазных преобразований использовали науку и искусство, а собственное ведение хозяйства из-за огромных размеров и территорий стремились заключить в плановую форму. А вот их оппоненты из царедворцев были способны в качестве буржуазного реформаторства пробивать себе дорогу пушками или ружьями, а на ближнем расстоянии убеждать нагайкой или кулаком.

И тогда возникает уже другой вопрос: а кому нужен такой капитализм в России? Кто его «научно» обосновывает и продвигает? И как показывает горькая история Строгановых, такой капитализм прежде всего оказался нужен Англии. Теперь подобные наклонности подхватили и «научно» обосновывают и продвигают апологеты американского и германского капитала. Поэтому, в конечном счете, подобные намеренья приобрели болезненное расстройство и стойко выражаются общей тягой Запада – промышленять грабежом в России, используя для этой цели своих посредников. В качестве посредников стране навязывается образ давно политически обанкротившихся ставленников Запада – Романовых. Именно Романовы в условиях капитализма на постсоветском пространстве конца XX и начала XXI веков приобретут значение единственно «правильных» царей-правителей России.

Представленная в данном повествовании история рода Строгановых как раз и направлена на то, чтобы укрепить в отечественном сознании героические страницы Русской старины и поставить представителей этого почетного рода в отечественной истории в качестве лидеров дворянского революционного периода в истории России. Кроме них никто не сделал столько для буржуазного преобразования феодального российского общества и никто не смог предпринять столько действий для приобщения народностей Севера и Сибири, пребывающих в патриархальных общинно-родовых связях, к связям общегосударственным. Двигая русскую церковь на Север и Сибирь они не навязывали местным народностям свою веру, а демонстрировали местным лидерам принцип: делай как я. Без их роли в истории России нельзя объективно представлять период преобразований с XVI века до этапа выступления

декабристов в XIX веке. Их история необходима как для дальнейших исследований прошлого в отечественной истории, так и нахождения отголосков тех политических сражений в современном противостоянии.

Или, как стало принято выражаться, нельзя говорить о будущем, не ведая прошлого!

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.Ф., Варенцев В.А. Новгород. , «Лениздат», 1985 г.
2. Андреев В.Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. 1976г.
3. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в .XVI-XVII вв. ,М., 1927г.
4. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI – XVII гг. «Соцэкгиз», 1962 г.
5. Введенский А.А. Торговый дом в XVI – XVII в.в., Ленинград., 1924 г.
6. Введенский А.А. Библиотека и архив Строгановых., «Север», кн. 3-4, 1923г.
7. Вернадский Г.В., Русское масонство в царствование Екатерины II., Пгр, 1917г.
8. Веселаго Ф.Ф. Очерк Русской морской истории. Часть . 1., С.Петербург., 1875 г.
9. Волегов Ф.А. Родословная гг. Строгановых. «Пермский край» №3, Пермь 1895г.
10. Вороницын И.П. Декабристы и религия., 2-е издание. 1930г.
11. Икосов П. , История о роде и заслугах фамилии Строгановых. Пермь. 1789.
12. Катаев И.М., На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябинск. 1948г.
13. Колмаков Н.М., Дом и фамилия графов Строгановых. «Русская старина», т.53, с.575-602, т.54, с. 71 – 94., 1887г.
14. Курбатов Г.Л., История Византии., «Высшая школа», 1984 г.
15. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. ПСС., т.3. 1953г.
16. Лонгинов М.Н., Новиков и московские мартинисты., Москва., 1867г.
17. Мельгунов С.П., Сидоров Н.П., Масонство в его прошлом и настоящем. Сборник: Часть 1., М., 1914 г.; Часть 2., М., 1915г.
18. Морской сборник. № 3 за 1900 г.
19. Никольский Н.М. История русской церкви., Огиз., 1931 г.
20. Постников С. Афанасий-первый архиепископ Архангельский и Важский., СПб. 1866г.
21. Пыпин А.Н., Русское масонство в XVIII и первой четверти XIX в. Издательство «Огни», Петроград., 1916г.
22. Садовников Д. Наши землепроходцы. Москва., 1905 г.
23. Семевский В.И. Казенные крестьяне при Екатерине II – половники. «Русская старина», т.24., 1879г.
24. Соколов В.В. Европейская философия XV – XVII вв. «Высшая школа», 1984г.
25. Соколовская Т.О., О масонстве в прежнем русском флоте., «Море» №8 за 1907г.
26. Соломина В.П. Искусство древнего Севера. Сев.-Зап. Книжное издательство., 1967г
27. Соскин А. История г. Соли-Вычегодской от древних до наших времен., Вологодские епархиальные ведомости за 1881-1882г., зап. № 43.
28. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. Москва «Наука»., 1982 г.
29. Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы., СПб., 1842г.
30. Шишонка В. История о Строгановых., Составлена П.Икосовым в 1761 году., Пермь., 1881г